

СЛОВО. Том VI

Шестикнижие: **История Руси: кто мы?**

Почему народы, объявленные историками высокообразованными с величайшей культурой и оставшимися по сию пору на территориях их проживания великолепнейшими памятниками древности, на поверку, оказываются на сегодняшний день весьма примитивными и варварскими? И почему, наоборот, народности, объявленные варварскими, что также на поверку, имеют глубочайшие корни своей древнейшей на земле цивилизации, в том числе и письменной?

А все дело в том, что именно мы, русские люди, которых нынешняя историческая «наука» посадила на дерево и которым вручила банан с пальмы, являемся, что уже на самом деле, истинными носителями культуры, простирающей свои корни к древнейшим цивилизациям планеты. И именно нам, что выясняется, исконно принадлежат приписанные безграмотным варварам произведения искусства и ваяния древности, навыки построения великолепных городов и крепостей, способность мореплавания уже в те древнейшие эпохи, когда все иные нам народы земли являлись исключительно сухопутными. Нашими же являются и древнейшие памятники письменности, обнаруженные на земле, но умышленно упрятанные от наших глаз подальше, что также высвечивается сегодня более чем убедительно, фальсификаторами мировой истории.

История народа Русы — история мировой цивилизации

Отзвуки сражений за СЛОВО

Просветителями славян считаются святые благоверные братья Кирилл и Мефодий, в 863 г. впервые ступившие на землю Моравии.

Однако просветительство являло собой отнюдь не обучение грамоте, так как славяне давно уже пользовались своею грамотою, на что указывают и сами просветители. Это была лишь некоторая модернизация славянской слоговой грамоты под считающуюся очень удобной в употреблении буквенную. Причем, удобную именно для проведения богослужения на церковнославянском языке инородцами, то есть не славянами. На это указывают и некоторые буквы кириллицы, впоследствии для самих славян оказавшиеся просто лишними:

«фита, ижица, пси и т.д.» [63] (с. 131).

Мало того, кириллица, якобы придуманная для нас греческими просветителями, имеет достаточно странное обозначение нашего звука **У** — **ОУ**. Что и еще раз указывает на то, что вовсе не для славян изобретали свою азбуку Кирилл и Мефодий, но как раз наоборот: славянские учителя пытались просветить светом Евангелия эллинов, не способных к произнесению звука **У** (например, **Рума** у славян и **Рома** в произнесении этого населенного пункта проживающими на Апеннинах эллинами).

Вот еще достаточно веский факт: объяснение странной двувариантности корня имени Божьего народа: **рось** и **русь**, **роса** (**раса**=**раша**) и **руса**. В Палеи Соловецкой библиотеки на «Смерть и погребение Адама» (с. 13), находим искомое:

«...Иеросалим» [136] (с. 208).

В греческом неумении выговорить букву **У** — вот где корень этого странного перехода: **Россия** (**Рось**[**Русь**] **сия**) — **Русь**. Нашу страну, так же как наш город, «...Иероусалим» [136] (с. 218), судя по всему, принято было отображать в тексте: **Роусь**.

Потому именно победа греческих обычаев при митрополите Макарии, когда наше исконное молитвенное перстосложение заменили двуперстием (во всяком случае, официально), венчается заменой и наименования нашей страны: **Руси** — **Россией**:

«Современный Иоанну Грозному митрополит Макарий первый начал употреблять слово **Россия** и государи, следовавшие за Иоанном Грозным, в своих речах и грамотах большей частью употребляли слово “**Русия**” и весьма редко **Россия**, и только в царствование Алексея Михайловича вместо “**Русия**” во всеобщее употребление вошло слово **Россия**...» [36] (с. 563).

Так что происхождение этого странного сочетания, **ОУ**, в нашем языке совершенно ненужном, очень четко указывает на тех, кому оно столь безотлагательно когда-то потребовалась: русским людям, легко выговаривающим любой самый сложный оттенок человеческой речи, или грекам, не произносящим этого столь для нас обычного и столь злосчастного для них звука.

Но и это еще не все аргументы в пользу нашего их просвещения, а не наоборот. Употребляемые нами для чисел буквы в кириллице почему-то идут не подряд, **А-Б-В-Г**, но **А-В-Г**. Что объясняется все тем же: буква **В** отсутствует в греческом алфавите, как и **У**. Потому даже произнести название этой буквы эллины не смогли бы. И именно по этой причине она, считываемая греками в наших текстах вместе с **Б** совершенно одинаково, у греков имела лишь обозначение цифры **2**. Всего вышеизложенного совершенно достаточно для определения: кто из нас кого просвещал. Мало того, именно по обнаруженной нами причине кириллицу и называли:

«греческим письмом» [63] (с. 249).

То есть тем самым письмом, которым для чтения молитв на церковнославянском языке пользовались греки. Потому особенностями этого алфавита являются: исключительно эллинам и необходимые буквы и буквенные сочетания, порядок обозначения цифр и графическая схожесть некоторых букв между собой. Что необходимо лишь при прочтении написанных на нем текстов греками. Нам же, что и естественно, все вышеперечисленные нагромождения совершенно ни к чему. Мало того, в старославянских текстах отличие этих букв, **Б** и **В**, выглядит и еще более неразборчиво, чем в современных. Потому именно

для нас это является очень большим неудобством. Так что и по этому показателю следует констатировать сам собою напрашивающийся вывод: схожесть написания сочинителями грамоты была избрана исключительно для них.

И вот, кстати говоря, тому подтверждение еще из позапрошлого XIX века. Венелин:

«...греки в IX, X и отчасти XI столетиях писали тем же самым уставным почерком, которым писали и русские до Петра Великого и которым и доселе печатаются наши церковные книги» [318] (с. 663).

И вот еще очень интересная Венелиным подмечена деталь на тему некой эдакой грамотности греков:

«С 800 г. по начало XII века писал в сей Империи почти один только император Константин Багрянородный, около 950-х годов. Остальное писачество состояло в переписывании по монастырям, уставом и полууставом, богослужебных книг» [318] (с. 665).

У нас этот шрифт, введенный, что нами доказывается теперь уже имеющимися фактами, для обучения безграмотного народа, каковым в ту пору и являлись греки, был узаконен князем Владимиром, подменив собою нашу руническую письменность. Греки же до того момента письменности, что выясняется, не имели вообще никакой.

Очень похоже, что не имели и много позже. Ведь еще в XIII веке богослужебные книги для них так все и продолжали писать мы:

«В библиотеке Ватикана и сейчас хранится книга “Устав церковный”, написанная по-гречески в 1317 году иеромонахом Нилом» [367] (с. 8).

А на книге указана и местность, которая изготавливала богослужебные книги для малограмотных в ту пору греков, что и отображено даже в ее названии. Она написана:

«в пределах России, в городе, называемом Тверь» [366] (с. 44).

Вот и некоторое уточнение ее тверских авторов:

«Написана она была в Федоровском монастыре, игуменом которого был Иван Цареградец...» [367] (с. 8).

То есть человек, знакомый с туземным языком местности, откуда некогда переселилась основная часть нашего народа на Русскую равнину. Потому именно он, за вопиющей безграмотностью в те времена самих греков, и заведовал обучением оставшихся на юге братьев по вере, греков, азам нашей Православной культуры.

Однако ж и в дальнейшем никаких культурных центров Греции, якобы аж крестившей нас, не прослеживается и в помине. Ведь сами греки, уже и в эпоху Петра I, так все еще и оставались примитивным безграмотным народом, сами себе даже книги не умеющим изготавливать. А те, даже богослужебные, которыми пользовались константинопольские греки:

«...печатают в Венеции, а Венеция попежская, и папа — головный враг христианской вѣрѣ. Как у них быть благочестию и откуда взять? Каковы им ни пришлют книги из Венеции, и так они по ним и поют» [388] (л. 70 об.).

Так что греков нашему письму научили мы. Именно этим письмом, что уже отмечено, они пользовались не менее трех веков. Затем, судя по всему, была изобретена так называемая «древнегреческая» грамота. На нее греки постепенно, в течение XI века, и перешли. Это эсперанто, судя по всему, на пару-тройку веков предшествует уже иному эсперанто — латыни.

Однако ж той древнейшей культуры, которая им приписывается лжеисторией, они не обладали никогда. Что и подтверждается даже тем, что уже к XVIII веку слишком не мудреное искусство печатного станка они так еще и не освоили. Книги им везли из Венеции, как несколькими веками ранее из Твери.

А вот особенности еще более древнего письма — глаголицы. Во-первых, в ней полностью отсутствуют буквы, требующиеся для отображения звуков, произносимых греками. А, во-вторых:

«...глаголица отображает и древнееврейский алфавит...» [63] (с. 252).

Так что и эллины, и аморреи, и даже некогда проклятые Ноем хананеи получили возможность Славы нашего Слова.

Наше же отношение к Христианству очень четко прослеживается еще до получения нами через князя Владимира кириллицы:

«...согласно Ибн Хордадбегу [40-е годы IX в.], русские купцы в Багдаде, которые “относятся к племени славян”, “выдают себя за христиан и, как таковые, платят поголовную подать”» [29] (с. 74); [433] (с. 125, § 73).

Но если в Багдаде наши купцы считались всего лишь гостями-завсегдатаями, то вот как в то же время выглядела наша торговля с греками:

«В Царьграде русские купцы торговали шесть месяцев. Согласно договору, остаться на зиму не могли. Размещали их не в самом городе, а у “святого Мамы” (монастырь св. Мамонта)» [128] (с. 457).

Это свидетельство о русских купцах времен Константина Багрянородного также подтверждает нашу тогдашнюю веру: на постой в православный монастырь никто и никогда язычников не допустит. А тут — не просто пустили, но и всегда принимали в монастыре, отведенном исключительно для наших купцов! То есть, судя по всему, именно таком монастыре, где служба велась на нашем СЛОВЕ и с помощью наших же церковных книг.

Мало того:

«...в Царьграде русские купцы пользовались различными льготами, предоставленными им греческим императором. В частности, продавали свои товары и покупали греческие, не платя пошлины; кроме того, им выделяли бесплатно продукты питания и разрешали пользоваться баней. По окончании торга греческие власти обеспечивали нашим купцам съестные товары и корабельные снасти» [128] (с. 457).

Ключевский сообщает, что это было вполне обычным явлением, приводя цитату из самого договора:

«как искони повелось» [50] (с. 53).

То есть вышеописанное животрепетание греков перед нашими купцами являлось правилом, узаконенным еще в незапамятные времена.

А вообще:

«Греки побаивались Руси, даже приходившей с законным видом... уходя домой, Русь получала из греческой казны на дорогу продовольствие и судовые снасти, якоря, канаты, паруса, все что ей надобилось...» [50] (с. 53).

Тут уж либо товары наши, судя по такой к нам несказанной почтительности, поистине золотыми для греков были, либо они имели от нас какую-то зависимость (в книгах, например, эту зависимость того времени мы уже разобрали).

Между тем именно у нас обнаружено достаточное количество археологических находок, указывающих на удивительно кипучую хозяйственную деятельность в довлдимирской и даже дорюриковской Руси, которая со мнением о нас как о разрозненных, серых, безграмотных и диких языческих племенах совершенно не вяжется:

«О том, что торговля велась очень большая, свидетельствует характер кладов того времени, которые в изобилии находят близ старинных городов, на берегах больших рек, на волоках, возле бывших погостов. В этих кладах не редкость арабские, византийские, римские и западноевропейские монеты, в том числе даже отчеканенные в VIII в.» [128] (с. 457).

И это самое «даже» продиктовано давно усвоенным мифом о нашей якобы полной и вопиющей сиволапости и неотесанности.

Однако чудом сохранившиеся письменные свидетельства говорят об обратном:

«В трактате Теофила (X в.) Древняя Русь называется в числе немногих стран, славящихся изготовлением украшений с эмалью и чернью. Их сюжеты и композиционные

решения, поражающие эстетическим совершенством, **выработаны тысячелетия назад...**» [142] (с. 306).

То есть мы не только покупали, но и с очень немалой для нас выгодой продавали изделия своих мастеров, славящихся еще в античном мире. Но если следы нашей валюты, изготовленной из кожи (гривны кун), обнаружить теперь достаточно непросто, то некогда приобретенные у других народов монеты из драгоценных металлов сохранились. Эти-то находки и подтверждают торговые связи Древней Руси в более отдаленные времена.

«...историк Ростовского края А.А. Титов писал со слов Артынова, что в селе Угодичи при рытье канавы для бута под сельскую Богоявленскую церковь была найдена монета римского императора Домициана, правившего с 81 по 96 год. То есть речь идет о времени практически первоапостольском» [18] (с. 405).

И не только монеты, но и культура указывает на наше вероисповедание на тот первоапостольский период:

«...на верхнем Дону... в пещерных образованиях найдены предметы христианского культа, близкие к апостольским временам» [18] (с. 406).

Монеты, датированные I веком, лишь подтверждают тот факт, что наша государственность сложилась достаточно давно: задолго до появления Рюрика. Лишь она одна была способна обеспечить столь по тем временам обширный товарообмен.

А потому миссия Кирилла и Мефодия, о которой столь усердно распространяется пропаганда, не могла являться просветительской, так как письменность была в ту пору у нас, а не у греков, которых якобы и представляли эти самые «просветители»-де темного и безграмотного славянства. Но не у греков, а именно у нас в ту пору давно имелась и письменность, и вера православная, и государство, как выясняется, было уже давно вполне сложившимся.

Но почему нам всегда навязывали мнение, что они нас просветили светом Евангелия, а никак не наоборот? Ведь именно для нас в Константинополе был специально отведен целый монастырь, а не у нас для них!

«Создатель славянской азбуки Кирилл задолго до того, как им была создана эта азбука, находясь проездом в Крыму, в Корсуни (Херсонесе), видел у одного русского Евангелие и Псалтирь, написанные русскими письменами: “обрете же ту Евангелие и Псалтирь, русьскими письмены писано, и человека обреть глаголюша тою беседою, и беседова с ним и силу речи приимь, своей беседе прикладаа различна писмена, гласная и согласная, и к Богу молитву творя, въскоре начать чести и сказати, и мнози ся ему дивляху...”, — сказано в “Паннонском житии” (Кирилл)» [29] (с. 73).

И тут есть чему удивиться: чтобы освоить праславянскую слоговую грамоту одного желанья мало — нужно иметь еще и генетическую способность к познанию этого языка. В особенности же если учесть, что самого греческого письма в ту пору еще не было. На каком же языке умели читать сами эти «просветители славянства» — Кирилл и Мефодий? Так ведь только-то на нашем, что вытекает из всего вышеизложенного и умели.

Однако ж в историях историков все по-иному:

«В “Сказании” Храбра говорится: “Прежде убо словене не имяху книг, но чертами и резами чьтяху и гадаху, погани суще”» [29] (с. 29).

Вот они следы вражьей пропаганды, теперь все более заводящие сами себя в тупик.

Подобную же славянской грамоте картину мы наблюдаем и в отношении исконно русского свода правил — Домостроя. Обнаружив сохранившиеся за границей некоторые заимствования из Домостроя, нам пытаются внушить, что именно мы у них его переняли, а никак не они, в кои-то веки, попытались что-либо хорошее перенять у нас:

«Большое влияние на создание текста Домостроя оказали современные ему западноевропейские “домострой”, восходящие к древнейшим текстам такого типа (вплоть до древнегреческого сочинения Ксенофонта “О хозяйстве” [IV в. до н.э.], “Политики” Аристотеля)...» [172] (с. 41).

Начало древнему укладу жизни русского человека, что на сегодняшний день наиболее отчетливо сохранилось в труде сотен поколений — Домострое, было положено еще задолго до Рождества Христова, когда в рамках наставления на путь Правды, в назидание подрастающему поколению, наряду с библейскими текстами были использованы лучшие из трудов древних русских авторов.

Копирование же за границей нашего свода правил является лишь звеном в цепи копирования ими у нас и всего остального. В кирилловской реформации прослеживается попытка возврата греков к утраченному ранее СЛОВУ. Именно эту гуманитарную программу, судя по ее результатам, осуществляли святые благоверные просветители эллинов Кирилл и Мефодий. Однако впоследствии все было поставлено с ног на голову...

Вот какова последовательность замазывания действительности. «Солунская», вот уж действительно *легенда*, сообщила нам о просвещении неких дикарей с заснеженного острова светом у них у самих имеющегося Евангелия, которое-де переписали греки им, то есть «дикарям», на новоизобретенной азбуке. Оттого эти самые дикари, как гласит легенда, стали *просвещены*. Когда же все экземпляры этого на языке «дикарей» Евангелия заинтересованным в том лицам удалось уничтожить, появилась возможность заявить, что эти самые сиволапые, то есть славяне, «книг» вовсе «не имяху», но «чертами»-де и «резами» как-то там весьма невразумительно «чътяху» и «писаху».

О чем это говорит? Ведь могли отказать нам и в способности к письменности. Почему не объявили о полной нашей безграмотности сразу?

Русский человек ежедневно молился своему Богу, а для этого переписывал тексты молитв, которых в каждом доме имелись, что и естественно, целые залежи. Одним росчерком пера истребить их было тогда еще практически невозможно. Лишь когда полностью уничтожили «черты» с «резами», когда русский человек уже несколько сотен лет переписывал свои молитвы буквами, навязанными при князе Владимире, тогда и было объявлено о полном отсутствии у нас христианских книг. А про «черты» с «резами» со временем нам решили внушить, что если о них и имелась история, то относится она, дескать, вовсе не к нам, но к кому-то другому.

В какую эпоху была состряпана данная дезинформация? А главное, для каких нужд?

Так ведь аккуратно приурочена она к Владимирову крещению:

«Сказание “О письменах” написано в Болгарии в конце IX — начале X в., уже после жизни Кирилла (826–869) и Мефодия (820–885)... **Иван Федоров включил сказание в издание “Азбуки”**» [141] (с. 5).

То есть именно Федоров пытался нас убедить в том, что книг мы “не имяху”. Потому и был прозван особым светочем прогресса: эдаким *первопечатником*. Мало того, его опала при дворе Иоанна IV говорит о полном несоответствии текста им отпечатанной Библии текстам священных книг Древней Руси. И это именно потому, что переводы Федоровского издания были сделаны по священным книгам иудаизма, католицизма и греческого вероисповедания, которое Иоанн IV отнюдь не без оснований приравнивал к исповеданию эфиопскому.

А попыток внедрения чуждых нам культур было предостаточно. Вот одна из них:

«...какой-то Иудей Феодор, прибыв в Московское Государство, по всем вероятностям из Литвы, крестился и так повел свои дела, что Митрополит поручил ему, как знающему Иудейский язык, перевести на Славянский Псалтырь, что тот и сделал. Псалтырь эта сохранилась в собрании рукописей Кирилло-Белозерского монастыря и по новейшим исследованиям наших ученых оказывается Иудейской молитвенной книгой “Махазор”, причем, по словам одного из исследователей, М.Н. Сперанского, “ни в одном из псалмов этого перевода нет пророчеств о Христе”, которых так много в истинной Псалтыри, так как Феодор... “фанатически преданный Иудейству... перевел вовсе не Псалтырь Давида, а молитвы Иудейские, употребляемые при богослужении, в которых ярко просвечивает Иудейская оппозиция (неприятель) учению о троичности лиц Божества”.

Темная личность Феодора жида была только предшественником гораздо более опасных разрушителей нашей Веры» [109] (с. 188).

Но именно такого рода литература и лежала в основе совращения нашей страны в ересь жидовствующих.

«...тайные отступники, которые днем на вид священники Бога Живого, а ночью бога чуждого, — это исторический факт, точнее, серия фактов, от которых невозможно отмахнуться. И они всегда проникали во главу любой поместной Церкви, которую пытались прибрать к рукам. Со времен Пилатовых Христа распинает не чернь, а религиозные лжедуховные вожди, которые по сути своей — чада дьявола. В конце XV века один из таких — митрополит Зосима был во главе Русской Церкви» [17] (с. 35).

Здесь встречается очень острое противоречие, которое, с одной стороны, ставит во главе победившей жидовствующих церковной фракции архиепископа Новгородского Геннадия, с другой же, ему ставятся в укор книги, взятые им для перевода текста Священного Писания:

«При этом, как бы забыв о чистоте Православия, Геннадий **не гнушался** ни текстами католической Вульгаты (Библии на латинском языке), ни **даже переводами с еврейского языка**» [172] (с. 34).

То есть языка, как теперь выясняется, псевдо библейского:

«...именно он был положен в основу первого печатного издания славянской Библии (Острожская Библия Ивана Федорова 1582 г.)...» [172] (с. 34).

И именно *опальным* книгопечатником — Иваном Федоровым.

Вот чем началась и чем закончилась его карьера в качестве «первопечатника» на Москве:

«После Апостола Иван Федоров, выпустив в 1565 г. Часовник, принужден был, спасаясь от народных волнений, вызвавших даже пожар типографии, бежать в литовские пределы, где в Заблудове и Остроге он основал типографию...» [135] (с. 204).

Вообще-то личность эта достаточно темная:

«Ни о происхождении Ивана Федорова, ни об образовании его нам ничего неизвестно...» [135] (с. 204).

Так что не был он, как нам раньше казалось, каким-то важным государственным сановником, облеченным властью книгопечатания при дворе Иоанна Грозного. Но какой-то непонятной фигурой, неизвестно откуда в ту пору объявившейся на Москве.

Может быть, по его связям нам удастся определить хоть контуры его деятельности? Ведь существует же весьма мудрая на эту тему поговорка: *скажи мне кто твой друг и я скажу кто ты*.

И здесь мы натываемся на достаточно удивительную связь. При полном отсутствии об Иване Федорове какой-либо информации вообще, известно лишь то, что он:

«...был знаком с Максимом Греком...» [135] (с. 204).

А вот что известно уже о нем:

«В XV веке был приглашен в Москву с Афона ученый монах Максим Грек (1480–1556) для перевода церковных книг с греческого языка. Он заметил ошибки в переводах богослужебных книг. Порча этих книг с течением времени возростала еще и вследствие ошибок, делаемых необразованными писцами» [64] (с. 56).

Ну, это и понятно. Хотя грамотными поголовно были *все* граждане именно у нас, а в Греции только — «ученые монахи», получавшие свою книжную ученость, между прочим, сначала из русской Твери, а затем из папистской, то есть им, грекам, иноверной Венеции, но сиволапыми неучами признаны как за границей, так и среди своих же доморожденных чуждебософилов, именно мы. Потому-де и ошибаться могли исключительно лишь мы. Однако ж по тем временам с этой их теорией русский человек был еще не ознакомлен. А потому:

«Когда Максим Грек указал на недостатки церковных книг, его обвинили в том, что он “порочит русских святых чудотворцев, спасавшихся по старым книгам”. Его заключили в тюрьму...» [64] (с. 56).

Просто и лаконично.

Однако же есть и защищающее его мнение:

«...вследствие недостаточного знания русского языка, в переводе Максима Грека вкрались важные неправильности» [109] (с. 256).

Так или иначе, сильно он виноват или не очень, но за подобные вольности тогда поступали просто: сажали в кутузку.

Но приехавший к нам этот опальный вероучитель, к сожалению, был вовсе не одинок: с тех пор поелозило подобных «переводчиков» по нашим священным текстам более чем достаточно.

И вот теперь, после многолетних целенаправленных уничтожений наших древних книг, удалось не только внедрить в наше пользование распечатанный Федоровым Острожский вариант, но и еще более подработать уже и его самого под догмы иноверия.

И уже сегодня, как это ни противоречит нашим некогда церковным догмам, переводы с хананейского стали считаться “каноническими”. По ним, единственным, теперь выверяют содержание Библии.

Но не только наши книги требовал переправлять под греческий образец этот чужеземец. Наше перстосложение для Крестного Знамени на тот момент также весьма значительно отличалось от общепринятого Грецией, томящейся в те годы под игом иноверцев:

«...двоперстию учил известный преподобный Максим Грек» [88] (с. 112).

А чему учил в своем варианте трактовки Библии Иван Федоров видно из того, что у Ивана Грозного за свою печатную деятельность он попадает в опалу. А потому бежит в ту же враждебную нам сторону, куда чуть ранее сбежал и другой изменник — Курбский.

Пряха из Лецкан

«В свое время академик С.П. Обнорский утверждал, что “отнюдь не явилось бы смелым предположение о принадлежности каких-то форм письменности уже русам антского периода (т.е. примерно VI век нашей эры)”» [29] (с. 31–32).

«Иоанн Златоуст говорит, что Скифы, Сарматы и Индийцы (Синды Черноморские) имели уже в его время (в. IV в.) слово Божие на собственном их языке» [336] (с. 132).

«Константин Порфирородный говорит, что Хорваты, тотчас по принятии христианства, следовательно, прежде чем могли научиться латинской грамоте, собственными подписями подтверждали свою клятву папе не воевать с другими христианскими народами» [336] (с. 139).

«..в 568 г. тюркский царь Дизабул заключил союз с Восточной Римской империей и договор по этому поводу был написан скифскими письменами, за неимением у тюрков своих» [337] (с. 73).

«Надписи на известном, так называемом “Чингизовом камне”, в Монголии, буквами прямоугольной формы, также указывают, что древне-скифский алфавит был в употреблении у тюркских народов до начала XIII века» [336] (с. 140).

«В договоре князя Олега с греками есть указание о существовании у русских письменных завещаний: “Аще кто умреть, не урядив своего имения ци своих не имать, да возвратит имение к малым ближикам в Русь. Аще ли сотворит обряжение, такой возметь уряженное его, кому будет *писал* наследити именье его, да наследите”. В договоре Игоря с греками говорится о золотых и серебряных печатях, о посыльных грамотах, которые вручались русским послам и гостям, отправляющимся в Византию:

“Ношаху съли печати злати и гостье серебрани. Ныне же уведал есть князь вашъ посылати грамоты к царству нашему; иже посылаеми бывають от них послы и гостье, да приносятъ грамоту пишюче сице; яко послах корабль селико, и от тех да увемы и мы, оже с миром приходятъ. Аще ли без грамоты придуть нам, да держим, и храним, донде же возвестим князю вашему”.

...Древнейшее упоминание о печатях, какое здесь можно привести, относится к болгарам, к их договору с греками, составленному в 715 году и позже в 805 году по особенному случаю оставленному без подтверждения, которого желал князь болгарский Крум. В числе условий этого договора было и то, чтобы купцы являлись по своим делам не иначе, как с грамотами и печатями. Те из них, которые являлись без печати, должны были лишаться своих товаров в пользу казны... Обязательство Святослава Цемисхию было подтверждено печатями: “написахомъ на харьтии сеи и своими печатями запечатахом”...

...у сербов, по законнику Стефана Душана — “властеле велиции позивають се с книгом соудником, а прочии с печатию” (великие бояре вызываются к суду грамотою от судии, а все остальные подсудимые печатью). Имелось в виду, что к грамоте прилагалась печать, а присылка одной печати без грамоты не выражала полного уважения.

Памятниками русской письменности следует считать и сами договоры с Византией, писавшиеся на греческом языке и на языке восточных славян. Особенно интересно, что в договоре Олега с греками есть указание, что Русь и Византия и в более древние времена, т.е. еще в IX веке, решали спорные вопросы “не только словесно, но и письменно”.

К еще более раннему времени относятся уже упоминавшиеся письменные договоры болгарских князей с Византией.

О каком-то письме у болгар в докирилловскую эпоху рассказывается в так называемой “Солунской легенде”. Аналогичная легенда имела место и у западных славян. В ней славянская письменность связывалась с неким Иеронимом (умер в 420 году)...» [29] (с. 31–32).

Вот еще ряд документальных свидетельств докирилловской письменности у славян:

«В XVIII столетии в руках черногорского дома князей Черноевичей находился диплом папы Льва (Лева) (847–855), написанный кириллицей...» [63] (с. 244).

«Другим примером может служить образ Христа на полотенце, так называемый образ Вероники, хранящийся среди прочих реликвий в Ватикане. Общеизвестно, что он относится к первым векам Христианства. На нем, кроме сокращенных букв ІС (Иисус) ХС (Христос), имеется ясная надпись: “ОБРАЗЪ ГСПДН НА УБРУСЕ”...

Почему надпись сделана кириллицей, почему на славянском языке и хранится в Риме — неизвестно. Можно догадываться, что эти реликвии уцелели с тех времен, когда юго-восточная часть Италии, например Бари, была подчинена в духовном отношении Константинополю. Когда в ходе истории вся Италия попала под главенство Рима, эти реликвии попали на сохранение в Ватикан, уничтожить же их считали неудобным, хотя реликвии и касались иной, Христианской Церкви» [63] (с. 246–247).

Нами же разбираемые истоки происхождения кириллицы говорят о том, что отнюдь не для славян проживающих на территории южной Италии изобреталась эта грамота, но, в данном случае, для греков, проживающих в ту пору в этих землях. И вся Вселенская Церковь в те еще времена, судя по нами разбираемым остаткам письменности, вела молитвы именно на нашем языке. К чему и приучала инородцев. Но лишь много позже, когда Рим стал удаляться в ересь и когда кириллица стала заменяться латиницей, наши древние святыни вошли в разряд курьезов: ход истории, на сегодняшний день считающийся общепризнанным, их существование не может объяснить.

А вот и еще такой же курьез, на самом деле являющийся правилом, по которому следует и рассматривать историю тех давних времен:

«Третьим примером может служить икона апостолов Петра и Павла, записанная в каталоге Джакомо Гримальди в 1617 году под номером 52. По характеру письма оно

относится к первым векам нашей эры. Рассказывают, что она находилась до VI века в одном из алтарей церкви Петра, но после была перенесена в отдел реликвий...

В центральной части иконы сверху образ Спасителя с надписью кириллицей “ІСХС”, слева (и в значительно большем масштабе) образ св. Петра с надписью: “СТЫ ПЕТРЪ”, справа образ св. Павла с надписью: “СТЫ ПАВЪЛЬ”» [63] (с. 247–248).

Но имеются все в той же Италии письменные свидетельства на кириллице и дохристианских времен. Еще в середине XIX века, что лишь теперь выясняется, эти письмена, выведенные на камнях, бронзе, дереве были переведены на наш язык профессором Воланским. Приведем переводы лишь некоторых из них:

«Таблица IV № 2 у Моммзена — надпись, найденная в Рудже: “Ето дето Ази Иллояс”. — “Это дано богу Илюю” (богу Илиона, Трои) [Это дитя Азии — Илиона — А.М.]. (№ 8 с. 82).

Бронзовая фигура с милой улыбкой мальчика, держащего голубку, найденная в 1587 г., с надписью на ноге: “Воле дае, може чо за ни милек чае”. — “Волю дает, может ее милый ожидает” [Волю дает, может что за нее маленький ожидает? — А.М.].

Надпись, найденная в гроте 1690 г. (Табл. VIII № 42 у Воланского): “Мила Лале, моя краса” — перевода не требует.

Фигура этрусского воина 47 дюймов вышины, находящаяся в Лейденском музее. Фигура эта найдена в Равенне. Этот русский гет, сжав кулаки, готовится к бою. Подпись на правом бедре говорит: “Даву Цербера, — меня за то руче!” — “Задавлю Цербера, — я за то ручаюсь”.

На голове воина надет скифский кирбасий, шапка — капелюг.

Этрусских письменных памятников очень много и все они легко читаются с применением древнерусского говора, как памятники северных руссов, разбросанные по музеям Копенгагена, Стокгольма, Берлина и других городов (рунические письмена). Но для нас важно одно то, что Этруски были Геты-Руссы, говорившие на русском языке, общем всем древне-славянским племенам; что геты эти пришли в Италию с берегов Черного моря и Малой Азии, из древней Трояды, и что Троянский царь Эней был царь Руссов-Гетов...» [336] (с. 83).

И вновь много превышающая официальный возраст изобретения кириллицы надпись:

«В Берлинском королевском музее находится так называемая “Северно-славянская камя”, вырезанная на магнитном камне. Древность этой камей, по исследованию ученых, не менее 2 000 лет. Она изображает моровую язву или чуму в виде нагого скелета с горящим черепом и бичом в правой руке. Скелет стоит на колеснице, в которую впряжена пара львов. В левой руке она держит вожжи. Под ногами львов лежит другой скелет, означающий смертоносный поезд чумы. Скаковой ход чумы останавливает северная богиня жизни Ифунна, называемая также Идуною. Надпись, сделанная под фигурами, гласит: “А ни двери отверри: ей тени ехан неби. Нехай ме Хела мти”. — Отнюдь дверей не отворяй, ее тень съехала с неба. Пусть меня Гела отмстит.

Надпись позади чумы, отвесно: “Бедами оводеиен”. — Бедами окружена. За сим следует надпись возле возницы и колес: “Амфони теме ваявия”. — Открыто это объявляет.

Надпись над лежащим скелетом и под ним: “Его миене пноме и все инне милои его”. — Его имя иному и все иное милое его.

За богиней на краю камня: “Ето Ифунна”. — Это Ифунна.

Надпись на другой стороне богини, на ее груди и ногах говорит от покоящихся в песках умерших от чумы: “Уни ураен песех немне тихо”. — Они орают песок немю, тихо.

В древности, как говорят летописные сказания, при появлении чумы держали все двери запертыми, чтобы избегнуть заражения, а когда лютость болезни прекращалась, то жители возвращались в свои оставленные жилища и входили в них через окно. Чума всегда изображалась с горящей головой. Гела была богиней северных славян Венедов и Сорбов, к которой они, как покровительнице подземного мира, обращались с мольбой о даровании

блаженной кончины и просили об отпущении. Богиню эту нельзя смешивать со скандинавским адским чудовищем Гелом.

Берлинская академия наук не могла истолковать этой надписи и это сделал лишь славянин Воланский, применив только существующий славянский алфавит и говор древних северных славян.

Этот выдающийся исследователь древних славяно-русских памятников изучил все славянские наречия и таким образом пролил свет на жизнь и мировоззрения наших предков, доказав одно из выдающихся исторических явлений — глубокую древность славяно-русской письменности. В трудах его приведено множество надписей, подобных вышеуказанной, и все они ясно подтверждают высказанное им мнение» [336] (с. 136–137).

А вот еще доказательства несомненной грамотности славян, заходящей далеко за установленные сегодня нормы ее появления:

«Ксетий говорит, что царь скифов вызывал на бой Дария ругательным письмом в 513 г. до Р.Х.

В IV в. византийцы говорят о северных славянах, как о народе образованном, имеющем свои собственные письмена, называвшиеся “буквицей”. О том же говорят и скандинавские саги» [336] (с. 138).

«Помимо документальных источников, существование письменности у славян в докирилловский период подтверждают и лингвистические данные. Ведь слова “писать”, “читать”, “письмо”, “книга” являются общими для славянских языков. Следовательно, эти слова, а значит, и славянская письменность возникли еще до разделения общеславянского языка на три ветви — южную, западную и восточную, произошедшие в середине I тысячелетия нашей эры. Высокая культура славянских племен этого периода подтверждает этот тезис» [29] (с. 31–32).

У нас в стране упоминания о первых столкновениях с русскими рунами приходятся на долю приглашенного к нам в 1721 г. в Сибирь немца, которому Петр I, в те времена, препоручил отписать о нас очередную полную заграничную «премудрости» исторического толка историю. И вот немцу достался в подарок кусок зеркала с неизвестными литерами какого-то загадочного текста:

«Исследователь попытался проникнуть в тайну этой письменности и, пользуясь небольшими размерами находки, стал показывать ее всем встречавшимся ему толмачам и книжникам. Увы, безрезультатно. Так в описи Д.Г. Мессершмитта появилась краткая, полная разочарований запись об этих письменах, “которые не могли признать за свои ни мусульмане, весьма сведущие в письменности турецкой, бухарской, персидской и арабской, ни тангуты, ни дели-индейцы, а тем менее монголы с китайцами. Заверения русского старца, что «это наша прошлая грамота» **мало научны** и ничего не определяют” (Кызласов И.Л. “Древняя письменность саяно-алтайских тюрков”. “Восточная литература” РАН; М., 1994)» [31] (с. 42).

И это вполне показательное для отношения вообще к русскому человеку всей этой немчуре: им легче найти самого примитивного папуасца и объявить его стоящим ступенькой выше даже над ними над самими, чем хоть в чем-то отдать пальму первенства полностью им противоположному своим образом поведения человеку — русскому.

Однако в те далекие от нас времена имелось немало доказательств нашей несомненной причастности к той самой письменности, которую русский старец отнес к «нашей прошлой грамоте». Екатерина II, в своих «Записках касательно русской истории», отмечала:

«...Славяне задолго до Рождества Христова письмо имели» [31] (с. 42).

И вот, как оказывается, еще в 1793 г., сопоставив присланные ему из России прорисовки со всеми имеющимися на тот день древними текстами, ответил академик П.С. Паллас по поводу принадлежности рассмотренных им сибирских рун:

«Следовал общий вывод, сопровождавшийся ссылкой на Геродота: “Эти сибирские надписи принадлежат ко времени, когда Сибирью владели «скифы»”» [31] (с. 43).

В современной научной литературе этот вид «первоначального докирилловского» письма получил наименование письма типа «черт и резов» или «славянского рунического» письма, где присутствовали в основном слоговые значения букв. Заслугой Кирилла и Мефодия, просветителей, как мы уже разобрали, безграмотной части европейцев — не славяноязычных народов Европы (эллинов и хананеев, аморреев и угаритов) было преобразование этих слоговых значений в буквенные.

Сами же буквы греческого алфавита, на основе которых создавалась эта «славянская» азбука, вышли, как потом выяснилось, из наших же древних рун.

Современный перевод этой письменности осуществил и опубликовал в 90-х гг. XX века свою работу выдающийся исследователь русского слова старший научный сотрудник Отдела Всемирной истории Русского Физического Общества Геннадий Станиславович Гриневич. Ключом к последующим переводам послужила Алектановская надпись на глиняном сосуде, исследованная еще в 1897 г. профессором В.А. Городцовым, который считал, что знаки на сосуде являются литерами неизвестного письма.

Г.С. Гриневич предположил, что чисто схематические рисунки могут соответствовать начальным слогам слов. Например. Человек-ЧЕ. Лошадь-ЛЮ. Получилось слово ясное и очевидное каждому русскому человеку — ЧЕЛЮ. Это слово, кроме обозначения лба, части головы от темени до бровей, также обозначает «наружное отверстие русской печи». Таким образом, устанавливалась связь между глиняным сосудом и надписью, доказывая тем самым, вопреки устоявшимся взглядам, о существовании докирилловского письма у славян [29] (с. 28).

После этого были переведены надписи на горшках из бывшего Тверского музея, на медных бляхах, найденных при раскопках тверских курганов X века. Из находок прежних лет — это надписи на Микоржинских камнях (1856 г.). Среди памятников русской письменности, открытых в XX веке: пряслены из Гродно, Старой Рязани и Лецкан; на грузиках Троицкого городища (верховья Москва реки), на керамике Черняховской культуры (Среднее Приднепровье), надписи на баклажках в Новочеркасском музее, надпись на каменном нательном крестике из Московского кремля, надпись на каменном кистене из Рославля, надпись, выложенная на полу Софийского собора в Константинополе и потенная Ситская надпись из Родопских гор (Болгария).

Чтобы собрать эти и другие неупомянутые в вышеприведенном списке надписи Гриневичу потребовались годы, так как какого-либо каталога докирилловской письменности пока еще, к сожалению, благодаря давно устоявшимся взглядам подхода к данному вопросу, не имеется. Надписи разбросаны по многочисленным и, порою, труднодоступным изданиям.

Однако: что есть — тому и рады.

А есть вот что:

Надписи на баклажках из Новочеркасского музея.

Перевод текста:

1. «Помыслы в вере, веселье в вешеле этой будет».
2. «Чтобы тебе еда не была как вода, весу за два бока ты только взявши пей это» (Вешела и веса — это имеется в виду висящая баклажка) [29] (с. 56–60).

Все остроумно и лаконично в живой русской разговорной речи.

Грузики Троицкого городища в верховьях Москвы-реки, недалеко от Можайска.
Время существования городища IV — III вв. до Р.Х. — V или VI в. Р.Х.

Среди множества предметов дьяковской культуры обнаружены и грузики с имеющимися на них надписями.

Грузик №1. Вес грузика, по данным археологов, 51 г.
Лот — древняя мера веса = 12,794 г.
Если $51 \text{ г} : 12,794 = 4 (3,986)$.
Перевод текста: «Вес 4 лота».
То есть надпись соответствует весу грузика [29] (с. 47).

Грузик №2. Вес грузика примерно 100 — 110 г.
Вес одной унции 25,894 г.
примерно = $100 — 110 (103,576) : 25,894 = 4$.
Перевод текста: «Вес 4 унции».
И здесь совпадение веса с надписью [29] (с. 48).

Грузик №3. Вес грузика примерно 50 — 55 г.
Перевод текста: «Вес измеряется двумя унциями» (51,788) [29] (с. 49).

Как видите, все рассмотренные тексты совпадают с весовым эквивалентом содержащимся в грузиках Троицкого городища.

Алекановская надпись на глиняном сосуде:

«Перевод текста: Надо (должно) закрыть, в чело посадив.

Содержание текста следует толковать как практический совет, исполненный в традициях русских присловий, поговорок и т.п.» [29] (с. 50).

«В чело» — в печь.

Надписи на керамике Черняховской культуры.

1. Надпись на венчике сосуда из поселка Огурцово: «ЛЪКА».
Перевод: «лекарство».

2. Надпись на кувшине из Раду-Негро: «ЛЕВИ ЛОИ».
Перевод: «львиное сало».

Из текста надписи следует, что сосуд предназначен для хранения лекарства — львиного сала.

«Сии судь коемоу вредоу есть цельба, рекше уенина (уена-гиена) зльчь (желчь) и львовъ лои, или бычьа кровь» (Срезневский).

3. Надпись на обломке керамики из села Лепесовка имеет в переводе значение: «попей», то есть полностью согласуется со значением попить из него водицы (вина и т.д.) [29] (с. 66–67).

Надписи на прясленах.

«...пряжа прялась из кудели при помощи веретена. На веретено для ускорения вращения надевали глиняное или каменное колечко — “пряслен”. При разборке прясленей и веретен из большой кучи каждая пряжа стремилась найти свой пряслен, с которым она привыкла работать, и потому пряслены старались отличать, подписывая их» [29] (с. 61).

1. Текст надписи из Старой Рязани: «Возвратить ее Кашеви».

2. Пряслен, найденный под Гродно: «Решек (пряслен) Диночи».

3. Пряслен из Лецкан, недалеко от Ясс (Румыния): «Соседи мои. Решек (пряслен), однако, отнести Соле» (348 г.) [29] (с. 61–66).

Стиль этих надписей не изменился и к XIX веку. Вот, например, как выглядят они на прясленах окрестностей Белого озера:

«сия прясло Настасии... 1887» [10] (с. 134).

Эта наша исконная склонность к подписи пряслен сохранилась и в устном народном творчестве. Например:

«У меня прялка имена
Да во беседушке одна
Выбирай-ко, дорогой,
По прялице, по именной» [10] (с. 135).

Вот так, уже в начале IV в. простая деревенская пряжа была грамотна и свободно отписывала послания на орудиях своего труда. Делала его «именным». Мало того, в окрестностях Москвы еще за полтора тысячелетия до возникновения посада на Боровицком холме, как оказывается, кипела жизнь давно обученных грамоте жителей посадов торгово-промысловых городов уже тогда единой и неделимой Русской Державы! И именно эта причина побуждала и тысячелетие спустя греков Константинополя относиться к русским купцам с таким беспрецедентным уважением, которое можно встретить лишь по отношению ну уж к слишком Великому соседу, опасному возможностью воздать сторицею за малейшее проявление недружественных отношений к своим подданным, отправленным в качестве купцов в сопредельную страну. Между тем, этот страх перед нами Константинополя следует видеть хотя бы в том, что по количеству церквей Киев был вдвое больше него. Но у нас были еще сотни и иных городов. Был и Господин Великий Новгород, чьи подъясачные территории уходили далеко за Урал.

И так как истоки нашей письменности оказались перенесены сразу, как минимум, на полтора тысячелетия в более глубокую древность, нежели считалось ранее, то, вероятно, возможен поиск еще более ранних ее проявлений в предыдущих цивилизациях, затерянных в сгустках веков?

Триполье

Прежде всего, в оценке находок археологов древних поселений русской старины глубокой поражает ставшая давно привычной удивительнейшая скромность, которая всегда давала повод обвинить русского человека в якобы извечно ему присущей чумазости, отсталости и примитивизме.

Совсем недавно утверждалось, что мы, мол, жили испокон веку чуть ли ни в землянках, в грязи и навозе, якобы до самого момента избавления нас греками от нашей чумазой дремучести. И даже избы-де топили по-черному. То есть не могли якобы додуматься до самого элементарного: вывести дым в трубу. Вот мнение обученного Западом отечественного исследователя, который сообщает о нашей цивилизации, скорее всего, допотопных времен, в Триполье:

«Поселки, располагавшиеся обычно на плато, состояли из десятков, а то и сотен больших наземных или полужемляночных жилищ, окружавших, иногда в несколько рядов, площадь в их центре. Вероятно, каждый такой поселок, окруженный изгородью, а иногда и рвом, был местом обитания земледельческой родовой общины. Дома занимали отдельные семьи. Наземные жилища, выделявшиеся большими размерами (площадь до 100–150 кв. м), воздвигались в один, два, а то и в три этажа из хорошо обожженной глины...» [196] (с. 7).

О чем мы здесь узнаем?

Да опять все о том же: допотопные жилища славян, названные нашими умудренными в самоуничижении и самооплевывании учеными «полуземлянками», для жителей некоей «земледельческой общины» на самом деле являются самыми настоящими кирпичными трехэтажными домами, находящимися в черте русских городов!

Почему городов? Да потому, что окруженные рвом и крепостной стеной поселения, где количество добротных кирпичных трехэтажных особняков доходит до нескольких сотен, назвать деревней как-то даже и язык не поворачивается.

Так почему же он поворачивается у зазубривших немецкую о нас версию историков обозвать населенный пункт в энеолитической русской стране городов каким-то весьма невразумительным «родовым поселком»?!

Да, видать, привычка у них такая...

Между тем предназначение этих самых якобы «родовых поселений», в центре которых обязательно имелась зачем-то площадь, достаточно убедительно звучит в устах понимающего ее предназначение экономиста:

«Очень многие известные города возникли именно как укрепленные, безопасные рынки... а не как племенные убежища на случай войны» [122] (с. 236).

Но почему, в таком случае, в предназначенных именно для торговли поселениях не обнаружено столь свойственных для подобных мест старинных монет?

«...до XIV века предки наши не имели собственной металлической монеты, а единственно кожаные, правительством заклеянные лоскутки, называемые кунами, т.е. ассигнациями, и торговали с востоком и с западом: с Грецией, с Пруссией, с Немецкой Ганзой; от IX века до 1228 г. лоскутки сии не унижались в цене относительно к серебру: ибо правительство не расточало их...» [122] (с. 153).

«...на куны торговали и в далекой Фризландии, и в ганзейских городах, и в Бирке в Швеции, и на острове Готланде. В торговых сношениях Русь навязывала свою систему Западу, а не наоборот» [63] (с. 71).

«**Гривна** — ...монетная единица древней Руси [33] (с. 132)...» [36] (с. 953).

«**Куна** — шкурка куницы, денежный знак древней Руси» [36] (с. 275).

«У славян была единица “плат” — кусок ткани, от него произошло слово “платить”» [122] (с. 237).

То есть сама система наших торговых отношений заложена даже в нашем языке. И эта привычка русского человека к использованию валюты сохранялась еще к началу XVIII в. О чем Татищев свидетельствует:

«...кожи всех зверей, куниц, зайцы, белки за деньги счислялись, и для мелочи были лобки беличьи, которых несколько в Новгороде в хранилище я видел и помню, что в Москве вместо полушек, когда еще медных не было сделано, ходили четверугольные кожаные жеребьи, но оные не были казенные, их делали квасники и хлебники сами и никто не принужден был их брать, но недостаток в размене вынуждал» [184] (Гл. 32).

То есть наша слишком устоявшаяся привычка жить без обмана позволяла даже продавцам кваса, в случае нужды в мелочи, раздавать кусочки кожи, которыми их клиенты могли пользоваться как валютой.

А потому и обозваны наши допотопные города «родовыми поселениями» — ведь семь тысяч лет ни кожа, ни ткань выдержать никак бы не смогли.

Однако сами по себе эти кусочки материи или кожи без проставленной на них печати или подписи были бы недействительны, а наличие на них печати как раз подтверждает нашу допотопную способность к письменности. Наличие же пользующейся во всем мире популярностью валюты подтверждает нашу несомненную государственность.

Но не всегда наше древнее государство проставляло лишь печать. Очень возможно, что с появлением древних фальшивомонетчиков, появилась в нашей столице необходимость установки не просто печатей, но свинцовых пломб:

«На княжеском подворье в Новгороде археологи обнаружили множество СВИНЦОВЫХ ПЛОМБ. Полагают, что этими пломбами скреплялись “Княжеские грамоты”, но это неверно! Этими пломбами скреплялись БЕЛИЧЬИ ШКУРКИ.

Изношенная беличья шкурка, переходящая из рук в руки, к тому же, поделенная на части, разумеется, ничего не стоила, но, будучи скрепленная Княжеской пломбой, она уже переставала быть шкуркой, становясь ДЕНЕЖНЫМ ЗНАКОМ: шкурки истлели, пломбы — остались» [115] (с. 152).

Причем, пишут об этом и сами свидетели той древнерусской торговли, когда продавцы и покупатели пользовались в качестве валюты опломбированными шкурками зверей. О чем, например, сообщает переводчик трудов арабского путешественника XII в. Абу Хамида ал-Гарнати:

«Археологическим материалом, который подтверждает сообщение Абу Хамида и который в свете этого сообщения сам приобретает новое значение, являются находимые во многих русских городах свинцовые пломбы, количество которых в русских музеях составляет уже около 15 тыс. штук. Это небольшие круглые кусочки свинца со следами шнура и с изображениями или знаками на одной или на обеих плоских сторонах... Самая большая коллекция таких пломб собрана в Дроги-чине Надбужском, они найдены в Новгороде Великом, Пскове, на Днепре, на острове Каменоватом, в Киеве, Твери, Рязани, Переяславле Рязанском...

Исследователи русской денежной системы, сомневаясь в возможности обращения меховых денег, всегда подчеркивали их непрочность и то, что в процессе обращения они должны быстро изнашиваться и терять ценность. Свидетельства восточных авторов снимают этот вопрос, так как прямо указывают, что потерявшие свою абсолютную товарную ценность шкурки продолжают служить деньгами, как объясняет Абу Хамид, благодаря тому, что на них стоит княжеский знак, и они обязательны к приему в качестве денег, никто не смеет от них отказаться. То же подчеркивается в поэме Низами: Александру Македонскому объясняют значение у русов вытертых шкурок соболей и белок как денег. Низами знал, что эти шкурки обязательны к приему в качестве денег и что такой порядок поддерживается государственной властью. Мы можем представить себе существование своеобразной системы “кредитных билетов”...» [444] (с. 115–116).

Так что появились теперь уже и вещественные доказательства некогда ходившей по всему миру нашей валюты.

Причем, в свете впрыснутого нам историками яда, переводчик более чем внятных свидетельств Абу Хамида о наличии у нас в XII в. самой настоящей валюты, задается естественным при этом вопросом:

«...как обращались эти “деньги” в условиях феодальной раздробленности?» [444] (с. 117).

Так ведь хождение проштампованных царем денег говорит аккуратно о том, что никакой раздробленности у нас не было. Но всегда власть в нашей стране была централизованной. В противном случае печать не являлась бы действительной. Ведь не имей мы центральной власти, каждый князек лепил бы эту «валюту» в никак не меньших масштабах, чем сегодня. Когда международной валютой является находящийся в чьих-то определенных руках и никем не контролируемый доллар.

В XII же веке, что подтверждает Абу Хамид, функцию доллара выполняли наши гривны кун. Причем, точно так же, как они выполняли эту функцию и полутора тысячелетиями ранее — еще при Александре Македонском.

Однако ж, для закрепления нами озвученного, слушаем самого Абу Хамида ал-Гарнати:

«Когда я прибыл в их страну, то увидел, что эта страна обширная, обильная медом и пшеницей и ячменем и большими яблоками, лучше которых ничего нет. Жизнь у них дешева.

Рассчитываются они между собой старыми беличьими шкурками... каждые восемнадцать шкурок стоят по счету[славян] серебряный дирхем...

Когда они [шкурки] испортятся... то их, [иногда даже] рваные, несут в мешках, направляясь с ними на известный рынок... И вот они кладут их перед ними, и работники нанизывают их на крепкие нитки, каждые восемнадцать в одну связку, и прикрепляют на конец нитки кусочек черного свинца, и припечатывают его печаткой, на которой имеется *изображение царя*. И берут за каждую печать одну шкурку из этих шкурок, пока не опечатают их все. И никто не может отказаться от них, на них продают и покупают» [444] (с. 36–37).

Так что изображение царя на наших запечатанных печатями гривнах кун было, а самого царя, как утверждают наши примилейшие историки, якобы у нас, на Руси, в ту пору еще не было. Но Абу Хамида никто в его рассказах о своих путешествиях особо за язык не тянул. И лишь одни его свидетельства, как очевидца русского образа жизни на Руси в XII в., уже перевешивают вспырнутую нам в кровь версию о нашей стране как некоем сообществе полуобезьян и недочеловеков. Что говорить о сотнях подобного рода дополнительных свидетельств и тысячах дошедших до наших дней свидетельств немых — пломб на наших денежных знаках, русской валюте, уходящей своими корнями во времена Александра Македонского, с изображением Русского Царя?

Использование же обожженного кирпича русским человеком еще до постройки Вавилонской башни вполне объясняет такую традицию у нашего народа еще задолго до этой вселенских размеров трагедии, после чего именно нами был прекращен обжиг кирпича. А возвратился он к нам лишь при очередных «просвещениях» греческими модами.

В окруженных рвом и крепостной стеной «земледельческих поселениях» нам, по мнению некоторых «ученых», нечем было заниматься, поскольку даже обнаруженный у нас гончарный круг попытались списать на какие-то весьма невразумительные заимствования:

«Считается, что сам гончарный круг попал к черняховцам из римских провинций» [196] (с. 11).

Но почему же не от нас-то к ним?! Ведь это именно наши поселения — допотопные!!!

Да потому, что сиволапыми признаны именно мы! Вот потому именно мы у кого-то что-то и могли заимствовать, а уж ни в коем случае не наоборот...

А между тем эта столь удивительная загадка одинаковости наших древних культур на самом деле является разгадкой: практически вся Северная Италия впоследствии была заселена славянами. А потому и предметы обихода, что в славянских поселениях V тыс. до Р.Х. культуры Триполья, что в славянских поселениях V в. до Р.Х. на севере Апеннинского полуострова, практически одни и те же.

Вот как в свете вышеизложенного выглядит норманнская теория:

«Весьма показательно, что в IX–X вв. все глиняные сосуды в Киеве, Смоленске, Новгороде изготавливались уже на гончарном круге, что доказывает, с одной стороны, высокую технику гончарного производства, а с другой — существование специализировавшихся ремесленников, т.е. усложнение общественного строя.

В Скандинавии же в это время керамика изготавливалась еще от руки, и гончарный круг распространился там только в X–XI веках, причем даже шведские археологи говорят в отношении отдельных находок о славянском влиянии, о влиянии же скандинавской керамики на русскую никто не говорит» [63] (с. 69).

Потому как:

«Скандинавия VIII–XII веков была бедной, отсталой и малокультурной страной» [63] (с. 71).

А теперь о навешиваемом на нас поклонении идоложертвенным кумирам:

«Священным деревом славяне считали дуб. Преимущественно деревянными были и идолы — статуи языческих богов. Сами же деревянные идолы из-за недолговечности материала пока не обнаружены» [196] (с. 16).

Очень премило: берестяные грамоты, вместе с процарапанным на них текстом в нескольких тысячах экземплярах, сохранились, а вот толстенные дубовые чурки, по утверждениям историков покрытые золотом и серебром, куда-то взяли да и исчезли! На такой огромнейшей территории их не было найдено *ни одной!*

Может, и не было у нас никогда этого идолобесия и в самом зачатии? В Белоруссии, например, где языческие формы сохранились наиболее, культ Перуна считается *чужим*:

«...изваяние Перуна, его культ — дело князя Владимира и его дяди Добрыни...» [183] (с. 58).

То есть даже там культ этого идолица впервые появляется при князе Владимире. А Добрыня как сам установил этого идола, так он же впоследствии его и ниспроверг. Потому и не найдено его ни в западных славянских землях, ни в землях восточных.

При всем при этом не только о каких-то руинах, но даже о полностью сохранившихся деревянных храмах нашей «дохристианской эпохи» весьма обстоятельно было поведено Барановским еще полвека назад, так как этими колоссальных размеров сооружениями древности еще в начале XX в. был уставлен весь русский Север. Но об этом в отчетах советской исторической науки — *ни слова*. Однако и без *слов* здесь все предельно понятно. Результаты исследований Барановского нынешним и предыдущим режимами не опубликованы не случайно: их раскрытие явилось бы убедительнейшим разоблачением историй «историков» и в этой области.

Но не все так мрачно. Даже в наших научных кругах, где самооплевывание давно возведено в культ, самое главное отрицать становится невозможным:

«Известно, что еще до христианизации русские имели свою письменность и даже книги, написанные загадочными “чертами и резами”» [196] (с. 20).

Хорошо хоть это им известно. Но вот с «загадочностью» этих самых «черт и резов» как раз и разобрался Гриневиц.

«По единодушному мнению всех специалистов, “трипольцы в культурном отношении значительно превышали своих соседей”. Имели они и письменность. Пространных текстов или хотя бы отдельных трипольских надписей пока не найдено, но отдельные знаки, имеющие абсолютное сходство со знаками письменности типа “черт и резов”, имеют место на обломках трипольской керамики. Это серьезное основание для того, чтобы считать, что *славянская письменность зародилась в Триполье, на берегах Днестра или Дуная, по крайней мере, не менее 5 тыс. лет тому назад*» [29] (с. 101–102).

Почему же существует столь огромный разрыв между трипольской и впоследствии возникших на этом месте лишь спустя почти два тысячелетия родственных ей славянских культур, той же Черняховской?

Этот разрыв легко объясняется лишь одним фактором — Потопом!

Причем, люди допотопной цивилизации были значительно крупнее нынешних людей. А потому и обнаруживаемые эти наши древние города выглядят под стать своим древним жителям:

«Остатки древних славянских городищ, эти tumuli slaviales или tumuli veterum Slavorum, нередко поражают наблюдателя огромностью своих размеров, ввиду чего постройка их часто связывается народным преданием с исполинами, как tumulus gigantum... Такие же легенды связаны и со многими курганами или остатками древних земляных валов в Польше.

О чешских городищах (hradište) как колоссальных памятниках далекого прошлого, вызывающих даже своими остатками удивление, говорит чешский археолог» [247] (с. 294).

Возвращение же данной культуры — культуры допотопного белого человека — объясняется появлением в VI в. до Р.Х. на этой территории десяти колен Израилевых...

А вот о распространении иных поселений прямых потомков Ксисутроса, счастливо избежавших Вавилонской мутации:

«...около 2500 г. до н. э. в Фессалии возникает так называемая культура *Димини*, родственная культурам придунайских племен, и в частности трипольской. Эта культура постепенно распространяется на юг, вплоть до Крита: образцы характерной для этого периода керамики были обнаружены в древнейших слоях Трои и на Крите» [29] (с. 103).

Пеласги

«...по Гелланику (V в. до н. э.), “этруски — это ответвление эгейских пеласгов”, а пеласги — это догреческое население Греции и Эгеиды, в том числе и острова Крита, т.е. те самые “минойцы”, которыми правил царь Минос (“Минойцы” — это современное условное название (по имени царя Миноса) догреческого населения Эллады и Эгеиды).

“Отец истории”, великий Геродот, сообщает, что Эллада именовалась ранее Пеласгией, т.е. страной пеласгов; что пеласги говорили на варварском (т.е. негреческом) наречии... Другой знаменитый историк античности Фукидид говорит в первой книге своей Истории: “По-видимому, страна, именуемая ныне Элладой, прочно заселена не с давних пор. Раньше происходили в ней переселения, и каждый народ легко покидал свою землю, будучи тесним каким-либо, всякий раз более многочисленным народом”. Больше того, по словам того же Фукидида, сама страна Эллада, “вся, как таковая, не носила еще этого имени... название ей давали по своим иные племена (не греки), главным образом пеласги”...» [29] (с. 99).

И вот что это за народ. По Дионисию Галикарнасскому:

«...Пеласг был, как говорят, рожден Зевсом и Нимбой, дочерью Фороней; с ней, *первой смертной женщиной*, по преданию, соединился Зевс» [300] (Кн. I, гл. XVII).

То есть этот народ на земле считался самым древним. Именно этот народ, о чем свидетельствует Страбон, представляет собой древнейшее население Древней Греции:

«...пеласги были древнейшими из всех племен, которые властвовали в Греции» [305] (гл. 7, аб. 10).

Ф. Лохнером-Хюттенбахом в 1960 г. была выпущена книга под названием «Пеласги», где он убедительнейше доказал, что:

«пеласги обитали на Балканах, в северной части полуострова Пелопоннес (не говоря уже о центральной Греции), на Крите, в Трое, а также и на других островах Эгейского моря и Эгейском побережье Малой Азии.

...По мнению Гелланика, пеласги, изгнанные греками, приплыли к устью реки По, продвинулись вглубь страны, захватили город Кротон (Кортону) и поселились в местности, получившей название “Тиррения”» [29] (с. 99).

Дионисий Галикарнасский вот как объясняет тождественность пеласгов с тирренами:

«Именоваться же их разные люди стали как по названию страны, из которой они произошли, так и в память о древнем племени — тирренами и пеласгами равнозначно... так как один и тот же народ имеет оба наименования» [300] (Кн. I, гл. XXV).

И вот, в конечном итоге, к чему сводятся данные параллели:

«“Этрусками” этрусков называли римляне (латиняне); греки называли этрусков “тирренами”, а сами этруски, согласно Дионисию Галикарнасскому, называли себя *расенна*» [29] (с. 100).

Дионисий Галикарнасский:

«Сами же они обозначают себя, по имени какого-то вождя Расенна, также расеннами» [300] (Кн. I, гл. XXX).

«...и это все притом, что “совершенно безоговорочно этруски названы славянским племенем в словаре Стефана Византийского”. Сказанное можно представить в виде

схемы: пеласги = этруски = славянское племя (расены) и сделать предположительный вывод, что пеласги — это славянское племя, т.е. п р а с л а в я н е .

Об этом же, но в несколько ином плане говорит и известный советский этрусколог А.И. Немировский, анализируя исторические данные о появлении пеласгов в Италии (точнее, в Этрурии): “...пеласги — народ не грекоязычный... Они родственны иллирийцам, фракийцам, фригийцам и, *возможно, праславянам*” [29] (с. 100).

«Но гораздо лучше знал их Ливий, родившийся в Падуле, на земле словенской; он знал посе́му и словенцев (rheti). Если же Ливий, как очевидец, утверждает, что горские словене ничего не удержали из прежнего своего величия, кроме языка, то он утверждает, что этруски были словенцы же» [318] (с. 300).

Валлея Потеркула 6 г. по Р.Х. о словенцах:

«...многие из них упражняются в грамоте, в науках» [318] (с. 363).

Между тем территория Фракии большей своей частью и сегодня соответствует нынешней территории славянской страны — Болгарии, а территория Иллирии полностью занимала нынешнюю территорию другой славянской страны — Югославии, где помимо славян никто никогда вообще не жил. Фригийцы же, имея способность к мореплаванию на одном уровне с построившими Венецию венетами, являются основателями торговой республики Генуи. Мало того, само наименование этих славян, фряги (или вряги), очень похоже, имеет под собою однокоренное с именем русских мореплавателей — *варяги*. Отношение вышеперечисленных народностей своим родством к мореходному племени пеласгов, обладавшему во времена расцвета минойской цивилизации сильнейшим в мире флотом, ставит знак тождественности между создателями найденной на Крите древнейшей в Европе цивилизации и *праславянами* — нашими прямыми прародителями.

Вот еще деталь этой неоспоримой тождественности:

«О том, что греки унаследовали знания от древних ариев-славян, свидетельствует шестидесятиричная система записи, используемая ими в научных трудах по астрономии» [45] (с. 217).

Но они, судя по высказываниям Геродота, вовсе не симпатизирующего варварским, то есть негреческим народностям, стоят у истоков вообще всего того, что приписано сегодня грекам:

«Афиняне изгнали пеласгов из Аттики... Гекатей, сын Гегесандра, в своей истории утверждает, что афиняне поступили несправедливо. Они ведь отдали свою собственную землю у подошвы Гиметта для поселения пеласгам в награду за то, что те некогда возвели стену вокруг акрополя [Так называемая пеласгическая стена принадлежала еще к микенской эпохе (1600–1200 гг. до н.э.). Очевидно, ионяне-пришельцы, по преданию, еще не были знакомы с техникой постройки стен и поэтому прибегали при сооружении укреплений к помощи пеласгов — прим. переводчика]. Когда же афиняне увидели, что эта, прежде плохая и ничего не стоящая земля теперь прекрасно возделана [По этому сообщению, пеласги превосходили ионийских пришельцев в умении обрабатывать землю — прим. переводчика], их охватила зависть и стремление вновь овладеть этой землей. Так что афиняне без всякой иной причины изгнали пеласгов» [298] (гл. 137).

А вот что выясняется по части столь всеми на все лады и по сию пору расхваливаемой греческой словесности. Вот как дореволюционный историк Е.П. Савельев обрисовывает картину открытия древнейшей из европейских цивилизаций на Крите:

«Всюду при раскопках попадают тысячи текстов: деревянных, глиняных и металлических дощечек с рисованными и гравированными надписями. Лингвисты приходят в отчаяние, — они еще не смогли прочесть ни одного слова, а потому и не объяснили, что за загадочный доисторический народ жил в этих местах, достигших такой высокой культуры...

Западные ученые в своем самомнении не догадаются изучить древнерусскую письменность и применить к найденным текстам древний славянский говор. Они не знают Фаддея Воланского. Для разгадки этой цивилизации нужно взяться славянским ученым и

идти по следам и методу Воланского, и тогда перед нами во всей красе восстанет и развернется сила и могущество высоко-цивилизированного и древнейшего из древнейших славяно-русского народа, жившего более чем за 4 000 лет тому назад и достигшего на западных берегах Малой Азии, островах Архипелага, а в особенности на острове Крите, высокой культуры и погибшего, по всей вероятности, взойдя на крайнюю степень цивилизации, от нападения звероподобных разбойнических племен дорийцев, двинувшихся за богатой добычей раньше XII в. до Р.Х., или от каких-либо стихийных бедствий и мировых катастроф.

То, что мы знаем из Илиады о Трое и ее обитателях, есть только туманные отголоски о той погибшей цивилизации неведомого нам народа.

При раскопках Трои Шлиманом и в Кноссе Эвансом более всего удивило весь ученый мир то обстоятельство, что все женщины этого загадочного народа, изображены как на картинах, так и на фресках и статуэтках, одеты в плотно прилегающие к бюсту корсажи с вырезом на груди и юбки с воланами, а также с другими подробностями туалета, обрисовывающими округлые формы, с двумя падающими на спину косами... Вместо широких туник со скульптурными складками, падающими, как колонна, от плеч до самых ног, вместо развивающихся плащей, широко задрапированных вокруг стана, критяне носили узкое с рукавами платье, сложный покроем которого ускользает от нас, но вид его поражающим образом словно подсказывает современную женскую моду. Критские дамы носили корсет и шнуровали бюст. Тонкая талия была, очевидно, для них необходимым условием элегантности... Все это вещи неизвестные в классической Греции. На одной из фресок... изображен интимный кружок дам... все они одеты в закрытые платья... Критяне являются нашими ближайшими родственниками не только благодаря живописи и модам своих женщин, но также и по искусству и совершенству комфорта. При раскопках дворца Миноса в Кноссе археологи с удивлением и не без зависти открыли не только роскошные бани, но настоящие усовершенствованные lavatorius, со стенами, выложенными камнем, с прекрасным водопроводом. Такая забота о гигиене и комфорте обозначает всегда исключительное положение культуры народа и отмечает последнюю победу цивилизованной расы над варварством. Век Людовика XIV с этой точки зрения, а также во многих других отношениях, в сравнении с веком Миноса, является отсталым» [336] (с. 85).

А ведь общественных туалетов в модном городе Париже, что выясняется, не было не только в эпоху французских королей, когда ежедневно обгаживаемый экскрементами придворных, Лувр приходилось отчищать после их здесь присутствия ежедневно. Но уже и в следующие эпохи — в середине XIX века...

О банях мы здесь вообще помолчим:

«...Генрих Третий (1574–1589) требовал ежедневной очистки лестниц в Лувре от нечистот...» Он говорил, что его соотечественники моются два раза в жизни: когда рождаются и когда умирают. В этом признавалась даже королева Изабелла Кастильская, правившая в Испании во второй половине XV века (правда, она мылась еще и перед свадьбой)...

“Мария Стюарт в Шотландии, как, впрочем, и короли Валуа во Франции, после непродолжительного пребывания во дворце, вынуждена была менять свою резиденцию по причине невыносимого зловония...” Даже собор не был пощажён. Невозможно было всходить по ступеням по причине обилия г... Даже вне службы надо было держать двери собора закрытыми, без чего стены и скамьи были бы загажены мальчишками и другими неблагочестивыми людьми...

Заметим, что это относится к эпохе, когда у нас царствовал Алексей Михайлович! Тут есть о чем поразмыслить...» [328] (с. 130–131).

А у нас, в то же самое время, свою собственную баню имел самый бедный крестьянин на селе...

О каком сравнении культур здесь вообще можно говорить?

Все распрекрасно поняли раскопавшие дворец Миноса археологи. А потому столь упорно и не желают признавать за нами эту древнюю культуру. Потому и испробовали все языки мира, чтобы попытаться идентифицировать их к ней, вплоть до китайского, но не в коем случае не пытаюсь применить для этого язык наш. Потому как уж слишком им, так о себе в своих фантазиях возомнивших (а точнее в фальсификациях), уж больно не хотелось здесь заполучить столь мощно всей своею западнообразною мордюю, то есть мордюю своей на самом деле более чем примитивистской культуры, и в грязь.

И по этому поводу Савельев писал:

«Недалеко то время, когда славянские ученые расшифруют письменные памятники этого дивного народа, и мы во всей подробности узнаем его загадочную судьбу, его верования, нравы и обычаи и, быть может, многому у него поучимся. Путь к этому уже указан нашим Фаддеем Воланским. По данным, уже имеющимся в нашем распоряжении, жители городов Трои, Пергама и Кеми, о-в Архипелага: Низироса, Карпатоса, Казоса и др., прилегающих к берегам Малой Азии, а также и жители о-ва Крита были те же Геты-Руссы, Разы или Расы, Рса, проникшие и в Бактрию, и далее до подножия Гинду-Куша (Гедросии), даже владевшие Ассирией и Египтом и частью переселившиеся, по падении Трои, в Италию, долгое время сохранявшие там свою религию, свой язык, нравы и обычаи... Гетам, как военному сословию, не сиделось на месте... они шли... в дальние страны, образовывали новые колонии, строили города и всюду несли свою культуру, как и в позднейшее время с Ермаком проникли в Сибирь, даже на Амур — в Албазин и Камчатку» [336] (с. 87–88).

Но вот, после переводов Фаддеем Воланским древних текстов, обнаруженных в Италии и записанных кириллицей на славянском языке, которые цитировал в изданной еще в 1913 г. своей книге «Древняя история казачества» Е.П. Савельев, прошла и еще сотня лет, прежде чем обнаруженная на Крите наша цивилизация по-нашему же и заговорила.

При сопоставлении письменности типа «черт и резов» с греческим письмом Гриневичем было подмечено их графическое сходство. Чуть ли ни половина греческого алфавита в точности соответствует нашему древнему праславянскому. А так как буквенное письмо является продуктом модернизации письма слогового, становится, наконец, понятно, что греческое письмо возникло на основе слогового письма типа «черт и резов», а никак не наоборот.

Фестский диск, найденный при раскопках на Крите, являющийся первым в мире печатным текстом, отштампованным на глине готовыми литерами, а затем обожженным, в результате вышеизложенных умозаключений о принадлежности его к древнейшим образцам праславянской письменности, был исследован Г.С. Гриневичем и в конечном итоге благополучно переведен на наш с вами язык. Это доказало кровное родство пряхи из Лецкан с автором знаменитейшего на весь свет послания древности. Этот перевод, где из 300–500 требуемых для расшифровки знаков Фестский диск располагал лишь 242, находящимися в его тексте, был с лихвою восполнен 1900 имеющимися в распоряжении Гриневича знаками праславянской письменности из других источников. И вот из древнейшей в мире книги полилась наша родная русская речь:

Горести прошлые не счесть,
Однако горести нынешние горше.
На новом месте вы почувствуете их
Все вместе.
Что вам послал еще Господь?
Место в мире Божьем.
Распри прошлые не в счет.
Место в мире Божьем.
Что вам послал Господь,
Окружите тесными рядами.

Защищайте его днем и ночью:
Не место... [Отечество — А.М.]
За мощь его радейте:
Живы еще чада ее.
Ведаем, чьи они
В этом мире Божьем.

Будем опять жить,
Будет служение Богу.
Будет все в прошлом
— Забудем, кто есть мы.
Где вы пребудете, чада будут,
Нивы будут, прекрасная жизнь —
Забудем, кто есть мы.
Чада есть, узы есть —
Забудем, кто есть.
Что считать, Господи!
Рысиюния чарует очи.
Никуда от нее не денешься,
Не излечишься.
Ни единожды услышим мы:
Вы чьи будете, рысичи?
Что для вас почести:
В кудрях шлемы;
Разговоры о вас.
Всегда будем ей принадлежать
В этом мире Божьем.

[29] (с. 116).

Смысл текста Фестского диска предельно ясен. Народ «рысичей» был принужден оставить свою родную любимую землю, «Рысиюнию», неизбывной тоской по которой пронизаны строки этого повествования, вероятно, отпечатанного во множестве экземпляров. Ведь глиняный диск явно проштампован заранее установленными металлическими литерами! Это единственная книга, дошедшая до нас с тех далеких времен.

И вот резонен вопрос: почему же это изобретение столь глубочайшей древности осталось полностью забыто? Почему русские люди им больше не пользовались?

Вот каким преследованиям у нас подвергся следующий за автором Фестского диска «просветитель»:

«В чернокнижии, например, обвинялись Иван Федоров и Петр Мстиславец, основавшие типографию в Москве; типография была разгромлена и сожжена невежественной толпой, разумевающей печатную книгу “сатанинской” выдумкой» [183] (с. 65).

И это все потому, что:

«Христианство выработало не просто отрицательное, а злое отношение к черным магам, чернокнижникам» [183] (с. 65).

Так почему же у нас такое не приветствовалось? Может, помнили о причине гибели Атлантиды?

В альтернативу нашему столь странному нежеланию печатать книги следует отметить, что немногочисленные, с грехом пополам обученные грамоте писарчуки Запада тут же включились в книгопечатание. Почему они, а не мы оказались в этом вопросе в «передовиках»?

Вот, как теперь выясняется, где до изобретения печатного станка создавались ходившие в мире книги:

«Главными центрами книгописания были: Московская Русь с гор.: Новгород, Суздаль, Ростов; известны еще многие селения, доставлявшие рукописи в огромном количестве. По содержанию своему книги эти религиозно-нравственного характера, большей частью священные и богослужебные. **Появившееся книгопечатание не ослабило деятельности переписчиков, ценившихся гораздо дороже печатной книги**; еще XVIII век изобилует такими книгами...» [133] (с. 1386).

Почему? По какой причине столь ценилась именно написанная книга? Почему не желали наши пращуров переходить на станок?

Может быть, этот секрет заключается в катастрофе, постигшей родину печатного диска? Может, само книгопечатание некогда переполнило груз накопившихся у наших пращуров грехов?

Между тем не истерлась из памяти людей катастрофа, постигшая некогда погрязшую в открытом сатанизме Мартинику. Пассажиры самого последнего из отошедших от ее берегов кораблей подтверждают страшный разгул сатанизма, послужившего причиной смерти *всех* оставшихся в городе Сен-Пьер жителей. Постигшая этот остров колдунов и чернокнижников катастрофа оказалась внезапной и разрушительной. Судя даже по дате происшествия, она карала ведьм и колдунов, только что вернувшихся с горы Броккен, куда они летали на празднование Вальпургиевой ночи с тридцатого апреля на первое мая:

«Утром 2 мая 1902 года Мон-Пеле в считанные мгновения сжег более 40 тысяч обитателей города Сен-Пьер» [195] (с. 92).

Это случилось именно в данный момент потому, что:

«...ведьмы проводят свои шабашы на Вальпургиеву ночь (ночь на 1 мая). **Это время считается лучшим для изгнания колдуний и вообще всех чародейских сил**» [183] (с. 65).

То есть вулкан неожиданно уничтожил колдунов и колдуний, только что возвратившихся с шабаша.

Есть примеры и иные: Содом и Гоморра, Вавилон и т. д.

Но даже и «пиратский Вавилон» на Ямайке, Порт-Роял, постигла точно такая же участь:

«...остров содрогнулся от мощных подземных толчков. В мгновение ока дома превратились в груды развалин. Тут и там вспыхивали пожары. Все, кто остался в живых, обратились в паническое бегство. Мощные морские волны вторглись на сушу, превращая улицы города в стремительные реки. Огромная полоса прибрежного грунта вместе со значительной частью города исчезла в бездне разбушевавшегося моря... На дно пошли несметные сокровища: золото и серебро, товары в портовых амбарах и складах. Богатый город, в котором жизнь была ключом, исчез с лица земли.

Таким был страшный конец «пиратского Вавилона»» [83] (с. 123).

История всегда повторяется. Потому ее надо не просто знать, но и вовремя сделать после ее скрупулезного анализа правильные выводы, иначе все может кончиться весьма плачевно.

Но не только книгопечатание, по какой-то причине являющееся запретным плодом, лежит в основе произошедшей с древними жителями Крита катастрофы. Здесь стоит припомнить лабиринт с Минотавром, ежедневный облет острова на каком-то летательном аппарате, якобы сконструированном неким Дедалом, и многое иное, что, очень возможно, связано с чернокнижием. Ведь если какие-то фантастические подробности этой неразгаданной цивилизации так и остаются пока еще в области мифов, то сама произошедшая здесь катастрофа мифом не является. И произошла она именно здесь, судя по всему, вовсе не случайно.

Но вернемся к расшифрованному диску. Его содержание, судя по всему, повествует о вынужденном исходе со своей родины трипольцев в давшую им временный приют Пеласгию. Но родная страна, «Рысиюния», оставленная более половины тысячелетия назад, дорога сердцу «рысского» человека — от тоски по ней никуда «не денешься не излечишься», и хоть прошло со времени исхода со своей земли столько долгих веков, все равно плодом вожделенного желания живущего в III тысячелетии до Р.Х. русского человека является возвращение на не вытравленную никаким временем из тоскующего по ней сердца родную, горячо любимую землю с названием сладким — Русь.

Представителям иных народностей обычно все равно, где жить — лишь бы жилось сытно и беззаботно. Но только русский человек способен понять, что такое находиться вдали от родной земли и не иметь возможности туда вернуться. Доказательством тому — неизлечимая тоска белоэмигрантов по своей горячо любимой Родине, которая заставляла некоторых из них возвращаться, несмотря на грозящую им неминуемую гибель. Тоской по родной земле переполнены произведения художественной литературы, созданной за границей русскими людьми. Да и сейчас многие, уехавшие отсюда, и даже не совсем русские, никак не могут прижиться на чужбине: несмотря на многие преимущества зарубежного обитания, их постоянно тянет назад в Россию. На чужбине же они, как и прежде, продолжают чувствовать себя изгоями. И вот что еще достаточно убедительно подтверждает связь русской эмиграции со смыслом текста Фестского диска:

«История русской эмиграции знает немало ужасающих, порой неопишуемых случаев страданий и гибели от тоски по Родине. Поток таких страданий, собранных в одной книге, может вывести из себя любого человека и произвести настолько страшное впечатление, что невольно вспомнится убеждение **древних греков**: нет худшего наказания, чем изгнание из отечества» [«Русский рубеж» № 3, с. 15].

Вот именно о страданиях по своему Отечеству мы и узнали из переведенного Гриневичем текста Фестского диска: какой же все-таки народ на планете имеет право отнести свою национальность к минойцам, создавшим древнейшую в Средиземноморье цивилизацию.

Именно такой *ТОСКИ ПО РОДИНЕ* никогда не существовало в природе и не предвидится в будущем *ни у одного народа мира, кроме нашего!*

Такого рода тоска является еще одним дополнительным аргументом, утверждающим нашу причастность к жителям легендарной Древней Греции.

«Кносская держава находилась на вершине своего могущества, когда стихийное бедствие нанесло минойской цивилизации жестокий удар.

Взрыв вулкана на острове Санторин, лежащем в 110 км к северу от Крита, произошедший около 1450 г. до н. э., вызвал сильное землетрясение. До острова докатилась мощная взрывная волна, вызвавшая большие разрушения, и тут же следом за ней на северное побережье обрушились один за другим гигантские цунами... И, наконец, остров накрыла вызванная извержением огромная пепловая туча... Массовый падеж скота, вызванный гибелью пастбищ и заражением уцелевшего травяного покрова ядовитым фтором, содержащимся в продуктах вулканических извержений, должен был завершить постигшую минойскую цивилизацию страшную катастрофу, воспоминание о которой отразилось в хорошо известном предании о гибели Атлантиды» [29] (с. 92–93).

Не спасло и достаточно немалое расстояние до эпицентра извержения. В местных широтах преобладают северные ветра, а потому принесенным сюда ядовитым фтором были погублены леса, что явилось причиной невозможности восстановления лучшего в мире флота, обеспечивавшего безопасность в прошлом великой морской державы.

«Совершенно лишенный теперь защиты от нападения с моря, остров стал вскоре легкой добычей греков-ахейцев...» [29] (с. 93).

Их добычей, в конце концов, стала и легендарная Троя, и вообще вся Малая Азия, оставшаяся без серьезной защиты после падения своего западного бастиона.

И заменившая нашу свободную славянскую культуру несколько иная форма общежителства — культура рабовладельческая, изначально присущая исключительно греко-латинскому Западу, подтверждает и поведение ставших в данном регионе владычествовать ахейских государств:

«Очевидно, греки нередко совершали набеги на побережье Малой Азии и соседние острова и вывозили оттуда добычу — пленников» [226] (с. 52).

Совсем по-другому вели себя их враги — славяне, как нами выясняется, населявшие в те времена побережье Малой Азии (Малой России):

«Пока не обнаружено никаких упоминаний о женщинах, увезенных в рабство из Ахиявы, — например, из Пилоса, Микен или “семивратных Фив”. Наблюдается односторонняя экспансия: с запада на восток, из Ахиявы в Малую Азию, но не наоборот.

В XIII в. до н.э. эта экспансия стала обыденным явлением, напоминая натиск норманнов на Францию, Британию и Ирландию в IX в. н. э.» [226] (с. 52–53).

Так что нравы Запада, существовавшие в те далекие эпохи, кардинально всегда отличавшиеся от нравов русского человека, очень раскрепосно теперь высвечивают национальную принадлежность в те времена враждующих группировок: греко-ахейцев (микенцев) и крито-минойцев (троянцев). А впоследствии: данов-готов и славян Западной Европы.

«Трояне были, как и Эней, Славяно-Руссы. Они раньше назывались Пелазгами... По сказаниям Дареса и дита, Троянам были известны: скульптура, живопись, механика, поэзия, музыка, комедия и трагедия, между тем как греки в то время знали лишь одну грабительскую войну, ее зверства и хитрости, поэтому Трояне называли греков зверонравными. Троянам и соседним родственным им народам была известна и письменность... Многие исследователи пришли к заключению, что Илиада была первоначально написана на языке славяно-русском и что автором этой поэмы был Дарес, он же Омир или Баян» [336] (с. 84).

Интересный момент, смена господствующей культуры Средиземноморья, именуемой минойской, на микенскую культуру повлияла и на смену половой ориентации жителей данного региона. Греков минойцев сменили некие греки дорийцы. Но кто это такие?

Вот как они выглядели со слов Гомера:

«дорийцы кудрявые» [303] (гл. 2, аб. 4).

То есть имеющие чисто хананейского образца завивающиеся по-негритянски волосы.

«...дорийцы — последнее иммигрировавшее в Грецию дикое горное племя — первыми ввели любовь к мальчикам как явление, признанное публично, заслуживающее уважения, как народный обычай» [9] (с. 197).

А «обычай» этот, что и понятно, — обычай Содомы и Гоморры, некогда уничтоженных за данный вид грехопадения всепожирающим огнем. Так что без бога нечистот Ваала, кумира аккурат этих самых хананеев, здесь никак не обошлось.

Не обошлось без него же и насаждение в захваченной дорийцами стране проституции — образа поведения иерусалимской блудницы (чей отец Адонай [ада *наитие*], см. книгу пр-ка Иезекииля или уточнения к ней [74]):

«Во времена Гомера побочная жена, наложница, в большинстве случаев купленная за деньги военнопленная, занимала относительно видное положение. Дети ее считались признанными отцом; несмотря на рабство матери, они были свободны... в IV веке до н.э. конкубинатка теряет свое равноправное с законной женой положение. Она только прислуга и так мало пользуется уважением, что господин может отдать ее внаймы другому за вознаграждение, то есть она может быть проституирована» [9] (с. 398–399).

Все последующие за данными изменениями нравов явления прекрасно описаны в античной литературе: дикое половое оргии именно в эпоху эллинизма просто поражают своим неистовством и размахом.

И лишь много позднее время притонов и борделей прекращает император, на чьи годы правления приходится Рождество Иисуса Христа:

«Затем появилось знаменитое законодательство императора Августа, вероятно, наиболее решительная попытка половой реформы, виденная когда-либо человечеством» (там же).

Эта реформа:

«...заключается в признании внебрачных связей с морально-правовой точки зрения; они признаются значимыми для государства, главным образом, потому, что дают потомство. Вообще, вопрос о рождении детей составляет центральный пункт всего законодательства» (там же).

Здесь эпоха владычества в Греции «кучерявых», то есть хананейской внешности эллинов, заменяется эпохой правления Римской империи, чье древнее вероисповедание, в данный период торжествующее здесь, судя по всему, восходит к вероисповеданию Греции до вторжения сюда эллинизма. То есть до появления здесь хамитов, именуемых сегодня эллинами.

А вот как описано чудо появления у эллинов письменности:

«Из посеянных Кадмом зубов дракона вышли вооруженные **богатыри-спарты**. Они считались предками фиванских аристократических родов, владевших **искусством письма...**» [204] (с. 116).

То есть именно «богатыри-спарты», проживавшие в зоне обитания пеласгов, и являются авторами греческого алфавита, который, как теперь выясняется, возник именно из праславянского.

«...греческое письмо было создано... в IV–V вв. до н. э.» [141] (с. 250).

Однако же вышеприведенные исследования относят это «изобретение» к IX, максимум VIII веку уже нашей эры.

Из-за неспособности эллинов научиться произнесению всех звуков праславянского языка для них «фиванскими» аристократами, а если точнее, Кириллом и Мефодием, была разработана форма написания произносимых ими звуков. Поэтому нашу азбуку пришлось упростить под их упрощенный язык.

То же самое произошло с такими же монголоидами по языковой макросемье — латинянами, которые восприняли от нас такое же упрощение, но кже несколько позднее. А потому мы их письменность разбирали легко. Они же о нас: «Этрусское не читается».

Тем временем эллины-миккенцы (греки-дорийцы) продолжали свой безудержный натиск на никак не сдающийся на милость победителей народ, сильно поредевший после произошедшей катастрофы вселенских масштабов.

Собравшись воедино, безчисленные племена эллинов в течение долгих десяти лет безуспешно пытались преодолеть сопротивление мужественных защитников легендарной Трои, являвшейся последним оплотом русских витязей в Эгеиде. Все их усилия и проливаемая кровь были напрасны:

«...дондеже волхви им пророчеством изрекоша, яко несть мощно по рати взяти Трои, ни руками, ни по мечю, но токмо листию единою» [141] (с. 243).

Потому город пал только после коварного обмана, успешно проведенного этой нацией обманщиков: «лукави суть греци изначала».

Война пеласгов с эллинами пронизывает всю историю Древней Греции. Вот один из ее эпизодов, в котором экспансия язычников была вынесена уже к берегам Италии:

«Весной 415 афиняне предприняли экспедицию (260 триер, 38 тыс. чел.) в Сицилию, но попытка штурмовать укрепления Сиракуз успеха не имела. Афинский флот был разбит и сожжен в сиракузской гавани, войско, отступавшее вглубь острова, было окружено и разгромлено.

Афины в 413 направили в Сиракузы еще 26-тыс. войско. Однако и это не обеспечило им успеха. Военная авантюра Афин потерпела крах» [168] (т. 6, с. 257).

А вот какая взаимосвязь прослеживается между греко-пеласгами и персо-ассирийцами, совершенно четко отделяя эти славянские народы от эллиноязычных Афин:

«Построенный при поддержке Персии спартанский флот под командованием флотоводца Лисандра был разбит афинянами при Аргинусских островах у берегов Малой Азии (406). После этого Персия вновь помогла спартанцам восстановить флот, к-рый в сражении при Эгоспотамах в 405 нанес афинскому флоту поражение. В апр. 404 Афины, осажденные с суши и с моря, капитулировали... Война привела к... новому возвышению Персидской державы» [168] (т. 6, с. 257–258).

Так прослеживается взаимодействие несомненно единоверных и единокровных народов против экспансии общего для них врага — языческих Афин.

А ведь все когда-либо ведшиеся войны обычно имели и продолжают иметь исключительно религиозный характер. Это достаточно несложно проследить по истории Древней Греции. Вот с каких пор там восторжествовали боги Олимпа:

«Возвышение Македонии и завоевания Александра Македонского открыли период **эллинизма...**» [168] (Т. 3, с. 44).

Так какую же религию представляет собою *эллинизм*, являющийся могильщиком того первого Рима, которым являлось Царство персидского Царя Кира, принявшего в своей Империи ветхозаветное исповедание родственного им славяноязычного Израиля? Для уничтожения веры в Бога, который благословен, именно на восток были направлены удары предводителя языческих войск Александра Македонского. А внедряемая им вера означает:

«**Еллиństwo** = многобожие, **язычество**. *Скриж.* 843, вера Еллинская» [36] (с. 173).

Самоназвание этой нации, означающей язычество, является символом не только иноязычия, но и иноверия:

«**Елиньскыи** — это слово значит собственно: языческий и “елини”... в *Ос. Еванг.* употребляется в смысле язычников, что видно, напр., из Иоан. 12, 20, где этому слову в чешск. отр. X в. соответствует **poňanowe**, а у Ульфила **riudo**, то есть язычники (*Рус. дост.*, I, 114; см. *Буслаева, О влиян. христ. на слав. яз.*, 1848 г., с. 118)» [36] (с. 976).

Именно от этой *погани* и призваны были нас защищать наши поистине циклопические сооружения древности — Змеевы валы.

А вот как выглядит структура вооруженных сил тех, от кого нам приходилось еще с VI в. до Р.Х. воздвигать защитные сооружения:

«Для обороны А[фин] каждая наукрария должна была снаряжать один воен[ный] корабль» [168] (Т. 1, с. 327).

Что-то не слишком такие приготовления походят на оборону. Куда как больше — на нападение. Но почему нынешнее население Греции отнюдь не представляет собой той агрессивной среды, где чуть ли ни каждый поселок выставлял для набегов на сопредельные государства свое пиратское судно?

Нынешнее население Европы, как считает исследователь наших древностей, сотрудник института Океанографии, В.В. Макаренко, в своей основе является пришлым. Причем народы, населяющие сегодня Скандинавию, по его мнению, что соответствует очень многим им обнаруженным культурным связям Древней Греции и этой северной оконечности Западной Европы, некогда и заселяли рассматриваемую нами территорию. И вот, кстати говоря, откуда могли появиться возможности у каждой здесь в ту пору располагающейся морской страны, имеющей просто мизерные посевные площади, на постройку столь не малого количества морских судов. Все эти страны представляли собой сообщество пиратов, которые стаями и порознь нападали на близлежащие города, грабили торговые суда. И даже, периодически, собравшись скопом, покушались нападать и на близлежащие страны.

А их расселению и роду ремесла аккурат и соответствовала занимаемая ими местность. Ведь исключительно здесь и можно было под прикрытием самой природой

оборудованных бухт, защищенных недоступными для нападения с суши скалами, оборудовать свои пиратские становища, из которых и совершать многочисленные набеги.

Так что же в конечном итоге повлияло на переселение отсюда этих агрессивных племен на север Европы?

Здесь, судя по всему, смена квартир происходит из-за переселения культурных народов из данного региона на север. Славяне, которые и являлись донором этой паразитической части народонаселения планеты на протяжении тысячелетия (от Вавилонского пленения до «переселения народов»), из-за высыхания рек и озер покидают Малую Россию (Малую Азию), Северию (Сирию), Русский остров (Междуречье), Сомали (Сама Лия) и расселяются по всей Северной Европе.

Паразитам становится некого грабить. Потому они ищут сходную с Грецией местность на севере континента и находят ее. Потому в VI веке и появляются в Северной Европе пиратские корабли, базирующиеся в недоступных с берега норвежских шхерах. И именно эта республика грабителей, в конце концов закомуфлировав свое жестокое идолище под Бога Творца, захватывает власть в Европе, разными способами превратив своих извечных доноров славян в католиков — адептов своей собственной ереси. Потому и нынешняя глобализация возглавляется их потомками — потомками морских корсаров — английскими королями. Которые и ведут свою агрессию вот уже тысячелетие из Лондона, нового места обитания норманнских корсаров, — *лона Дана*. То есть с территории очень удобного для набегов островного государства.

А вот что говорят самые первые сведения о возникновении этих грабительских сообществ. Причем по времени они совпадают с уходом из ассирийского пленения, судя по всему — после победы Вавилона над Ассирией (ваалопоклонников над исповедниками Ассур=Руссы), 10 колен Израилевых. Какое-то из колен (а возможно, что и не одно) имеет определенную связь с появлением Дракона как на Дальнем Востоке, так и в греческих Афинах:

«Ок. 621 до н.э. появились первые писанные законы — т.н. законы **архонта** (правителя) **Драконта**. Известные суровостью...» [168] (Т. 1, с. 327).

Иными словами **драконовские законы** появляются именно у **поганых**. Именно от орд эллинского **архонта Драконта**, от которого в ту давнюю пору и появляются самые с нашей стороны первые защитные сооружения — Змеевы валы.

Так вот чем, что самое здесь интересное, является этот общепринятый в Древней Греции символ:

«**Драконь** — ...эмблема нечистой силы, язычества, невежества, изображается в профиль с лапами грифа, на которых и покоится; язык его похож на жало, крылья у него такие же, как у летучей мыши, а туловище оканчивается рыбьим хвостом. **Св. Георгий, поражающий дракона** — символ победы христианства над язычеством (*Зал. археологич. Общ. Т. VII, с. 67*)» [36] (с. 969).

«**Дракон**. Упоминается в **неканонической** части Книги Пророка Даниила [Дан 14, 23–27], где говорится о поклонении ему **вавилонян**» [138] (с. 197).

«Неканоничность» именно этого момента говорит достаточно о многом: обладателям некоего «библейского» языка очень хотелось скрыть тот факт, что их вавилонский идол по имени Бел, именно к 621 г. до Р.Х. занесенный в Афины, является самым настоящим **драконом**. Так что же это за зверь такой засекреченный?

«**Драконь** — (...) = дракон [Ис 24,1], обыкновенно переводится змий [Иер 9, 11]... и означает в духовном смысле **дьявола**. [Апок 20, 2. Ср Быт 3, 1]» [36] (с. 154).

То есть, как теперь выясняется, язычники Эллады полностью тождественны предметом своего поклонения городу пороков и разврата — *Вавилону*. Что подтверждается и их общим божеством:

«...греки отождествляли своего бога Пана с Ваалом» [138] (с. 360).

Вaal же зафиксирован в наименовании города на Ермоне как Ваал-Гад. Где Гад — зверь змеюка — Перун. То есть то самое полуинфернальное заморское чудовище, от которого извечно и защищалась Русь Змеевыми валами.

Теперь понятен взгляд русского человека на басурманского покроя инородчину:

«К сожалению, — замечает Павел, епископ Никольск-Уссурийский, — у нас к инородцам и иноверцам далеко не всегда замечается доброжелательное отношение, особенно среди простонародья, наоборот чаще замечается высокомерие, причем называют инородцев — “тварями”, “погаными”...» [118] (с. 147).

Видать, хороша была память у русского человека в дореволюционную пору. Он, по тем временам, еще не успел забыть, для защиты от кого его пращуры сооружали Змеевы валы.

Кстати, так ведь именно Дракону этому самому и посвящались вообще все пиратские судна Скандинавии. Они именовались *драккарами* [280].

Что же собою представляет этот драконовский столь странный титул — *архонт*?

Обратимся к величайшим специалистам в области мифологии — мифологам от истории советского периода:

«В древнеславянской религии, несомненно, существовали священные и жертвенные места...» [142] (с. 309)

Которые, что и вполне естественно, ими «пока не найдены». Но на сегодняшний день известно лишь о *двух* таких местах. Первое:

«...**Арконское** святилище на острове Рюгене...» [142] (с. 309).

То есть святилище, находящееся теперь за рубежом нашей державы, посвящено все тому же *архонту*, от чьей драконоутверждающей сущности и защищались наши пращуры!

Второе:

«...дохристианское святилище в Киеве» [142] (с. 309).

Именно то самое, которое советские историки приписывают князю Владимиру. Где он, все по тем же рассказам, приносил человеческие жертвоприношения, как получается, все тому же *архонту* по имени *Драконт*.

Других таких *поганых мест* ни на бывшей территории нашего местопребывания, ни на нынешней: *не обнаружено* вообще!!!

То есть не было никогда на наших землях того самого *поганства*, которое столь упорно приписывают нам лжеисторики. Оно было занесено лишь при князе Владимире. И существовало это капище именно в тот короткий исторический промежуток, который совпадает со временем нашествия на Русь идолопоклонства.

Параллель этого опоганенного в Киеве места с афинским и рюгенским *архонтом* более чем очевидна: кровавые алтари идоложертвенных святилищ уводят нас к языческому Олимпу.

А потому все вышеизложенное прекрасно согласуется со страницами Ветхого Завета:

«...царь послал одного старца, **Афинянина**, принуждать Иудеев отступить от законов отеческих и не жить по законам Божиим, а также осквернить храм Иерусалимский и наименовать его храмом Юпитера Олимпийского...» [2 Мак 6, 1–2].

Но израильтяне отринули предложение эллинов осквернить отеческие святыни, отстояв свое право на вознесение молитв к Богу истинному. Самаряне же приняли предложение *поганых*:

«Во время владычества Антиоха Елифана самаряне, чтобы угодить этому царю, посвятили свой храм Юпитеру» [36] (с. 120).

Празнуется же праздник ему именно в четверг! То есть в один день с празднованием дня Перуна:

«четверг = день Юпитера» [243] (с. 13).

«До Крещения Руси **четверг** считался **днем** главного **языческого бога Перуна**, в который ему поклонялись и приносили жертвы» [128] (с. 586).

«Римский Юпитер (название это происходит от Йовис Патер) был очень похож на греческого Зевса. Прежде всего, он был богом света. Его часто называли **Люцетий** ...» [121] (с. 227).

То есть тот самый, который составляет основу корня князя бесовского: **Люцифер (Люце-вер)!**

Между тем достаточно созвучно выглядит и параллель Явь=Яхве=Йовис. То есть и этот пучок, казалось бы, совершенно различных божков, на самом деле происходит от одной и той же сущности: древнего дракона — Люцифера — преобразившегося из некогда павшего ангела утренней зари, Денницы, в рогатое двуполое существо с масонской пятиконечной звездой, горящей во лбу.

Но и родство Зевса с Перуном также запрототолировано более чем четко:

«В одном из староболгарских переводов Александрии, сохраненной в русской переписи, эллинский громовержец Зевс, отец Александра Великого, поименован славянским Перуном» [243] (с. 14):

«сын божий, Перуна велика, царь Александр» [244] (с. 114–115).

И вот с кем наиболее сходны своими функциями inferнальные сущности, отображающие «бога света»:

«По изображению и свойствам Перуна можно сравнить с греческим Зевсом или с римским Юпитером. Ибо подобно тому, как греки и римляне изображали Зевса и Юпитера с поражающе **громовой стрелой**, в таком же почти виде изображаем был Перун...» [36] (с. 420).

«Перуну воздавались кровавые жертвоприношения» [172] (с. 58).

«В греческом мире Зевсу воздавали самые большие почести... в его честь совершались таинственные обряды, требовавшие пролития человеческой крови» [121] (с. 63).

Совмещение эллинского Зевса с якобы римским Юпитером, на страницах Ветхого Завета названного к тому же еще и Олимпийским, позволяет весьма точно определить родословную этого чисто эллинского божка. Именно афинянин притащил сюда со своего Олимпа даже не Зевса, но именно Юпитера! Ведь исключительно по-гречески он имеет точно соответствующее данному божеству значение:

«**Перунь** — (греч.) = **громовая стрела**» [36] (с. 419).

На нашем же языке:

«**Перу** — ...мою... попираю, топчу [Апок 11, 2]; давлю, выжимаю [Апок 14, 20]» [36] (с. 419).

То есть что-то вроде половой тряпки, но к этой *громовой стреле* ничего даже близко схожего. У эллинов же — буква в букву.

«Перун был страшным богом огромной власти. Но время его действия было ограничено — с первых до последних гроз... а затем он засыпал до следующей весны» [183] (с. 58).

И вот полная аналогия уже теперь греческого мифа о том самом боге, который впадает в спячку:

«Однажды под кедром на вершинах Ливана Адониса растерзал дикий кабан... Афродита полила кровь возлюбленного нектаром...» [121] (с. 82).

Что делал на Ливане вроде бы как исконно греческий божок?

Так ведь там гора Ермон, а на ней ему устроено капище. Правда, местные жители называют его или Адонаем, или Гадам, или Ваалом! А вот эллины именно на Ермоне называют его Паном, а у себя дома Адонисом. И вот насколько его зимняя спячка оказалась родственной Перуну:

«Безутешная богиня отправилась к Зевсу с просьбой вывести душу возлюбленного из подземного царства и вернуть ее в прежнее прекрасное тело. Ее желание было исполнено, и с тех пор Адонис шесть месяцев проводил с Афродитой, а на вторую половину года возвращался к Аиду» [121] (с. 82).

«**Хамос** — (повелитель) = божество Моавитское, по мнению толковников, есть то же, что египетский Тамуз (егип. *томсз* — погребенный) и греческий **Адонис**... По языческому (египетскому) сказанию, этот благодетельный бог (Озирис), путешествуя по земле, был убит злым Тифоном и брошен в Нил, но потом найден и погребен своею супругою Изидою. Ежегодно **в июльское полнолуние** женщины оплакивали смерть этого бога с различными печальными обрядами» [36] (с. 781).

А ведь праздник Перуну празднуется именно в июле.

«Нетрудно заметить тождественность культов Фаммуза, Адониса, Озириса. Но в данном случае самое важное — отчетливое сходство древних люциферианских мифов с преданием, легшим в основу ритуала масонских лож» [178] (с. 159).

А ведь магистр масонского ордена тамплиеров, сгорая в жутком пекле костра инквизиции, корчась в предсмертных судорогах от неимоверной боли, взывал к отмщению именно к нами отысканному божеству:

«Некам, **Адонай**, некам!» [19] (с. 290).

Вот и запишем теперь это ставшее уже столь длинным уравнение: Адонай = Адонис = Озирис = Хамос = Гад = Ваал = Бел = Пан = Яхве = Юпитер = Явь = Зевс. А всему этому тождественен и якобы наш — Перун. Однако же общепризнанным местом обитания этого страшилища является именно Олимп. Вот где родина так называемого «русского» язычества, куда, словно магнитом, притягивает и нынешних неопоганистов:

«На основе лингвистического анализа, данных археологии, сравнительной мифологии Ю.Д. Петухов делает сенсационные открытия: боги греческого Олимпа — это русские боги» [96] (с. 34).

Здесь все сходится. Но только, отметим, с точностью до наоборот. Навешанные на наш народ немцами и Карамзиными божки и действительно: имеют место своей прописки исключительно на греческом Олимпе. Но именно оттуда на Русь приходили орды басурман, от которых и приходилось отгораживаться нам Змеевыми валами.

Но если наследников дохристианского вероисповедания князя Владимира интересуют в Греции имена своих кумиров, то наследующих древнее вероисповедание Святой Руси интересуют в этом регионе совершенно иные названия. Например, наименование полуострова, где некогда обитали научившие эллинов письменности спартанцы:

«**Мория** — (*евр.* страх Господень, служение Господу) = гора, на которой Бог явился Давиду и на которой создан храм Соломоном (2 Пар 3, 1; сн. Пс 14, 1; 19, 3–4; Быт 22, 1–19)» [36] (с. 317).

И если «страх» по-еврейски значит «мор» (теперь мы знаем, чего они больше всего на свете боятся), то «*ия*» или *Ие* — это и есть общепризнанное и для хананеев — *Господь*. *Иерусы*, кем они себя попытались поименовать перед завоевателями, произнеся картаво — *иевусы*, — на их наречии означает — *господствующие* (очевидно, на всей земле) *русы*.

«И начал Соломон строить дом Господень в Иерусалиме на горе Мориа...» [2 Пар 3, 1].

Однако не только гора, где стоит Иерусалимский храм, носит такое название:

«*Бог* сказал: возьми сына твоего, единственного твоего, которого ты любишь, Исаака; и пойди в землю Мориа...» [Быт 22, 2].

То есть, не просто гора, но и вся местность в окрестностях нынешнего Иерусалима именовалась точно так же, как и земля, которую для своего пребывания избрали пеласги-спартанцы.

Не слишком ли много кажущихся случайными совпадений, чтобы не стать, наконец, правилом, которое постоянно связывает топонимику мест проживания русского человека?!

При сопоставлении различных школ иконописи Мориа упомянута в качестве отдельной страны:

«Как мы знаем, уже с середины XIV в. культурно-художественная жизнь в Византии начинает более активно развиваться на бывших «окраинах» империи: в **Морее**, на островах... в Македонии, в Сербии, в Болгарии» [130] (с. 137).

Между тем именно *традиционно* эллинизированные до мозга костей уже изначально языческие Афины в этом списке православных центров иконописи вовсе не упомянуты!

Так где же эта их столь хваленая тяга к изящным искусствам?!

Ее нет и в помине. Эта языческая страна так никогда и не была до конца просвещена светом Евангелия. И если крупнейший город античного мира, Афины, так и не сумел переориентировать свои, казалось бы, давно освоенные изящные искусства под высочайшие образцы христианской культуры, если второй по величине в Греции город, Салоники, при наступлении конца поклонению олимпийским кумирам не нашел в себе сил для попытки заимствования высших образцов графики соседствующего с ним монашеского Афона, то об общем уровне культуры этих самых «суть лукави греци» можно судить уже с куда как более определенной позиции. В этом суть эллинского этноса — его чисто национальная черта. Их боги, чье исповедание приписано нам, заключены в нынешних названиях их городов. Прекрасный вид на гору Олимп, например, открывается из греческого города *Волос*:

«**Волос** или **Велес** = имя славянскому идолу, бывшему при великом князе Владимире...» [36] (с. 92).

Вот где находится родина огульно приписанного нам божка.

Языческих эллинов с Палестиной тоже соединяют топонимы. Вот где жили боги эллинов:

«...излюбленным их обиталищем были возвышенности Перии под Олимпом. Там цвели роскошные луга, которые никогда не знали косы, а на них паслись стада, принадлежащие богам. Теперешние греки рассказывают, что в горах Перии гнездятся злые духи, которые заблудившихся поражают безумием и сталкивают в пропасть» [121] (с. 72).

Здесь нет ничего удивительного. Если наши пеласги объединили место обитания Бога в Палестине и на Пелопоннесе, то эллины своих бесов из Перии Олимпийской отправили на местожительство в Перею у берегов Мертвого моря: к равнинам в Равву Аммонитскую, куда переселилось колено Гада после вавилонского пленения.

Таким образом, культура поклонения Яхве вновь высвечивает свое кровное родство эллинской части Греции.

И «черная хата» обнаруживает свое происхождение отнюдь не у нас, но в стране язычников — эллинов:

«Самым священным местом в каждом греческом доме был очаг. В древнейшие времена он находился в главной комнате, м е г а р о н е , между четырьмя столбами, а дым уходил через отверстие в потолке» [121] (с. 97).

То есть пещерный примитивизм у них царит практически во всем. Таковы основы их первобытнообщинной культуры, неизвестно за какие достижения кем-то теперь воспеваемой. Где варварство в домашнем обиходе всегда соседствовало с варварством их вероисповедания, нами именуемого поганством.

Но если поганство эллинов, разводящих среди своего жилища очаг, выводя дым на улицу посредством дыры в потолке, теперь становится куда как более осязаемым и осязаемым чуть ли ни физически, то вот чем в построении своих жилищ прославились спартанцы. Вот что пишет о жителях Московии, побывавший у нас в 1662–1663 гг. в составе посольства гр. Карлейля, англичанин Гвидо Монт:

«...эти бедные люди в своих постройках (за исключением печей) следуют правилу Ликурга, который желал, чтобы спартанцы строили свои дома только топором и пилой» [452] (с. 19).

Так что даже привычка строить себе жилища исключительно из дерева — и та у спартанцев чисто наша — русская. Что говорить за все остальное? А в особенности по части религиозной нетерпимости эллинов. О которой сказано:

«...еллины (греки), будучи идолопоклонниками, ненавидели христиан и монастыри их» [197] (с. 182).

Вместе с ересью иконоборчества именно эллинский язык сменил с VIII в. латынь в граде Царя Константина.

Но и более тысячелетия до этого, еще во времена израильских пророков, самой богоборческой названа все та же нами разбираемая народность:

«...И ВОЗДВИГНУ ЧАДА ТВОЯ, СИОНЕ, НА ЧАДА ЕЛЛИНСКА» [7] [Зах 9, 13].

«...и воздвигну сынов твоих, Сион, против сынов твоих, Иония» [6] [Зах 9, 13].

То есть пророк Захария еще в VI в. до Р.Х. называет врагов Божьих *еллинами*, что в переводе этого же слова значит как дети Иавана — ионийцы.

В отличие от страны эллинских Перунов-Юпитеров, этой изначально языческой Аттики ионийцев, Мория спартанцев-пеласгов, именно в области изящных искусств, указана практически в одном ряду вместе с Болгарией, Сербией и Россией.

Между тем именно жителями Пелопоннесского полуострова велась ожесточенная девятилетняя война за независимость от Турции, в которой этот народ, с помощью России (Наваринское морское сражение 8.10.1827), одержал долгожданную победу. То есть во всей Греции лишь потомки Спарты оказались способны на военное противостояние захватчикам.

Но здесь следует все же учесть, что территория нынешней Греции совершенно не соответствует территории Греции Древней. Мы уже отметили для себя весьма странное присутствие греческих богов не на балканском Олимпе, а на палестинском Ермоне; странно соседствующей и взаимодействующей со Спартой далекой Персии. Да и вообще: полная невозможность этой маленькой гористой стране как-либо соперничать с величайшими империями мира видна просто невооруженным глазом. Ведь и сегодня Греция является слишком малонаселенной страной:

«...9 млн. чел (1975)...» [168] (Т. 3, с. 41).

А ведь территория так называемой классической Греции была и еще вдвое меньшей! То есть своей населенностью это могло быть лишь поистине карликовое государство, не способное претендовать на какую-либо роль в списке мировых держав. Мало того:

«Пелопоннес горист, следовательно, площади, пригодные к возделыванию сельскохозяйственных культур, были совсем невелики. На эту небольшую и крайне бедную территорию историки повесили Лаконию (Спарту), Коринф, Ахайю, Арголиду, Аркадию, Мессению, Элиду. Сколько кв. км приходится на каждое государство? В среднем по 2–3 тысячи кв. км гористой земли, практически не пригодной к сколько-либо интенсивному земледелию... По этому поводу недоумевают исследователи, которые не могут понять, как могут соотноситься археологические данные и реальные обследования скудных ресурсами местности в нынешней Греции с приписываемой ей богатой культурой. Исследователи называют государства, которые могли бы быть расположены на нынешнем Пелопоннесе, “карликовыми”, “миниатюрными”, находят их архитектуру явно заимствованной с Крита или из Северной Африки (См. Полевой В.М. Искусство Греции. М., 1970, с. 69)» [66] (с. 218).

Но и это еще далеко не все:

«...историки нагроутили территорию нынешней Греции таким типом хозяйствования, который просто невозможен в этом районе» [66] (с. 219).

Мало того:

«...если верить “Илиаде”, то только с полуострова Пелопоннес на троянскую войну ушло более 200 судов» (там же).

Но для такой карликовой страны:

«Это практически невозможно, поэтому никто всерьез не принимает свидетельства “Илиады”, воспринимая ее как миф. Но причина этого не в “Илиаде”, а в том, что ее содержание не понято до конца» (там же).

Но кто же в те далекие времена здесь жил? Ведь имеются же здесь древние останки какой-то цивилизации. Странное дело, но именно:

«Скандинавские саги соответствуют древней культуре нынешней Греции» (там же).

Но где находилась сама Древняя Греция, по какой-то причине историками отправленная в нынешнюю Эгеиду?

Она, судя по результатам раскопок, находится в долине реки Иордан, соответствуя той местности, где некогда располагалось объединенное верой Ефрема (Ие время) в свою праматерь Рахиль (Хилое Солнышко) государственное образование евреев, именуемое теперь Европой. То есть «возвращением евреев»:

«...это была территория в центре Древнего мира, да и климат, и растительность в этом районе тогда были иными. В древние времена здесь был центр Аттики, она находилась рядом с Олимпом. Здесь замечательные памятники античной культуры. Чего стоит Петра? Но древних городов на этой территории много больше: они практически под каждым холмом. В основе это все греческая культура» [66] (с. 383–384).

Сюда же следует прибавить и Баальбек. Город, посвященный Ваалу (Бааль — Ваал). А ведь уже он, скорей всего, имеет свое отношение так и вообще к допотопной цивилизации. Ведь его колонны, выглядящие куда как много внушительнее римских, покоятся вообще на таких гигантских блоках, которые не возможно было сдвинуть не только во времена Римской империи, но не возможно их сдвинуть и при нашей нынешней технике — во времена нынешние. Эти 500-тонные каменные подушки, вырубленные в твердой породе, просто перстом указывают на свое происхождение в те еще времена, когда люди были росточком своим разков эдак, как минимум, в десяточек поболее людей нынешних веков — послепотопных.

Кстати, само капище Ваалу не имело крыши. Что указывает также исключительно на те именно допотопные времена, когда дождей не было вообще. Именно парниковый эффект той древней атмосферы позволял о крыше не заботиться. Потому-то, кстати сказать, и выстояли колонны даже в погруженном в воды Потопа состоянии, что никакой крыши на них в это время не давило.

Причем, что давно исследовано и предано гласности ревнителями так называемой «альтернативной истории», на Ближнем Востоке обнаружено в десятки и сотни раз куда как более всего римского, нежели обнаруживается на территории нынешнего Рима. А также древнегреческого, чем обнаруживается на территории Греции. И здесь следует лишь глянуть со стороны на допотопный Баальбек, чтобы сразу все заимствования стали расставлены по своим местам.

Причем греческой культуры в самой Греции не наблюдалось уже во времена Страбона:

«В прежнее время, несмотря на то, что это были мелкие многочисленные и безвестные племена, все же благодаря густоте населения и тому, что у каждого племени был свой царь, определить их границы не составляло особого труда. Однако теперь, когда большая часть этой страны обращена в пустыню и ее поселения, в особенности города, исчезли с лица земли, даже если бы и возможно было определить с точностью их границы, то никакой пользы от этого бы не получилось из-за безвестности или полного их уничтожения» [305] (гл. 7, аб. 3).

То есть еще во времена Иисуса Христа никакой «Древней Грецией» в Греции, то есть на Пеллопонесе и в современных Афинах, и не пахло. Это подтверждает мнение Макаренко, что Древняя Греция находилась вовсе не здесь.

Итак, Баальбек — Европа Древняя (Ближний Восток и Северо-Восточная Африка) — Европа современная. И оставшиеся свидетелями этой незримой связи сооружаемые Ваалу капища, всегда лишь копируемые последователями этой религиозной традиции, — наипервейшее тому подтверждение. Переносимые же капища меняли лишь наименования своего нового местообиталища.

Вот почему греческие олимпийские боги так странно имеют полную свою идентичность с богами Галилеи Языческой. Все здесь достаточно просто: Олимп — это Ермон.

А вот Москва, Третий Рим, — это Иерусалим (Ие Руса лим). Ведь Иисус Христос, что прекрасно известно, разговаривал на каком-то таинственном языке — сиро-арамейском.

И вот что значит страна Сирия:

«...Сирия (или Арамея), земля между Средиземным морем и Евфратом...» [36] (с. 601).

А находилась она, по отношению ко всем иным цивилизованным странам того древнего мира, *на севере*. Произносится же эта сторона света у нас иногда:

«**Север** = ... *сивер*» [36] (с. 698).

Летописец времен Смуты:

«ис Путивля и из иных Сиверских городов» [449] (с. 138).

У Валентина Иванова: *сивир* [280].

То есть, буквально, сивир. А так как буква *ѵ* в произношениях некоторых народностей заменяется на *и*, потому-то старая грамматика требует именно через эту букву написания (например, *ѵссоп*; еще пример: «И ИЗЫДЕ СЛУХ ЕГО ПО ВСЕЙ **СѵРИИ**» [Мф 4, 24];), то и получается следующая параллель в наименовании данной страны:

«Царь *северский* — царь *сирский*» [36] (с. 800).

То есть самая древняя наша послепотопная страна, находящаяся по отношению ко всем иным странам на севере, получает наименование: Сиверия=Сиерия=Сиирия=Сирия. Ведь в тот самый момент, о чем свидетельствует древнейшая история, за горами Тавра (юг нынешней территории Турции) жизни еще не было — там начиналось царство льда и холода — таинственная Гиперборея. То есть крайний север. И это понятно. Ведь поднявшаяся при Потопе на высоту более 4 200 м вода (нынешнее место расположения ковчега) замерзла. А затем и опустилась на землю уже в виде гигантского ледяного панциря.

Этот панцирь, тысячелетием позже, следующей плеядой историков, был отмечен уже в качестве цепи ледяных гор, проходящих по северному берегу Черного моря. Потому-то и Тавр, со временем, из Малой Азии (Малой России) переезжает в нынешнюю Малороссию — в Таврию нынешнюю.

Сирийцы же, что и вполне естественно для их образа обитания исключительно в холодных землях, после таяния ледника переселяются за горы Тавра на территорию нынешней Турции. Вот что о них сообщает Страбон:

«Имя Сирии, как кажется, распространялось... до Евксинского моря. Во всяком случае, обе каппадокийские народности (те, что на Тавре, и те, что на Понте) называются до настоящего времени “белыми сирийцами”, как будто бы существовали и какие-то черные сирийцы. Это — сирийцы, живущие за Тавром» [309] (гл. 1, аб. 2).

То есть белые сирийцы, что и понятно без особых разъяснений, — славяне, с уходом ледника севернее тоже ушли на север.

Но чем еще *белые сирийцы* могли столь разительно отличаться от *черных сирийцев*?

Языком. Ведь в те времена существовало в этой области два языка: сиро-арамейский, язык Иисуса Христа, и сиро-финикийский. Именно тот самый, на котором разговаривало негритянское народонаселение Сирии. Вот из чьей дочери Иисус Христос, что в Евангелии зафиксировано лишь в качестве единичного такого случая, не пожелал изгонять беса:

«...женщина та была язычница родом **сирофиникиянка**...» [6] [Мк 7, 25–26].

Евангелист Матфей, в добавление к евангелисту Марку, уточняет нам национальность этой женщины, проживающей в окрестностях Тира и Сидона:

«И вот, женщина **хананеянка**, выйдя из тех мест, кричала Ему: помилуй меня, Господи, сын Давидов, дочь моя жестоко беснуется» [Мф 15, 23].

То есть вторым языком Северии тех времен является язык черных сирийцев — хананеев.

А белые сирийцы, после таяния ледника за горами Тавра, перемещаются в Малую Азию (Малую Россию). Потому Страбон и находит белых сирийцев уже там.

Горы же Тавра, что при том и естественно, переносятся после этого уже в нынешнюю Таврию — на северное побережье Черного моря.

А когда ледник отступит и еще дальше на север, то появится и следующая Сирия. На этот раз уже с современным нашему нынешнему пониманию наименованием — Северская (Сиверская) земля.

Когда же ледник отступит и еще далее на север, а *белые сирийцы* уйдут вслед за ним, наименование данной местности останется, породив собою удивительную загадку: Северское (Черниговское) княжество будет находиться на самом юге той древней Русской Земли.

Но затем новый предел укажет нам место расселения северян — озеро Белое. Именно оно в прежние времена именовалось Сивирским. То есть буквально дословно — Сирским (буква В у греков отсутствовала — вот в чем причина переименования южной нашей Сиверии в Сирию).

Конечной же границей обитаемого севера, что уже соответствует временам средневековья, являлась речка Свирь (все от того же *сивир*).

Так что землей *Северской*, а с нею и ее *сирьским* наречием (сиро-арамейским), на котором и разговаривал Иисус Христос, обладали в древности лишь исключительно мы — и никто другой.

Но историки историков не желают ничего сообщать об этом. Но берут нас за ручку и ведут в совершенно противоположную от истины сторону.

Вот очередной пример. При попытке овладеть Афинами персидским царем Ксерксом был якобы перекопан перешеек, связывающий полуостров Афон с материком.

Но имеются большие сомнения в возможности когда-либо существования такого канала. Его не позволила бы провести:

«...скалистая плита, почти что в стадию длиной, настолько высокая и широкая, что ее невозможно было пробить на всем протяжении до моря... чтобы образовался судоходный канал» [305] («фрагменты» к кн. 7, аб. 35).

А вот встречаем и еще более чем удивительное в описании похода Ксеркса:

«Границей обитания львов служат реки Нест, текущая через область Адбер, и Ахелой, пересекающая Акарнанию. Ведь к востоку от Неста во всей передней части Европы не увидишь льва, точно так же как и к западу от Ахелоя на остальном материке. Львы встречаются только между этими [двумя] упомянутыми реками» [299] (гл. 126).

И все это о Европе. Причем в те еще времена, когда климат здесь был много холоднее нынешнего — на территории нынешней Москвы в ту пору залегали километровые глыбы льда! Север Балкан, что и понятно, также был забит этими ледниками и приносил много холода.

Так где же происходило описываемое Геродотом действо?

Так ведь и в Азии львы встречаются только в единственной упомянутой еще в Библии местности — в Палестине. Причем, еще Даниил паломник, а это XII век, сообщает о наличии львов в данной местности.

В повествовании о городе Бейсане у него сказано:

«Много львов здесь рождается. Место это близ Иордана-реки, равнина большая, низменная, протянулась от Иордана до Бейсана, отсюда и реки текут в Иордан. Львов много в этих местах» [352] (с. 240–241).

Мало того, в том своем походе:

«Ксеркс обозревал огромные фессалийские горы — Олимп и Оссу — высотой до облаков; между ними, как ему рассказывали, лежит узкая долина...» [299] (гл. 128).

Олимпом же, что мы уже достаточно четко выяснили, является гора Ермон, представляющая собой отрог Ливанских гор. Тех самых, которые, вместе с хребтом Антиливана, и образуют чудеснейшую своим климатом долину, где и находится допотопный гигантский город-храм — Баальбек. Там же находится и столица Сирии — древний русский город Дамаск (*дае маски* — см.: [385]).

То есть описываемые Геродотом события, что проясняется, происходили где-то совершенно в другой местности. Мало того, в местности более чем на сегодня известной.

Той самой, куда столетием раньше описываемых событий возвратились из своих дальневосточных странствий Израилевы колена. За что данная местность и получила наименование — Европа — возвращение евреев (то есть 10 колен, наследникам верования Ефрема [Еврема — евреев]). И именно лишь здесь и обитали в те времена зафиксированные в рассказе Геродота львы. Что доподлинно и указывает на ту местность, где располагалась Европа Древняя и где жили древние греки, столь удивительно не обнаруженные Страбоном на территории нынешней Греции.

А вот как отлична от действительной выглядит в повествовании об Италии эта страна, в нами рассматриваемые времена еще очень холодная, Геродоту, что удивительно, вообще не известная. То есть, возможно, в его времена еще покрытая льдом:

«Италия располагает так называемыми кампанскими равнинами, на которых я сам видел пашни, трижды в год плодоносящие» [300] (Кн. I, гл. XXXVII).

В рассматриваемые же еще до Р.Х. эти земли были много холоднее нынешних. Однако ж и сейчас о трех снимаемых там урожаях сведений что-то не поступает. В те же времена это утверждение выглядит куда как и еще более несостоятельным. Тут местным жителям собрать бы хоть один урожай.

В случае же расположения этих описываемых плодороднейших теплых долин где-нибудь в среднем течении Нила — никаких проблем.

И вот по каким причинам, несмотря на давно просто кричащие об этом сведения, как историков древности, так и археологических раскопок последних лет, историческая наука все продолжает зарываться в противоречия, из которых просто нет ей никакого выхода:

«...если, например, в Йемене или в Судане находят какой-либо предмет или массу предметов, типологически относящихся к греческой или римской культуре, то следует формальное заключение о широком греческом или римском влиянии, которое, как правило, связывают с торговлей. Даже если это остатки от большого города! И наоборот. Если что-то много-много более мелкое находят на территории Балканского полуострова, даже то, что трудно идентифицировать как греческое, то все равно это — яркое подтверждение того, что здесь была и процветала когда-то античная Греция. Даже если это нечто монеты или украшения, которые вполне могли попасть сюда на каком-либо корабле. В Саудовской Аравии и в Йемене планомерные раскопки практически не велись» [66] (с. 384).

Из всего вышеизложенного следует заключить: поиски изначального пребывания народа Русы следует перенести с наших северных территорий в Ближневосточный регион, откуда родом и мировая цивилизация.

А мировая, между прочим, цивилизация вот как некогда делила известную ей часть суши:

«Показав пределы Ливии [Ливии — в ту пору части света, считающейся, наряду с Европой и Азией, отдельным материком — А.М.], Дионисий переходит к другим материкам, отделяя Азию от Европы» [292] (с. 382).

Отделена же в ту пору была Ливия от иных материков, Европы и Азии, рекою Нил. То есть Европа Древняя, о чем сообщает Дионисий, в отличие от местонахождения нынешней, располагалась в ту пору в Африке — по восточную сторону от Нила.

А вот где эта Европа отделялась от Азии (Древней России):

«Границей обоих этих материков он называет скифскую реку Танаис, имеющую истоки на Кавказе, орашающую Сарматия и впадающую в так называемое Меотийское озеро в Скифии» (там же).

Вот что о границе Европы с Азией сообщает Геродот:

«...за рекой Танаисом уже не Скифия» [292] (с. 385).

Но, стало быть, Европа. То есть Скифия — это и есть Азия.

И вот где находился этот самый столь теперь ставший таинственным Танаис:

«...а истоки его в Кавказских горах», которые являются Рипейскими горами...» [292] (с. 382).

А когда горы Кавказа являлись сверх всего еще и Рифейскими горами?

Так ведь лишь еще в ту пору, когда нынешнее устье Дона, который теперь ошибочно приравнивают к древнему Танаису, еще лежало под глыбами ледяной пустыни. Потому рассматриваться наш нынешний Кавказ с точки зрения Рифейских, то есть ледяных гор, мог только с юга. То есть с территории нынешнего Ирака. А там, что нам прекрасно известно, часть обитаемого в ту пору мира ограничивалась лежащими еще перед Кавказом ледяными в то время отрогами Тавра. Именно за ними тогда и простиралась ледяная пустыня, именуемая Гипербореей. То есть это место являлось наиболее северной частью обитаемой в ту пору суши.

И чтобы нам теперь точно определить местонахождение реки Танаис, вытекающих из этих гор, требуется сначала выяснить главное: что такое собой представляет наименование Азия?

Геродот же, что сказано чуть ранее, отождествил, нам в подсказку, Азию со Скифией. Мы же помним вполне привычное:

Да, скифы мы.

Да, азиаты мы.

Ранее это определение казалось уничижающим наше достоинство. Теперь же, в свете уже разобранного, — напротив. Мы, в чем, как ни странно, почему-то были уверены всегда, являемся тем народом, который всегда противопоставлял себя грязной, безграмотной, варварской Европе. Потому далее особо думать не приходится. Азия — это всего лишь производное картавых европейских народов от попытки произнести наименование нашей Державы — Ра сия (эту злосчастную для них букровку не выговаривают: ни немцы, ни англичане, ни французы, ни датчане [дети чернокожих служанок Зелфы и Ваалы]).

Так где она, наша древняя еще былинная страна, на исследуемый нами момент находилась?

Это государство в историях историков поименовано как Ассур. Топоним, который в обратном чтении и составит — Русса — имя второго сына Сима, зашифрованное от нас «переводчиками», что выясняется, наших же древних текстов. Мало того, это имя является идентичным именам: как нашего Бога, так и нашего же народа:

«...Господи!.. Твое имя наречено на городе Твоем и на народе Твоем» [Дан 9, 19].

А город всеизвестен: Ие Руса лим.

Потому термин Русия, как мы называли свою страну вплоть до середины XVII в., и будет являться вторым вариантом наименования нашей страны: Ру сия. Что значит: Слава сия. Потому мы, Русские, то есть дети Бога, и именуемся также — Славяне.

А ведь Русский остров, чем являлось в ту давнюю пору Междуречье, от всего остального мира аккуратно и отделяло течение Евфрата. И именно отсюда, из Месопотамии, и вышел некогда Авраам. И именно отсюда же, из Месопотамской Сирии, он и его род, и брали себе жен. Потому высказывание Дионисия Галикарнасского о месте расположения Европы Древней между Нилом и Евфратом выглядит полностью подтверждающим все выдвигаемые нами версии. И, наоборот, в труху расшибающим все версии иные.

Здесь же и находился Рим (Рум по-нашему), где впоследствии, после ухода нашего, поселились инородцы. Однако ж мы, уходя, их все же кое-чему успели научить. Потому вот что сказано о жителях Сирии Ибн ал-Факихом ал-Хамадани, в 903 г. издавшем свою «Книгу стран»:

«Они поселились в местопребывании румов и восприняли их мягкость, их искусство и их мужество» [447] (с. 85).

А ведь именно о нашем там пребывании и свидетельствуют многочисленные оставшиеся там и по сию пору в прекрасном состоянии древнеримского покроя города, прекрасно запечатленные в фильме «Запретные темы истории».

Так что место зарождения нашего народа, о котором, между прочим, и повествуют наши древние летописи, нами найдено достаточно отчетливо.

Что, между прочим, все тот же Дионисий и подтверждает высказыванием:

«а истоки его [Танаиса=Евфрата — А.М.] в Кавказских горах», которые являются Рипейскими горами...» [292] (с. 382).

Мало того, река эта протекала, что вновь подтверждает древний географ:

«Под холодной подошвой Тавра» [292] (с. 385).

А потому сказано, что горы, откуда вытекает эта река, являются Рифейскими. То есть ледниковыми горами, откуда и веет холодом:

«...когда Кавказ обвеивается северным ветром, эта река замерзает» [292] (с. 386).

Как бы, интересно знать, замерз бы в таком случае Дон, находящийся к северу от Кавказа?

Евфрат — понятно: ветер с севера будет дуть на него именно со стороны Кавказа. Потому он и покрывается льдом именно в такой момент.

Абсолютно то же следует сказать и о Меотиде.

Древняя Меотида, куда нес свои воды Танаис, судя по всему, находилась на месте к сегодняшнему дню уже почти полностью высохших некогда громадных пресноводных морей Ирака. Потому сегодня этого морского бассейна на картах нет.

Наша же российская Меотида, вплоть до самого последнего времени, из-за более низкого уровня воды в Черноморском бассейне (где-то на десяток метров — пятьсот лет назад, дальше — больше), именовалась вовсе не морем и даже не озером. Но исключительно болотом. *Меотидским болотом*.

Так что вообще все говорит о том, что Танаис, делящий древний мир на Европу и Россию, протекал вовсе не по нашей нынешней территории — здесь в ту пору еще лежал лед. Но по территории нынешнего Ирака. И Меотида, по словам древних обильно питающая близлежащие окрестности рыбой, не являлась Меотидой нашей (Азовским морем), которая вплоть до XVI века упорно именовалась исключительно *болотом*, в котором кроме змей и жаб даже по определению ловить было больше нечего. Да никто, собственно, из средневековых авторов и не заикается о какой-то здесь чего ловле. Но лишь о роях комаров, гнилой водой зараженном воздухе, приносящем лихорадку, да непролазных топях. Которые, собственно, столь долго и помогали татарам в сохранении их разбойничьего племени на этом пиратском острове.

А истинная Древняя наша Русь, что легко понятно из всего вышеизложенного, находилась много южнее нашего нынешнего места обитания.

Вот какими пределами древние ограничивают известный им мир:

«Красное море, катаракты Нила и Меотийское озеро, представлявшие прежним людям на краю света» [292] (с. 423).

То есть с юго-запада мир, известный древним, был ограничен нильскими порогами. Юг той части обитаемой суши ограничивался Красным (то есть Аравийским) морем. Ну а север, о чем и вообще говорить излишне, а потому и древние географы об этом вообще скромно умалчивают, занимали льды безвестной страны мрака — Гипербореи.

А вот по какой причине восточным пределом обитаемой части суши поименовано Меотийское озеро. Оно, судя по всему, находилось на месте нынешнего Персидского залива. Ведь уровень воды мирового океана той поры был на сотню метров ниже нынешнего, а глубина залива, в основе своей, не превышает сегодня и 50 м. Потому вода здесь в те времена, так как переток сюда из океана в ту пору полностью исключается, скапливалась пресная. Потому и рыбы здесь в те времена водилось очень много. Что и послужило поводом для расселения именно в данной местности людей с Кивы. То есть людей, несущих в ореоле своего местообитания высочайшую культуру допотопной цивилизации, прибывшей на ковчеге Ноя (Си-суть-Руса). Потому именно Меотида становится столь часто упоминаемым историками древности ориентиром для выяснения

точности указания расположения каких-либо рек или племен, стран или городов в близлежащей к ней местности.

Кстати, нами описываемое время полностью подтверждается и незаполненностью акватории нынешнего Красного моря. Вот что сообщает об этом на сегодняшний день весьма обильном водоеме Геродот:

«А в Аравии, недалеко от Египта, есть морской залив, который тянется от так называемого Красного моря [западной части Аравийского моря — Аденского залива — А.М.]. Он очень длинный и узкий, как я сейчас объясню: чтобы переплыть залив в длину на гребном судне от самой отдаленной части залива в открытое море, требуется 40 дней, тогда как в ширину в самом широком месте нужно всего полдня плавания» [297] (гл. 11).

Так что уже это подтверждение самого маститого историка древности нашей догадки закрепляет выше высказанную версию и еще более надежно. Ведь если взглянуть на глубинную карту Красного моря, то высказывания Геродота полностью совпадут с тем временем, когда уровень мирового океана был на 50–70 метров ниже нынешнего.

А вот, кстати говоря, где в те времена находились северные моря:

«На ливийском побережье Северного моря (т.е. нынешнее Средиземное море) от Египта до мыса Солоента всюду живут ливийцы...» [297] (гл. 32).

Вот с каким холодным названием морским бассейном в те еще времена ограничивался обитаемый людьми мир.

Но вот льды Гипербореи начинают отступать, и население Европы Древней перебирается на территорию нынешней Европы. А вместе с переезжающими на новое место жительства народами переезжает и топонимика их прежнего обитания. Бывшие же их моря и реки, напротив, высыхают и исчезают с лика земли. Меотиды, например, с поднятием уровня мирового океана заполняется соленой водой. А потому такое всем известное крупнейшее на тысячу километров по периметру раскинувшееся пресноводное море исчезает в небытие. И заменяет его, перенесенное отсюда далеко на север, сначала Меотидское болото, а затем и возникшее, в связи с подъемом уровня мирового океана, Меотидское море-озеро. Это лишь маленький пример изменения лика планеты. Но таких изменений рельефа местности очень и очень много. Оттого и вся путаница, породившая как нынешние несоответствия в действительном ходе мировой истории, так, в частности, и главенствующее в прошлом положение того народа, который на сегодняшний день жестко оттеснен в сторону от принадлежащего ему по праву поистине центрального места в мировой истории. А потому втоптан в грязь. И теперь вымирает, не найдя применения своему уму и честности, благородству и поистине образцу христианской терпимости, впитав в свою голову всю грязь очерняющих его несусветных басен, придуманных вражьиими силами. И это нигде не с одним народом мира никогда не происходящее вымирание происходит просто с апокалипсическими темпами — по несколько миллионов в год — больше чем в лютые времена Второй мировой войны.

Вот именно по данной причине и не следует все же забывать, что история:

«...России писалась преимущественно ее врагами» [255] (с. 9).

Но мы, наконец, все же откопали, по крайней мере, некоторые вехи нашей собственной настоящей истории. Может потеряно еще не все и не до конца? Может нам еще предстоит все же увидеть возрождение России?

Кто знает, если человек, наконец, обретет под собою почву, от которой может надежно оттолкнуться, тогда и закончатся все свалившиеся на нашу голову за последние столетия беды?

Этруски

«“Этрусков нон легатур”, — говорили римляне — “Этрусское не читается...”» [29] (с. 163).

В 1867 г. Франсуа Тоскан и Ноэль де Вержер работали на раскопках могильников на территории древней Этрурии в городе Вульчи:

«“С последним ударом кирки камень, закрывавший вход в склеп, разлетелся на куски, и при свете наших факелов мы увидели уходящие вглубь своды, чей покой на протяжении двадцати веков не был никем потревожен. Все здесь находилось еще в том самом виде, как в тот давний день, когда склеп был замурован. Античная Этрурия предстала перед нами такой, какой она была во времена своего величия...”»

И к гордости за деяния далеких предшественников примешивалось почтительное удивление: эта культура не только знала многое такое, что до того испокон веков приписывали изобретательскому гению древних римлян, но и оказалась намного выше, чем в те времена можно было ожидать от народа, жившего задолго до расцвета Древнего Рима. Оказалось, что у Рима есть предыстория, да еще какая! Оказалось, что на Средиземноморье, кроме известных уже государств, существовал в древности еще один очаг цивилизации...» [29] (с. 165–166).

Так чему ж так удивились западноевропейцы?

Открытая древняя цивилизация оказалась настолько далека от западноевропейской, что долгое время им пришлось утверждать из-за невозможности произвести дешифровку найденных во множестве таинственных текстов, что:

«...мы бы знали историю древней Италии лучше, чем историю какой-либо другой страны... если бы в основе римской цивилизации не лежала цивилизация этрусков...» [29] (с. 166).

«Древних римлян называют учителями Западной Европы. Учители учителей — этруски.

Более двух тысяч лет назад (VII–II вв. до н.э.) этруски владели значительной частью Апеннинского полуострова, воздвигали города и некрополи, своим богатством не уступавшие египетским пирамидам. Этруски основали Рим. “Капитолийская волчица”, символ этого “вечного города”, также является творением рук безымянного этрусского мастера (правда, младенцев Ромула и Рема “приделали” римляне). Жилое здание с крытым двориком в центре дома принято называть “римским” — на самом деле его изобрели этруски. Водосточная и канализационная системы, “сработанные рабами Рима”, также были введены не римлянами, а этрусками. Этруски были хозяевами западных морей и безраздельно господствовали на “своем море” — Тирренском (греки называли этрусков “тиррены”). Они-то и научили римлян судостроению, искусству вождения кораблей, искусству, благодаря которому Риму удалось сокрушить могущество своего грозного соперника — Карфагена...

Этрускам принадлежат древнейшие на Апеннинском полуострове памятники письменности, и именно этрусское письмо легло в основу современного латинского алфавита, которым пользуется добрая половина человечества.

К римлянам от этрусков перешли знаки государственной власти, одежда, устройство дома...

...история культуры Западной Европы неразрывно связана с культурой и историей этрусков и восходит своими корнями к истории этрусской цивилизации» [29] (с. 167).

«...э т р у с к и , народ неведомого происхождения, удивительная культура которого сохранилась поныне в тысячах памятников и обращается к нам на непонятном языке надписей, не похожем ни на один язык мира.

Они занимали северо-западную часть Италии, от Апеннин до моря, — страну плодородных долин и солнечных холмов, сбегаящих к Тибру... Богатые и могущественные, этруски с вышины своих городов-крепостей, стоящих на крутых и недоступных горах, господствовали над огромными земельными пространствами. Их цари одевались в пурпур, сидели на стульях, выложенных слоновой костью, а окружала их почетная стража, вооруженная пучками розог с воткнутыми в них топорами. Этруски имели флот и с очень давних пор поддерживали торговые отношения с греками в Сицилии и на юге Италии. От них они заимствовали письменность и многие религиозные представления...» [121] (с. 218).

Что это были за греки?

Спартанцы-пеласги — именно они являлись единоверным этрускам народом, воевавшим против эллинских полчищ, возглавляемых *драконами*. Единая же письменность подтверждает и единоплеменность этих никогда не теряющих между собою связи народов.

«Геродот, живший примерно 25 веков назад, считал, что этруски пришли в Италию из далекой Малой Азии, из царства Лидии» [29] (с. 168).

Так что родословную этрусков следует искать в коренном населении Лидии.

Кто ж такие, эти самые лидийцы? Ведь именно они являются теми легендарными защитниками Трои, которую лишь обманом сумели захватить эллины.

«*Луд* — Лидия (район нынешней западной Турции со столицей Сардис)...» [25] (с. 88).

«*Луд* — один из сыновей Сима [Быт 10, 22], родоначальник лидийцев, населявших Лидию [1 Макк 8, 8], область в Малой Азии на берегу Эгейского моря» [36] (с. 294).

«Русы составляют многие народы, разделяющиеся на разрозненные племена. Между ними есть племя, называемое *Лудана*, которое есть многочисленнейшее из них; они путешествуют с товарами в страну Андалус, Румию, Кустантинию и Хазар» [252] (с. 130).

Это еще очередное доказательство, которое, помимо Руссы-Асура, связывает родство наших пращуров, праславян, оставивших свой язык безызменным, с детьми Сима, чей Бог, в отличие от богов эллинских, — *благословен*.

А вот еще очень не маленький штришок к нами описываемой картинке. Когда Бог Слова явился после Своего чудесного воскресения апостолам, то один из них совершает достаточно странный для нас поступок:

«Симон же Петр, услышав, что это Господь, опоясался одеждою, — ибо он был наг, — и бросился в море» [Ин 21, 7].

Это для нас кажется достаточно удивительным. Русским же людям тех еще древних времен — напротив. И вот по какой причине:

«...у лидийцев и у всех прочих варваров считается великим позором, даже если и мужчину увидят нагим» [296] (гл. 10).

То есть параллель народа, изъясняющегося на языке Иисуса Христа, с обитателями Лидии, защитниками Трои, для нас выглядит теперь достаточно показательной. Это подтверждает как Геродот, с одной стороны, так и Евангелие от Иоанна — с другой.

Так кем же являлись легендарные защитники Трои?

После ознакомления с соответствующими документами Татищев сообщает, что:

«Геты и фраки один язык имели, следственно славянский, н. 12, но, думаю, после перешествия славян из Колхиса и от Трои...» [184] (гл. 13).

То есть Фракию заселили именно те славяне, которые ранее проживали на землях легендарной Трои. Таким образом, они, судя по всему, и являлись потомками Луда.

И вот что говорят об этом археологические раскопки фригийской столицы Гордион:

«Археологи обнаружили мощные оборонительные стены, сложенные из камня и сырцового кирпича...» [208] (с. 177).

То есть и здесь все говорит о том, что местные градостроители прекрасно помнили об участии Вавилона, сложенного из обожженного кирпича.

А вот еще один единокровный нам родственник:

«Евер — ...имя мужа, потомка Симова... **Племя его не участвовало в построении Вавилонской башни**» [36] (с. 166).

То есть не только родство, но и язык у его потомков — наш. А его сыном является Фалек, чье имя лежит, как оказывается, в корне названия народов Европы, являющихся праславянскими:

«Слово *фалек* (пелег)...» [25] (с. 93).

«ПЕЛЕГ» [27] (с. 37).

«Фалек (Пелег) — пеласги...» [25] (с. 88).

«**Фаль** — (ст. слав.) — греч. ...= phallus, (penis) дѣт. член. См. *Григ. Бог. XI в. (Будил.)* [36] (с. 772).

То есть не только на нашем древнем языке, но и по-гречески, и на латыни — это имя родоначальника пеласгов, этрусков (тирренов) и славян вообще стало нарицательным. И смысл имеет на всех этих языках практически одинаковый, что закрепляет имя *Пелега* в качестве прародителя этих народов.

А вот как выглядит картина мироздания по-индийски:

«В индийском мифе **Пуруша** замесил глину шестью пальцами и из нее изготовил землю» [201] (с. 10).

Ну, с термином «Руша» мы уже разобрались, а шесть пальцев — это символическое обозначение шести дней, которые потребовались Ему для создания мира. Но чем же является эта столь странная приставка «Пу»?

«В древней Индии существовала земледельческая магия — тантризм, в основе которой вера в образование мира в результате взаимодействия мужского и женского начал. По учению тантризма, Пракрити (женщина) родила мир после полового акта с **Пурушей** (мужчина) в обширной пустоте» [201] (с. 38).

И вот как раскладывается на составляющие термин **Пуруша**:

«Вначале был Пу (корень)...» [201] (с. 40).

То есть и индийские тантрические мифы повествуют нам, пусть и не в лучших для этого формах, все о том же: мир создал Бог, Чье имя — **Руса**.

Но и **Пу** отдаленных народов Востока достаточно ощутимо напоминает **Па** для южной части Европы.

Между тем столь нам известный из блатного жаргона термин — **параша** — обозначает ночную вазу, то есть горшок, обычно, для детей — ведь только мы, то есть представители допотопной **расы**, как пользовались им с незапамятных времен прежде, так используем и теперь. Дети же примитивных народов так и продолжают справлять свои естественные надобности, где придется.

А вообще в словах, означающих имена прародителей планеты, все выглядит вполне естественно. Ведь родоначальник людей, знающих настоящего Бога, *Сим*, чье племя стало означаться термином *семиты*, оставил нам свое имя тоже в качестве нарицательного — *семя*. То есть полная аналогия этого значения с Фалекком — родоначальником средиземноморских славян.

В сравнении со ставшим у хананеев нарицательным термина — *еврей*, в смысле «странник», тождественно ему у римлян будет:

«**Пилигрим** — (...) = тоже, что паломник...» [36] (с. 423).

«**Пилигримища** = название в русских былинах калик переходящих. Калики называются пилигримищами, именем, конечно, не русским (**pelegrino** — странствую, отсюда *piligrim*...). Сходство русского пилигримища с латинским *piligrim*, может быть, и подало г. Срезневскому повод поискать сходств между самою одеждою этих наших эпических пилигримищ и одеждою западных пилигримов. Вопросу этому посвящена была г.

Срезневским и целая особая статья о “круте каличьей”(в “*Известиях археологич. общ.*”, т. IV), в которой он, со своею обычною обширностью знания, доказывает, что и у наших калик было все то же, что и у западных пилигримов» [36] (с. 423).

То есть наши паломники в Святую Землю ничем не отличались от паломников, скажем, из той же Англии, тогда еще православной.

Так откуда это столь странное прозвище появилось и каков первоначальный смысл всех этих паломничеств?

Богослужения не могли обходиться без самой важной детали — *Славы*. То есть того сборника древнейших молитв, который именуется теперь *Псалтирь*.

Символами нашего поклонения, несомненно, служили Солнце (на восходе) и Крест. Рождество Солнца праздновалось 25 декабря. В тот же день родилось и наше Солнце Правды — Иисус Христос. Очень похоже, что все исконно русские праздники, называемые теперь народными, весьма странным образом совпадающие с православными, являлись атрибутикой того дохристианского вероисповедания, чьи отголоски сохранил идентичный ветхозаветному вероисповеданию израильтян *митраизм*.

Вот, например, достаточно четко указывающая параллель на идентичность поклонников Митры, персов, и древних израильтян. Геродот о поведении Ксеркса после победы над эллинским войском у Фермопил (кстати, не победе над тремястами спартанцами, а над шестью тысячами эллинов, среди которых были и оставшиеся на погибель, но лишь по своей собственной инициативе, после захода им в тыл персов, спартанцы) говорит:

«...Ксеркс совершил жертвенное возлияние *восходящему солнцу*» [299] (гл. 223).

Переводчик при этом поясняет, что:

«Ксеркс принес жертву богу войны и солнца Митре» (там же).

Так что именно на восход солнца, что и соответствует религии Древнего Израиля, и было ориентировано поклонение Митре. Что здесь ставит знак тождества Митра (mit Ra [с Богом])=Руса. Потому все преувеличения данного рассказа о необычайных подвигах греков, изложенные Геродотом, судя по всему, в дань мнению публикаторов своих произведений, понятно — греков же, следует записать как мнение язычников по отношению к побежденным. А ведь победителей у них не судят, потому им и можно болтать все, что лишь вздумается, а затем и цифири, практически любые, к своим разглагольствованиям приторачивать.

А потому вовсе не стоит удивляться, мягко говоря, всем тем преувеличениям, которые мы находим, в том числе, и у Геродота: «отец истории» являлся обыкновенным немцем, которые уж нулика к доблестям своих соотечественников не приписать ну просто никак не могут. Потому вот что якобы стряслось, когда спартанцы, распустив по домам несколько тысяч сражающихся до этого с ними плечо в плечо греков, кинулись в числе менее трехсот на всю армию неприятеля.

Кстати, с какой вдруг стати они порешили здесь вдруг непременно погибнуть, а не благоразумно отойти вместе со всеми на новые позиции?

Им, видите ли, прорицательница напороочила, что если их царь Леонид погибнет, то Спарта будет спасена [299] (гл. 220). Потому они, распустив 5 700 остальных эллинов по домам, сами и кинулись, очертя голову, принимать свою затем воспетую трубадурами в веках достаточно, что уже на самом деле, глупую смерть.

Но, следуя изложению их басен, якобы:

«... в этой схватке варвары погибали тысячами» [299] (гл. 223).

Что случится могло, уже теперь на самом деле, подметим, только лишь в самом больном воображении и самой, при этом, больной на любовь к себе нации — германской. То есть принадлежность Геродота к немцам здесь особенно явно видна. Только эти до корней волос всех и вся завоеватели (или американцы в своих боевиках) способны одной пулей, под финал ихнего образца мелодрамы, сразу пятерых безо всякого зазрения

совести укокошить (на самом же деле, что случилось после их окружения персами, укокошили их самих — безконтактно расстреляли стрелами).

Но все эти неслыханные басни ими изобретаются по той простой причине, что их предметы поклонения слишком отличны от наших.

И от Бога Кира в том числе. Которому этот царь, что следует из откровений того же Геродота, поклонялся именно на восход солнца. Аккурат в ту сторону, куда и сегодня ориентированы исключительно наши русские храмы.

И вот как тот древний культ тесно переплетается с Христианством:

«Изучение религиозных идей Авесты (например, о воскрешении из мертвых, последнем суде, Спасителе и т.п.) показывает значительную роль зороастризма в культурной и религиозной жизни Ближнего Востока и Средиземноморья на рубеже н.э.» [208] (с. 236).

И вот что мы узнаем о религии персов, эламитов, ассирийцев и мидийцев времен существования здесь славяноязычного государства Парфии:

«...особой популярностью митраизм пользовался в римских легионах, стоявших в приграничных областях империи» [4] (с. 92).

Но чем отлична от всех иных именно эта теперь от нас сгустком времени слишком надежно упрятанная Держава?

«...успехи эллинизма за Тигром и Евфратом были остановлены парфянами» [47] (с. 158).

То есть раскромсавший Первую мировую ветхозаветную Империю эллинизм, занесенный сюда Александром Македонским, был остановлен Парфией. Потому именно у них, что следует из всего вышесказанного, и следует искать некогда утерянное миром вероисповедание — ветхозаветное.

В свете нами разыскиваемого уж очень характерен знак, который римским легионерам ставили на лоб зороастрийские священнослужители:

«...на лбу посвященного рисовали знак в форме креста, символ солнца...» [4] (с. 92).

А ведь символ этот, что уж никак теперь даже при самом на то большом желании никому невозможно опровергнуть, является нашим исконным:

«Нет никакого сомнения, что слово *крест* задолго до перевода Библии между славянами получило смысл христианский; ибо уже в *Остром. Еванг.* ...есть слова самобытные, не грецизмы: крестити, креститися, крыщение, крыститель, самостоятельно произошедшие от креста как символа христианства» [36] (с. 1027).

Мало того, наше крещение этим Крестом относится к путешествию перевозванного Богом апостола:

«По преданию и уверению автора Степенной книги, Св. Апостол Андрей, в I в. по Р.Х., проходя из Новгорода в Рим, был в *Грузине* (Друзине) и *водрузил* свой жезл, и что на этом месте, вскоре по крещении Новгорода и в память предания, сооружена церковь во имя *Св. Андрея Первозванного*; а потом учрежден, с особенными древними обыкновениями крестьян, крестный ход (в 6-й день Июля) к часовне Животворящего Креста и вокруг всего селения, и освящение воды на реке Волхове» [34] (с. 536).

И место это увековечено даже топонимикой данной местности:

«По выезде из Чудова вы переезжаете через сплавную речку *Керест...*» [34] (с. 541).

Именно Крест являлся главным символом первой мировой Империи — Персидской, начало которой было положено в VI в. до Р.Х. ассирийцами, принявшими тогда веру израильтян. А ведь по крови и языку они были родственными народами. Да и имя Христа, которым теперь изгоняются бесы, уже по тем временам давно было в ходу. Именно псалмы Давида, где о предстоящем Воскресении Христа упоминается ни единожды, лежали в основе той древней религии. Да и в Ветхом Завете предостаточно пророчеств, подтверждающих слова Псалтири.

Между тем прообразом всех корон христианских государств стала корона именно персидского монарха:

«...персидская корона, послужившая прототипом всех современных монархов, представляет собой позолоченный солнечный диск с отверстием посередине. По периметру корона зазубрена, что символизирует солнечные лучи...» [4] (с. 92).

И положительный результат после вступления в общество митраистов, в которое поголовно вступило все население самой обширной по тем временам страны, роднит эту культуру с нашей:

«Древнеримские источники приводят множество примеров благотворного воздействия посвящения; митраисты изображаются как цельные честные люди, достигшие благодаря своей вере морального совершенства. Их достоинства признавали даже идейные противники» [4] (с. 93).

Мало того, с митраизмом стыкуются практически все прописные истины, известные нам из Ветхого Завета:

«...некоторые пункты богоучения, напр. о божественном единстве, о Логосе, о ходатае между Богом и человеком, о воскресении и будущей жизни, о земном рае и др.» [132] (с. 30).

«В целом несложно заметить глубокое сходство между зороастризмом и христианством... Война между добром и злом... Страшный суд, обновление мироздания, Царство Божие — все это есть и в том, и в другом религиозном учении. Совпадает и то, что Вселенная обновится огнем, и тот, кто в нем не сгорит, получит награду в будущем мире: “...каждого дело обнаружится... огонь испытает дело каждого, каково оно есть. У кого дело, которое он строил, устоит, тот получит награду” [1Кор 3, 13–14]» [69] (с. 221).

И вот что лежит в основе данного вероисповедания:

«...его жрецы заставляют посвященных верить в возможность с помощью магических слов добиться того, что недоступно непосвященному.

Митраизм не был антисоциален: его цели не вступали в конфликт с общей политикой тех стран, где он развивался, он не угрожал существующим порядкам. Отличаясь терпимостью к другим культурам, он не пытался вытеснить их. Ежегодный праздник “Рождества солнца”, который митраисты отмечали 25 декабря, перешел в христианскую традицию. Впрочем, нынешние поклонники этой религии утверждают, что христианство не столько вытеснило митраизм, сколько поглотило его, заимствовав некоторые внешние формы и приспособив их к собственным нуждам» [4] (с. 95).

Итак, о митраизме:

1/ «магическими словами» являлись Псалмы Давида, которыми мы пользуемся и по сию пору;

2/ развивался он, судя по всему, именно в тех странах, которые некогда подпали под влияние первого мирового Царства — Персидского, а русский порядок (ассуровский [Асур—Руса]) асоциальным не был никогда, что и подмечено весьма точно;

3/ веротерпимость именно в нашей многонациональной стране всегда достаточно сильно бросалась в глаза — мы никогда и никому свою веру не навязывали;

4/ объединение дня рождения Солнца с днем рождения Иисуса Христа, Солнца Правды, утверждает единородство Отца и Сына;

5/ Христианство вышло из митраизма точно так же, как и из Ветхого Завета.

Тождественность Рождества Христова с Солнцем подтверждается единым символом их условного обозначения — Крестом, что лишний раз подчеркивает, что Сын в Отце и Отец в Сыне.

«**Митра** — (греч... — пояс, шарф, которым обвязывают голову, — шапка). — Этим именем называется подобное венцу головное украшение, которое во время священнослужения надевает архиерей. По предположению Симеона Солунского, митра усвоена архиерейскому сану по подражанию **первосвященникам ветхозаветным...**» [36] (с. 307).

Вот и еще одно подтверждение о принадлежности рассматриваемого нами культа к Ветхозаветной Церкви: не только корона этой Империи перешла к христианским монархам, но и головной убор главного в стране священника — **Митрополита**.

Однако ж по-гречески *Митра* имеет значение какого-то весьма невразумительного «шарфа». На нашем же языке это будет выглядеть так:

«**Мигъ** — попеременно» [36] (с. 308).

Ра — *СОЛНЦЕ*.

Сама же епископская шапка имеет раздвоенный вид. То есть *СОЛНЦЕ попеременно* — это значит: Отец и Сын.

Отец — это нашего мира Творец. И вот что означает собою символ, и по сию пору, то есть перешедший к нам от митраизма, существующий в нашем богослужении в таинстве миропомазания:

«...Крест — символ... сотворения мира» [341] (с. 193).

То есть символ Отца. А ведь Сын — *Крест осьм* — тоже Крест, но уже восьмиконечный. Потому Митра и означает: Ра (солнце на востоке) попеременно. Потому и алтари русских храмов ориентированы строго на восток. То есть на тот знаменательный момент, когда восходящее Ра в 7.15 (в нынешние последние времена в 9.15) изгоняет из нашего мира бесов (зимой, правда, в 9.15 солнце находится несколько на юго-востоке). Потому-то, собственно, большевики, а за ними и демократы, время поменяли и завтраки ввели в обиход, чтобы по утрам, перед работой, люди, вместе с едой, бесами питались.

И вот что еще нас объединяет со столь почитаемым нами дневным светилом:

«...русские люди были внуками его, то есть прямым потомством Солнца» [91] (с. 502).

И это не абстрактное понятие. Хотя у каждого из нас имеется родной отец, но зачаты мы были не без Божьего на то соизволения. И Он всех нас, Своих детей, любит. И если идет речь об аде, то происходит это лишь потому, что не слишком-то мы стремимся стать настоящими детьми своего Отца. Слишком многие дети сейчас, к Его большому сожалению, уходят в безпризорники. Но и среди них каждый должен знать притчу о возвращении блудного сына (см. Евангелие от Луки).

«В чем удерживающая приход антихриста сила III Рима? Она состоит в воспроизводстве праведников. Тех, кто восполняет число отпавших ангелов на Небе. Едва лишь “энергия” святости иссякнет, в глазах Бога история человечества потеряет свой смысл» [19] (с. 9).

А вот что сообщается о проникновении ветхозаветной веры в Бога истинного из пределов первой Персидской Империи в пределы второй Империи — Рима-Константинополя:

«Особенно большую роль мифы о войне светлых сил — агуров и бога Агура-Мазда (Ормузда) с темными силами зла — дэвами и богом Ангро-Манью (Аримана) играли в древнеперс. религии и восходившем к ней митраизме (по имени светлого солнечного бога Митры), распространившемся в Рим. империи и оказавшем большое влияние на другие религиозные учения, отчасти и на христианство (борьба бога с дьяволом)» [168] (Т. 5, с. 329).

Вырисовывается механика проникновения ветхозаветной веры из первой Империи во вторую — Римскую. «Магическое слово» очень легко впитывали в себя римские легионеры, будучи с поклонниками Митры практически одной национальности. То есть знающие то самое СЛОВО, которое лишь одно могло возобновить им связь со своим Творцом.

С Новым Заветом тесно гармонирует и главное таинство Митраизма:

«**Миропомазание** = второе таинство церковное... употреблявшееся в ветх. Завете...» [36] (с. 325).

При котором:

«...подаются верующему дары Св. Духа...» [36] (с. 325).

При помощи Которых и было возможно изгнание из людей бесов еще в дохристианскую эпоху. Вот почему апостолы, посланные Иисусом Христом на проповедь, возвратившись, сообщали, что видели человека одного, который, не будучи с ними посланным Христом, изгонял из людей бесов:

«При сем Иоанн сказал: Наставник! мы видели человека, именем Твоим изгоняющего бесов, и запретили ему, потому что он не ходит с нами. Иисус сказал ему: не запрещайте, ибо кто не против вас, тот за вас» [Лк 9, 49–50].

То есть само ветхозаветное вероисповедание давало праведникам полную возможность стяжания Духа Святого, что подтверждает своими словами Иисус Христос.

Известно, что:

«Еще до того, как христианство овладело миром, древние усвоили некоторые христианские представления. Они узнали, в частности, что через аскетизм, то есть отрешение от житейских удовольствий, жизнью чистой и исполненной жертвенности можно приблизиться к непознаваемому божеству» [121] (с. 251).

Непознаваемому для язычников, то есть для *поганых*. Сами же римляне, а в особенности проживающие в этом городе этруски, прекрасно знали: Кому поклоняются. Они имели прекрасную возможность произносить молитвы, так как Псалтирь был написан израильским Царем Давидом на их языке. Главный же храм для поклонения Богу, Который благословен, воздвиг царь Соломон.

Существом своего устройства именно римский храм Весты нам полностью напоминает его:

«Веста была олицетворением семейного очага. Ее почитали в каждом доме и в каждом городе, но более всего в самом Риме, где храм ее был как бы центр столицы, а следовательно, и всего государства. Культ Весты был древнейшим и одним из самых важных. Храм вместе с рощей находился на склоне Палатинского холма возле Ф о р у м а , у самой Виа Сакра, священной дороги... Рядом находился так называемый а т р и у м В е с т ы , или, как мы сказали бы теперь, монастырь весталок. Неподдалеку располагалось жилище верховного жреца Регия, или “царский дворец”. Его называли “царским дворцом” потому, что там некогда жил царь (Рекс)...

Сам храм, маленький, округлый... делился на две части. В одном пылал вечный огонь Весты, эта часть днем была доступна для всех... Другая часть, как бы “святая святых”, была скрыта от людских глаз... В самом храме не было статуи Весты...» [121] (с. 222–223).

Что это нам напоминает?

Очень похоже, что под странным именем богини Весты (то есть *вести*, судя по всему, исключительно *благой*) на Палантийском холме (то есть холме с царскими *палатами*) находилась точная копия наших нынешних русских церквей: округлой формы, помещение разделено на Святая Святых, где теперь расположен алтарь, и общую часть, где ранее в центре располагался жертвенник и горел костер всежжения, а теперь находится безкровная жертва. Южные же и северные ворота, которые теперь никогда не открываются, имели целью транзитный проход большого количества людей, которых и именовали *пилиг-римами* (от *Пелег-Рим*). То есть посещающими *Рим пеласгами* Этрурии или *фрягами* (варягами) Генуи, венецами Венеции или галлами Цизальпинской республики, то есть всеми окружающими Рим паломниками, говорящими по-русски. Точно также они именовались и при посещении центрального храма всей Русской Земли в русском городе Иерусалиме.

Вот еще свидетельство о том же. В Риме времен Империи:

«Шире всего распространился иранский культ М и т р ы . Римские легионы, где он имел больше всего приверженцев, занесли его к берегам Дуная и лесам Германии, среди песков Африки и туманов Британии появились алтари этого бога света. Он назывался С о л ь И н в и к т у с — Солнце Непобедимое. Мистерии Митры поучали, что каждый человек

стоит между враждующими силами света и тьмы, а после смерти за душу его борются злые и добрые силы» [121] (с. 251).

В Православии они называются *мытарствами*.

«Только перед посвященными, которые знают заклинания, открываются восемь врат, ведущих к высшим сферам неба, к вечному счастью...» (там же).

Вообще-то именно в Вавилонском зиккурате в преисподнюю к Белу ведут столько *врат*, которые сторожит исполняющий обязанности Цербера — *Нети*. Но у нас этих врат и одних достаточно, но при этом нужно миновать двадцать мытарств, на каждом из которых бесы предоставляют компромат, собранный ими еще при жизни испытуемого. Словами же этих пресловутых «заклинаний» являются молитвы, записанные в псалмах Царя Давида. Лишь они одни способны загладить все совершенные при жизни ошибки.

А ведь атеистов обычно не бывает именно в окопах! Вот почему преимущественно среди солдат Римской империи это вероисповедание было наиболее чтимо.

Вот и еще полная тождественность с христианским вероучением:

«Слабому и убогому человеческому существу, как в брэнной жизни, так и за гробом, помогает Митра...» (там же).

То есть полная противоположность христианским еретикам: манихеям и гностикам.

«Посвященные переходили из одной степени в другую... Наивысшая степень обозначалась наименованием “отца”» (там же).

Так и теперь называются наши священники. То есть и здесь полная аналогия. Причем в былые времена посвящение в дьякона происходило только в 35 летнем возрасте, а в священники — в 45.

«...они устраивали общие трапезы в ознаменование различных событий из жизни Митры» (там же).

Теперь же, хоть таких общих трапез не устраивается, данное помещение, соединенное одной крышей со Святой Святых, продолжает именоваться *трапезная*. То есть то место, где некогда поедались жертвенные животные.

Если учесть, что Митра графически соответствовала Кресту, то в данном вероисповедании не прослеживается вообще никаких расхождений с нашей Церковью.

«У митраистов существовала разновидность крещения, которое очищало от грехов...» (там же).

Это таинство называется миропомазание. Но ведь оно не является каким-либо нововведением Новозаветной Церкви:

«Миропомазание, употреблявшееся в ветх. завете... в новом завете... узаконено 7-м правилом 2-го Вселенского собора» [36] (с. 325).

И этого лишь *второго* церковного таинства вполне хватает и сейчас, например:

«...при обращении в правосл. церковь иноверцев» (там же).

Именно этим таинством обращают в веру истинную иноверцев и теперь, помазывая Крест на лбу, как некогда римским легионерам священники парфян. Таким образом, вывод напрашивается один: древний культ Митры и Ветхий Завет — одно и то же вероисповедание.

Вот потому к центральному храму именно Того Бога, Который *благословен* и Который располагался на горе Мориа в Иерусалиме, потянулись паломники со всех концов света, где было в чести СЛОВО, доставленное Сисутьроссом на ковчеге через бушующие воды Потопа. Это были славяне Британии и Персии, Ирландии и Новгородской республики, Рима и Спарты.

Местным же народностям эти их постоянные перемещения были непонятны — своих собственных божков они могли лицедреть еженощно, так как лишь стужающийся мрак позволял нечисти выползть из преисподней. Эти божки жили в могилах пращуров идолопоклонников, в домах в качестве домовых и барабашек, с большою на то охотою вселялись в самих приверженцев языческих культов. Вот почему Иисус Христос так долго отказывался изгнать беса из евангельской хананеянки: для ограждения от вселяющихся в

людей бесов по-хорошему требовалось не просто изгнать беса из ее дочери, но и принудить подвергнувшуюся нападкам бесов дочь женщины полностью переменить свое религиозное мироощущение. То есть принять чуждое хананеям вероисповедание, воинствующее против бесов, которых скликает из бездн их исконная религия.

Но приверженцы вероисповедания, чуждого туземному населению Ханаана, славили свое Слово на наречии слишком сложном для произнесения аборигенами данной местности. Мало того, они имели никому не свойственную привычку со всех концов мест своего обитания идти в качестве паломников в Святую Землю, где находился главный храм их вероисповедания. Вот почему эллины куда-то извечно путешествующих, изъясняющихся на невозможном для их понимания наречии белых людей называли *аистами*, а тюркоязычные жители стран огромной Римской империи — *пилигримами*, то есть римскими пеласгами.

Туземное население Ханаана вряд ли могло бы нас отличить — даже элементы одежды, что отмечает Срезневский, у русских пилигримов и римских пеласгов были одни и те же, язык — такой же, цвет кожи — такой же, волосы — такие же, глаза — такие же. Совершенно также выглядели паломники и из иных стран, в ту пору населенных славянами: Парфии, Персии, Элама, Киликии, Месопотамской Сирии, Келесирии, Лидии, Спарты (Мории), Этолии, Италии, Ассирии. Русь и Северная Европа со Скандинавией и Британскими островами имели точно таких же и в тех же одеждах паломников.

Вот какие удивительно живучие традиции, что самое интересное, имеющие *латинские* корни, сохранились в нашем народе с тех далеких времен:

«**Коляда** — некоторые производят от латинск. *calendae* и *callo* (пылать, гореть) и определяют как круг дней, когда устраивались празднества в начале месяца в честь богов и зажигались костры. У нас К[оляда] есть народное празднование Рождества, как раз около времени, когда солнце поворачивается к лету. К[оляда] и символизирует поклонение солнцу, теплу, которое несет плодородие и веселье. Обычай колядовать сохранился и поныне, как пережиток... Только теперь он связан с событиями христианских праздников Рождества и Нового Года и колядск. песни рассказывают о коляде наравне с Рождеством, перемешивая одно с другим. Колядованием занимаются в деревне парни, которые обходят со звездой дома и поют соответствующие песни и поздравления. Звезда представляет Коляду или Рождество» [133] (с. 1416).

Иными словами, это празднество объединяет Рождество Христово, что олицетворялось появлением Вифлеемской звезды, и создание Богом Отцом нашего светила — солнца. Оба эти празднества полностью совпадают. Иисус Христос является Солнцем Правды и рожден с Ним в один день.

«...зимнее празднование возрождения солнца отмечали все европейские народы. Вообще все солярные празднования одинаковы и по времени и по существу обрядности по всей Европе» [183] (с. 61).

Праздничные седмицы были почитаемы ничуть не менее справляемых всеми 12 коленами Израиля самих праздников:

«...*feriae* — распределенные на протяжении всего года дни обязательного досуга, посвященного богам. В эти дни подвергались табу все виды деятельности... запрещалось: пахать, сеять, косить, виноградарствовать, орошать поля и огораживать их, мыть баранов и стричь овец, запрягать быков и касаться земли железом, жениться, устраивать собрания... *Feriae* были символом некоторого архаичнейшего, изначального прошлого — докультурного и довременного...» [54] (с. 135).

Сам же праздник отмечался следующим образом:

«...в начале января... у священного, отмеченного часовенкой перекрестка... высшей точкой праздника была трапеза, на время которой восстанавливались отношения социального равенства...» [54] (с. 136).

Сразу создается впечатление, что вышесказанное относится исключительно к тем поистине удивительнейшим пирам, которые устраивали в Москве своим работникам их работодатели на великие наши православные праздники. Но все вышеизложенное относится исключительно к Древнему Риму:

«...рабы получали двойную порцию вина и участвовали в застолье наряду с хозяевами, за столом сходились на равных зажиточные и бедные крестьяне-соседи» (там же).

«Не случайно существовало обыкновение в январские календы дарить друг другу медные ассы с изображением этого божества. День первого января вообще считался его днем:

Янус двуглавый, ты год начинаешь, безмолвно скользкий;

Ты лишь один из богов видишь все сзади себя...

(Ovid. Fast., I, 65–66)...

Он был привратником солнца, выпускавшим его в дневной путь по небу и впускаявшим обратно на вечерней заре, и он же был самым солнцем... Он — Pater Matutinus, “раннего утра отец”, и тем самым покровитель всякого созидания, “которым все человеки жизни труды начинают” (Hor. Sat., II, 6, 20-23), т.е. опять-таки бог времени...» [54] (с. 140).

То есть зимние празднества с нашими совпадают день в день и празднуются совершенно точно такое же по продолжительности время.

А как же с нашим весенним праздником — Пасхой?

Да все то же самое. Вот как описывает подобный праздник один из сохранившихся римских документов:

«Сохранилась запись конца II в., сообщавшая о поступлении продуктов, потребовавшихся для устройства этого пира: было куплено пять ягнят за 18 денариев, один поросенок за пять денариев, на два денария белого хлеба. На вино было истрчено 97 денариев: хорошего вина было куплено три секстария, обычного вина — два квадранта и две гемины; были куплены также салат, соль, лук, уксус. Запись была произведена накануне **майских календ**, т. е. 30 апреля (CIL, III, p. 952, XIV)» [54] (с. 183).

Все вышеописанное происходило даже не в самом Риме, но в его провинции — в Дакии. Так что именно поддержанием всех ветхозаветных традиций и отлична от всего прочего та часть древнего мира, которая именовалась некогда Римской Империей.

То есть вернувшиеся из дальних странствий Израилевы колена принесли с собой и обычаи, которые отнюдь не являются языческими, но принадлежат к древнему исповеданию культа Митры. Потому все и совпадают между собой. И что Сын в Отце и Отец в Сыне, что по сию пору отмечается в зимний праздник Рождества, прекрасно знали и наши далекие пращуры. Но именно этого никогда не знали, да и не могли знать, наши эллинские языческие «просветители», а потому и постоянно внушали нам, что язычниками являемся мы.

Но корни истинной веры остались в безыменности лишь в той стране, где сохранилось в полной безыменности: как само СЛОВО, так и Слава Слова (то есть чтение Псалтири, что и понятно, на церковнославянском языке), лишь на русском нашем древнем языке и возможная. И здесь следует провести четкую границу между Богом настоящим и ложным божком, принявшим очень сходное к Нему название:

«Юпитер Долихен, до того как стал общеимперским богом при Северах, был местным божеством (**Баалом**) небольшого городка Долиха в Северной Сирии (в Коммагене)» [54] (с. 207).

И вот чем этот божок полностью сходен с Перуном:

«...в правой руке у него двойная секира, в левой — **пучок молний**...» (там же).

Однако Юпитер Капитолийский, находящийся в центре римского пантеона, представлял собой полную противоположность *Баалу*. Это имя, судя по посвященному Юпитеру городу в Крыму — Евпатории, происходит от совмещения двух слов: *Евы* и *patera*. То есть в переводе это будет звучать как *Отец Евы*. А ее отцом является Отец

Небесный, которому и производилось поклонение римлян на Капитолийском холме. Митраизм, судя по всему, всего лишь второе название одного и того же культа.

А вот ложный двойник, культ поклонения Баалу, в Римской империи продержался недолго:

«...после 235 г., в правление Максимиана Фракийца, произошло крушение этого бога, когда едва ли не одновременно (во всяком случае, на Дунае и на Рейне) были разрушены святилища Юпитера Долихена» [54] (с. 210).

Но эта духовная зараза уже расплодилось, потому для ее обуздания потребовались достаточно крутые меры:

«В III в. колдовство и магия бытовали в самых различных слоях римского общества. Не случайно Юлий Павел предусматривал ряд чрезвычайно суровых мер против магов и соучастников магических действий вплоть до... сожжения заживо на костре. В законе подчеркивалось, что не дозволяется держать у себя книги по волшебству, а в случае их обнаружения такие книги надлежало сжечь...» [54] (с. 243).

Но все было бесполезно — впущенный зверь разьедал римское общество изнутри:

«...хотя прибегать к силе колдовства было запрещено, практика магов, оставаясь тайной и преследуемая государством, не только не прекратилась, но и возросла...» [54] (с. 244).

Но всякая болезнь имеет и средства для своего исцеления. И вот они отыскивались на колдовство и магию:

«В конце III в. христианские общины существовали во многих дунайских городах» [54] (с. 256).

В те самые времена в этой местности проживали лишь славяне! Вот еще когда христианство было всецело воспринято прекрасно знающими Славу Слова людьми. А так как посетившие эти края апостолы с местными славянами разговаривали на одном и том же языке, становится очевидным, что в основанных ими церквях богослужение велось на языке общения с Богом — на церковнославянском. Лишь много позже, в связи с германской и венгерской экспансией на эти земли, церквям придунайских славян будет навязано латиноязычие.

Так что первоначально и сама Церковь в славянских провинциях Римской империи, Паннонии и Иллирии, представляла собою Церковь нашу — Русскую Православную.

А вот и еще очень интересная деталь, связывающая оставшуюся лишь у русских людей «любовь к отеческим гробам» с далекой Италией:

«...*Голубец*, или деревянный столбик с крышею, поставляемый русскими крестьянами над прахом усопших своих родственников. — Римляне на гробах своих родственников ставили так называемый *колумбарий*, т.е. урны в виде *голубя*, в которых хранился прах усопшего. Г. Языков предполагает, что Славяно-язычники заимствовали это от Римлян и ставили над могилами что-нибудь подобное, или даже изображение голубя; иначе нельзя объяснить, почему деревянный столбик с крышею был назван *Голубцем* или *Голбчиком*» [34] (с. 278).

Объяснить не составляет проблем: мы один народ. Но эта странная крышка над православным крестом, что в последнее время на нынешних кладбищах можно увидеть нередко, является, как это ни странно, именно староверческим оформлением могилы. Что знают, думается, очень немногие. Зато захоронения производят именно так, то есть по язычески, думая, что так быть обязано.

Но и сам обряд похорон в Древнем Риме исполнялся в точности во всех последних мелочах до самого последнего времени лишь у нас — на Руси. Коллинс, побывавший в Московии с 1657 по 1666 гг., свидетельствует:

«Русские думают, что похороны тем великолепнее, чем больше женщин голосит. Таков был у древних римлян обряд, называемый *Plaeficae* (плакальщицы [лат.])» [429] (гл. 4, с. 8).

Теперь по части музыки. Вот, например, чем прославился в момент своего падения Римский император Нерон:

«...гудел (**на гусях**), и пел мирское...» [460] (гл. 6, с. 214).

Вот какой слишком не итальянский музыкальный инструмент был в употреблении при Римском императоре Нероне.

Но не только наш родимый ни в каких иной нашей странах испокон веку не встречаемый в употреблении музыкальный инструмент оказывается вдруг в веселящих Нерона руках римлян. Причем, в области владения не только музыкальными инструментами, но и своими голосами мы, что выясняется, всегда были далеко впереди этой сегодня расхваленной на все лады заграницы. Вот что о несомненном превосходстве русского человека в данной области сообщает нам в своем «Путеводителе» Дмитриев (1836 г.):

«Любитель музыки, слышавший лучших итальянских певцов и виртуозов, вероятно, согласится, что русский народ есть самый певучий на земном шаре...

Иностранцы не могли надивиться нашим простонародным напевам, исполняемым в два, три и более голоса, с изумительным согласием и вкусом. Такое расположение к музыке удивило и Немцев, и Итальянцев, одаренных из всех Европейских народов наибольшим расположением к музыке...» [34] (с. 222, 225).

Но и не только в искусстве хорового пения, имеющего свои поистине глубочайшие в мире корни, исходящие именно от пения церковного, но и в скоморошестве родственные нам итальянские славяне обнаруживают свое неоспоримое кровное родство:

«...скоморохи такую же должность и в XVI веке исправляли у русских, какую у римлян при похоронах *tibicines et fidicines*. Не было ли то остатками древней **тризны**?» [36] (с. 608).

Так что не только в древности, но и в средневековье связь культуры славянских народов Италии достаточно заметно обнаруживала свою родственность культуре Древней Руси.

А между прочим:

«**Тризна** = языческое поминовение по усопшим, оканчивавшееся разными воинскими играми; ...Некоторые этому загадочному слову дают значение подвиг, страданье... *сербск.* трзанье — терзанье (*Вельтман*). Другие же думают, что оно значит бой... *Тризну* обрете = награду...

Тризнище — ...совершение тризны, или поминовение усопшего посредством разных подвигов. *Пятилетнее тризнище* — олимпийские игры, совершавшиеся через пять лет [2Мак 4, 18]; ...поприще для подвигов, арена, зрелище (Сен. 1 кан.муч. п. 7 тр. 3), пер. *подвиг* (Сен. 24, п. 5, тр. 1), пер. *поприще*» [36] (с. 732).

Олимпийские игры первоначально представляли собою именно нами введенную в обиход *тризну* по поминовению усопших. И очень возможно, что гора Олимп была оккупирована эллинскими божками лишь много позже. А потому у игр осталось старое название, какое было при владычестве здесь пеласгов.

А вот как эти народы связывает еще одна традиция:

«**Колокол** — символ христианского благовеста — употреблялся и древними греками и римлянами в религиозных празднествах и в домашнем обиходе. Они полагали, что звуки обладают чудодейственной силой отгонять злых демонов и волшебников» [133] (с. 1409).

Правильно, как оказывается, *полагали*. Потому появление у нас колоколов в столь ранние эпохи и выглядит столь естественным.

А вот как наша патриархальная система общежития странным образом совпадает с римской:

«В строе частного гражданского общежития старинный русский *двор*, сложная семья домохозяина с женой, детьми и неотделенными родственниками, братьями, племянниками, служил переходной ступенью от древнего рода к новейшей простой семье и соответствовал древней римской *фамелии*» [49] (с. 132).

А вот обнаруживается и знак древнего русского приветствия, идентичный все с теми же народами:

«**Поцелуй**, целование, лобызание. П[оцелуй] приветом знаком древним евреям и римлянам» [133] (с. 1869).

Все то же и у древних персов. Страбон:

«При встрече на улице со знакомыми и людьми, равными себе по положению, они подходят и целуют их; людям менее значительным они сами подставляют щеку для поцелуя; люди низшего положения приветствуют, падая ниц» [308] (гл. 3, аб. 20).

Но о том, что данные знаки приветствия с незапамятных времен используются еще и на Руси, здесь разбирать в деталях было бы излишне.

Вот еще очередная особенность обихода, безусловно объединяющая проживающих ранее в данной местности людей, имеющих отношение к нашей древней культуре. У всех потомков белых людей остался в обиходе вот какой древний наш обычай, что замечает в своих заметках путешественник по Московии голландец Ян Стрюйс в 1676 г. А ведь этот обычай, по крайней мере, у нас, и по сию пору прекрасно сохранился. И представляет он самое для нас обыкновенное:

«...ходить в бани, которые также обыкновенны в Москве и во всем государстве, как в Турции и Персии» [369] (с. 50).

В Западной же Европе, после завоевания ее грязными пришельцами, германцами, такой обычай отсутствовал вплоть до наших дней. Еще в XIX веке этот «белый» континент выглядел достаточно чумазым даже по сравнению с турками, пусть и мусульманами, но потомками, что выясняется, все же белых людей. Что и объясняется их привычкой, не свойственной европейцам, всего лишь периодически мыться.

А вот что говорится о еще одной параллели Древнего Израиля и России. Яков Ретенфельс, например, в своем относящемся ко временам Алексея Михайловича рассказе о Московии сообщает, что здесь наказывают преступников:

«...некими плетеными из гибкого дерева жгутами (ими наказывают иногда за незначительные проступки), по способу несомненно заимствованному **от евреев**» [409] (гл. 23, с. 326).

А вот как советской историей преподносится термин — *вандализм* — эталон чумазости и безкультурия:

«В 455 в[андалы] взяли Рим, разграбили его, уничтожили **памятники антич[ной] культуры**» [168] (Т. 2, с. 13).

Вот почему, как выясняется, оказалось не в чести перед «прогрессивной общественностью» славянское племя вандалов: низвергли, видите ли, в Тибр богомерзкие истуканы.

И это сообщается в атеистических советских источниках. Так откуда же объявилась к этим богомерзким кумирам такая странная совместная любовь наших революционеров с Западом? Может, божок, которому они и по сию пору поклоняются, у них практически один и тот же?

Похоже, что так.

Таким же «вандалом», но уже у нас, их пропаганде следовало бы объявить князя Владимира. Что-то они прохлопали, упустили момент. А Добрыню, утопившего в Волхове Перуна, следовало бы провозгласить «кровавым» или «тираном».

Так ведь и в знойной Италии — тирания все отсюда же — от *тирренов*. На самом же деле богомерзкие беззакония монголоязычных латинян и сабинов пресек:

«**Тироноус** = царь (*лат. tyrannus*)» [36] (с. 719).

И звучит это слово осмысленно именно на нашем — церковнославянском языке! То есть именно мы у них, как теперь оказывается, являлись царями. И эта царская власть со свойственным именно ей «вандализмом» уничтожила языческих западноевропейских божков.

Но и с похотливыми идолослужительскими культами Карфагена этот славянский народ, чуть ранее, так же не очень-то и церемонился. Вандалы:

«...заставляли проституток вступать в брак и запрещали всякого рода проституцию под страхом строгого наказания» [9] (с. 408).

За что и оказались теперь не в чести у «международной общественности». А их метод наведения порядка стал именоваться *вандализмом*.

Но все это вновь сообщает о том, что защищать русскую власть в Риме пришли в ту пору именно русские люди. Что не могло, естественно, как-либо понравиться извечно нам враждебному Западу.

Вот и еще аргументы существования русской власти в *русском Риме (rugorum)*. Согласно «Сказания о князьях Владимирских»:

«...свой род русские князья ведут от римского императора Августа — “обладателя всей вселенной”, т.е. они — цари по крови...» [196] (с. 258).

Мало того. В ризнице московского Кремля хранится:

«...сосуд, из коего помазывают миром при венчании на царство. По древним преданиям, он принадлежал еще кесарю Августу...» [101] (с. 200).

В «Сказании о князьях Владимирских» лежит повествование:

«...о происхождении русских великих князей от римского императора Августа через легендарного Пруса, который, с одной стороны, состоял в родстве с Августом, с другой — ...был родственником Рюрика» [172] (с. 191).

И если учесть еще и кровную, наследственную связь этих потомственных венценосцев, то можно будет сделать однозначный вывод:

«...древнее величие Рима соединилось с настоящим не уступающим ему величием России» [101] (с. 201).

«**Август** — ...государь [Деян 25, 21]» [36] (с. 2).

И вот чем, кроме упразднения в Средиземноморье долгие века вызревавшей гнойным нарывом проституции, было прославлено его царствование:

«При нем провинциалы получили право жаловаться принцепсу не только на поведение римлян в провинциях, но и на злоупотребления магистратов, дела которых отныне разбирались в подобных случаях судом сената под наблюдением принцепса. Во многих провинциях Август провел перепись и определил тем самым нормы и суммы налогообложения, что в принципе должно было положить предел вымогательствам» [54] (с. 134).

То есть этот родоначальник римских императоров начал свое царство внедрением именно тех законов, которые бытовали испокон века не где-нибудь, но исключительно у нас — на Святой Руси. Ведь как отношение к имеющимся у нас военнопленным, общепризнанным в Римской империи рабам, так и отношение начальствующих со своими подчиненными, перешло в ближайшее соответствие с Русской Правдой именно в этот момент.

Но и по части исправления нравов в уже существующих семьях был положен предел языческому разгулу полового безпредела:

«В 18 году до Р.Х. император Август (63 до н.э. – 14 по н.э., император — с 27 до н.э.) издал знаменитый закон, который наказывал не только за нарушение супружеской верности, но и за половые сношения с незамужними и вдовыми замужними женщинами. Наказаниями служили: конфискация имущества, телесное наказание, изгнание» [9] (с. 189–190).

Кары к нарушителям, заметим, хоть достаточно внушительны, но не слишком суровы. И напоминают именно наши законы, которые наказывали смертью лишь в исключительных случаях. Вот, кстати говоря, как на Руси карались подобные правонарушения:

«Кто сделает блуд с замужнею, и муж опять возьмет ее к себе, прелюбодей должен вполне удовлетворить его деньгами и быть сеченным розгами по голой спине от Думы до

дома мужа, который берет опять к себе жену. Если же не возьмет ее, у ней остригают волосы, отдают в монастырь и делают ее черницей, а муж берет себе другую жену, прелюбодей же уплачивает ему некоторое количество денег» [262] (с. 432).

После такого показательного суда на подобное вряд ли кто отважится. Кому охота в свои молодые годы угодить в монастырь или быть нещадно пороту принародно, то есть обезбещену, и лишенному очень немалой части своих денежных средств?

Но бытовали в древности и случаи более серьезной расправы, понятно дело, за более серьезные преступления. Вот что сообщает об одном из них Цицерон:

«Я вспоминаю, что во время моего пребывания в Азии [России — А.М.] одна женщина из Милета приговорена была к смерти за то, что... сама произвела себе выкидыш; и это справедливо, потому что она уничтожила... будущего гражданина государства» [9] (с. 393).

То есть аборт на Руси еще во времена Цицерона карался смертью!

Подобное же прослеживается и в Римской империи, когда именно наш русский порядок одерживает победу над бытовавшим здесь некогда оголтелым язычеством, трактовавшим назначение женщины не в качестве пола, воспроизводящего население империи, но лишь как источник для наслаждения высших сановников, как всегда вороватых, а вследствие этого и ограничения в средствах не имеющих.

В эти времена:

«...применение abortивных средств было строго запрещено, и около 200 года н.э. *abactio partus* наказывалось изгнанием и каторжными работами в рудниках» (там же).

Так что нравы империи достаточно кардинально стали отличаться от нравов рабовладельческой республики.

«**Август** = Август (К. Юлий Октавиан), племянник и преемник Юлия Цезаря, первый римский император...

Августейший — (прибавляется к титулу державных особ). Это слово получило начало от римского императора Октавиана...» [36] (с. 2–3).

Его власть над миром подтверждается даже в церковных песнопениях:

«...в одной из стихир на праздник Рождества Христова св. церковь воспевает: *Августу единоначальствующу на земли...*» [111] (с. 11).

В «Сказании о князьях Владимирских»:

«...некий воевода новгородский именем Гостомысл скончивает свое житие и созва вся владельца Новагорода и рече им: “О мужие новгородци, совет даю вам аз, яко да пошлете в Прусскую землю мужа мудры, призовите от тамо сущих родов владельца себе”. Они же шедше в Прусскую землю и обретоша тамо некоего князя именем Рюрика, суща от рода римского Августа царя. И молиша князя Рюрика посланници от всех новгородцов, дабы шел к ним княжिति» [141] (с. 214).

Так кто же проживал в ту пору в столь теперь таинственной стране — Пруссии?

«Боярский род Колычевых, к которому принадлежал святитель Филипп, митрополит Московский, вышел из Пруссии, населявшейся некогда **славянами**» [200] (с. 1).

То есть по тем временам там жили такие же славяне. И коль власть в Риме имел царь правых славян, то совершенно законным и естественным выглядит запрещение чужебесия:

«Феодосий эдиктом 391 года запретил посещать языческие храмы, а эдиктом следующего года объявил идолослужение **преступлением...**» [145] (с. 52).

Таким образом, вандалы, свергнув капища, отнюдь не нарушили законы Римской империи, но, наоборот, — лишь исполнили их.

И если в Риме и Греции только конец IV в. ознаменован водворением русского (то есть православного) порядка, то исконно славянские области Иллирии на вполне официальном уровне обзавелись им еще за два века до этого:

«Во втором столетии по Р.Х. в Иллирике уже находилась Христианская церковь, продолжавшая свое существование даже до IX в.» [111] (с. 296).

То есть даже тогда, когда в Константинополе бушевала ересь иконоборчества, именно наши братья-славяне сохранили свою веру в полной от эллино-латинских ересей неприкосновенности.

Именно *славяне* в Православии законодатели. Мы и тогда являлись Державой, представляющей подножие Престола Господня, что подтверждается и теперь. Вот почему *правые славяне*, то есть православные христиане из славянского племени вандалов, оказались не в чести у давно погрязшего в чужebesии Запада. Хотя, между прочим, лишь водворяли законный в стране порядок, временно поправленный бунтарями-язычниками.

Но такое случалось не единожды и ранее. Когда наша еще дохристианская вера после захвата Александром Македонским стран, исповедующих Бога истинного, была подвергнута гонениям языческими эллинами, вот как она проявилась в рассказе посланцев, отправленных в Рим израильскими Маккавеями:

«И пришли они в Рим, и вошли в совет, и сказали: “Ионафан первосвященник и народ Иудейский прислали нас, чтобы возобновить дружбу с вами и союз по-прежнему”» [1 Мак 12, 3].

То есть такая дружба, при которой посылается посольство от первосвященника первенствующего над всем миром храма, говорит и о единстве вероисповедания этих народов. А потому именно *римскими пеласгами* названы бредущие по всем дорогам огромной Империи паломники, держащие путь в святую землю.

Самых наших апостолов можно смело назвать пилигримами. Направляясь через иноверческую Самарию, такими же странниками в глазах самарян выглядели и галилеяне, посещавшие Иерусалим. А потому на всех огромнейших территориях Русской Земли славящие Бога *правой* (правильной) *славой* люди местным туземным инородческим (цветным) населением именовались *пилигримами*. То есть римскими пеласгами (*пелег-Рим*), направляющимися в святую землю.

Мало того:

«**Паломник** = пилигрим, поклонник св. мест, называется так от древнего обычая — приносить из св. земли **пальмовую** ветвь...» [36] (с. 405).

А вот *хананеи*, напротив, обнаруживают принадлежность к проклятому роду не только своим наречием, но и своей черной наружностью вавилонских мутантов, закрепляющей за своим племенем черты, слишком отличающиеся от человеческих.

Их Ваал (Бел), перекочевав из Вавилона к исповедникам иудаизма хазарам — в *Белую Вежу* (Саркел), застрял затем уже в нашем горле, разрубив деформированную в СССР Русскую Державу на аулы *Беловежским* соглашением.

Именно с Белом воевал основавший Империю Гай Юлий Цезарь, вручивший бразды правления государством своему племяннику Августу. В так называемой Галльской войне именно:

«...белги объединились для военных действий против римлян» [54] (с. 263).

В связи с этим интересно название одной западноевропейской страны — Бельгия (Бел Гея). То есть *Земля* все того же *Бела*.

Это подтверждает и Татищев:

«...у разных писателей древних разные боги имен славянских имеются и, не упоминая других, здесь тех покажу, которых германин Гедерих в его Лексиконах древностей и мифологическом 9 объявил... Абелио, бог галлиев, думаю, не испорчено ль из Белы или из Велии, а к тому А приложено; галлы же были славяне, гл. 33» [184] (Гл. 2).

Теперь становится понятен характер проведенной против галлов войны. Эти галлы, судя по всему, представляли собой именно тех, которые, много ранее, местом своего проживания имели Галилею Языческую, названную так за то, что местные жители свои

религиозные требы совершали в храме Бела, находящемся в городе данов: Ваал-Гад. Все это происходило на склонах Ермона.

Но и Страбон, исследуя произведения Гомера, судя по всему, имеет в виду именно этот город, именуя его Ларисой:

«Лариса — сильно укрепленный холм со святилищем Зевса» [306] (гл. 6, аб. 7).

Но затем германские племена покидают склоны Ермона. А потому совершенно естественным выглядит то обстоятельство, что:

«...племена северо-востока Белгики были во многом близки германцам» [54] (с. 282).

Так ведь и жили с ними некогда на одной горе: на Ермоне.

Символом поклонения их божеству являются:

«“колонны Юпитера”, встречающиеся на землях белгов...» [54] (с. 291).

Вот как выглядели изображения на них:

«Понимались они неоднозначно — как олицетворение победы солнечного бога над хаосом, прославление небесного бога и богини земли (так как в редчайших случаях — Esp., 3036 — под всадником изображена богиня)... группа представляет посылающего молнию небесного бога и принимающего ее воду или землю (Hatt J.J. La religion gauloise)» [54] (с. 297).

То есть устанавливаемые на побережье Бельгии «колонны Юпитера» символизировали симбиоз *Бела* и *Геи*. Потому и страна эта стала называться *Бельгией* (*Бел-Геей*). То есть эти враги Рима, назвавшие соединение Бела с Геей какими-то «колоннами Юпитера», слишком явно представляли врагов Юпитера Капитолийского — Отца Евы: *Евы Патера*.

В подтверждение вышесказанному, чтобы проследить общую направленность их политики, приглядемся, какова была основа церемонии объявления ими войны:

«Объявление войны было в старину делом особой коллегии жрецов фециалов... жрец отправлялся на территорию будущего противника и излагал властям требования римлян. Если ему отказывали, он возвращался в Рим... При утвердительном решении он снова отправлялся на границу с дротиком... и бросал его на территорию врага (В позднейшие времена... обряд производился символически в самом Риме. Копье фециал бросал на участок земли возле **храма Беллоны**, который некогда был символически куплен каким-то военнопленным и потому мог рассматриваться как чужая территория)» [54] (с. 122).

То есть именно храм *Бела*, в чье *лоно* символически кидал дротик фециал, всегда являлся для набожных римлян в их войнах неизменным противником. С этим божком нечистот, как теперь выясняется, Рим и вел свою непримиримую войну.

Но ничто не вечно под луной. А потому:

«...кризис римской гражданской общины, ее институтов и ее морали, начинается действительно в первой половине II в. до н.э.» [54] (с. 109).

Что же особенного происходит в жизни римского общества в этот период?

Наплыв иноземных религий. Именно это обстоятельство вносит сумятицу в спокойную жизнь державы, изначально предназначенной для войны с нечистой силой.

И вот еще одна очень знаменательная параллель:

«...в свое время были вытеснены с земли крестьяне Италии, и созданы латифундии. Тогда погиб Рим, и их место заняли колонисты из Сирии» [199] (с. 241).

А в Сирии в те времена уже проживали лишь черные сирийцы. То есть хананеи.

Но все то же происходит и в Малой Азии:

«В Византии были вытеснены крестьяне Анатолии, чтобы создать выгодные овцеводческие хозяйства. Затем в Анатолию пришли турки и заняли опустевшие земли» (там же).

А ведь именно наш старославянский язык и именуется по сей день в Италии как некий такой «древнейший» язык «рустикю». Но и там некогда наступил такой счастливый момент, когда навязываемая насильно латынь оказалась посрамлена:

«Турский... собор... датируемый 813 г... рекомендовал читать проповеди не на латыни, а “in rustikam romanam linguam” т.е. на древнерусском романском языке» [48] (с. 36).

Том самом, на котором некогда и разговаривало земледельческое население Апеннин. Латыни же, судя по всему, в те времена еще и не существовало вообще. Турский же собор рекомендовал наше наречие по отношению к другому новоделу того времени — «древнегреческому».

Все то же, судя по всему, произошло некогда и в Англии, где крестьянами являлись такие же славяне.

Но и в Анатолии, именуемой Малой Азией, все происходило точно же в таком ключе. И именно после этого Страна Городов перебирается на Русскую равнину. Проживающие здесь еще во времена семи Азийских (Российских) Церквей славяне, вынужденно покинув Малую Азию (Малую Расию), прейдя на место нового своего поселения, организуют новое свое национальное государство — Киевскую Русь.

Огненное яйцо Авро Наво

Вот как античная история объясняет появление тирренов-этрусков на Апеннинах:

«В стране был страшный голод, и царь **лидийцев** решил разделить свой народ на две части и одну из них под предводительством своего сына Тиррена отправить за море на кораблях. После долгих странствий подданные Тиррена достигли берегов Италии, где и основали страну Тиррению» [29] (с. 168).

То есть ту самую страну, откуда затем и происходили правители Римской империи — *тираны*.

Вот еще вариант происхождения римской *тирании*. На этот раз этруски-тиррены на территории Апеннин появляются в качестве народа, спасшегося после извержения Санторина и подвергнувшегося нападению пришлого варварского негроидного народа — ионийцев:

«Живший во времена Геродота греческий историк Гелланик Лесбосский считал, что этруски пришли в Италию не из Малой Азии, а из Греции, где они назывались пеласгами. “Тиррены первоначально назывались пеласгами... пеласги, изгнанные из мест своего обитания эллинами и отнесенные на кораблях к Спинету в Ионийском заливе, основали в глубине страны город Кротон и поселились в тех местах, которые теперь называются Тирренией”» (там же).

И вот что здесь особенно интересно. Мы уже привыкли, что названия прежних мест обитания нашими далекими предками всегда оказывались перенесены на новые земли, где им приходилось жить. И на этот раз: новая земля обитания пеласгов, Италия, — это лишь слегка измененное наименование провинции пеласгов в Греции, откуда пришлось уходить: Этолия.

«Геродот приписывал пеласгам многое, что имеет отношение к тирренам. Но пеласги и тиррены для Геродота, тем не менее, разные народы. Гелланик впервые в греческой литературе отождествляет пеласгов и тирренов. Вслед за ними это делают Фукидид и Софокл. Он не указывает, откуда прибыли пеласги. Но, судя по упоминанию “унесенных кораблей”, они не просто пересекли Адриатическое море (называемое “Ионийским заливом”), а плыли откуда-то издалека...

Крупнейший советский этрусколог А.И. Немировский считает, что предки этрусков — пеласги и тиррены, “прибывшие в Италию согласно традиции в разное время, но жившие некоторое время бок о бок, пока не образовали этрусский этнос”...

Так кто же были этруски на самом деле? На каком языке они говорили? Есть лишь одна возможность ответить на эти вопросы — ЗАСТАВИТЬ ГОВОРИТЬ САМИ ЭТРУССКИЕ ТЕКСТЫ» [29] (с. 168–169).

Для того чтобы приступить к переводу этрусского, которое якобы «не читается», сопоставив мнения историков древности: Геродота, Софокла, Гелланика Лесбосского, Фукидида, Стефана Византийского, Дионисия Галикарнасского — Гриневичем была принята рабочая версия:

«...эгейские пеласги, они же рысичи, являются праславянами, и новое, уточненное равенство приняло следующий вид: *эгейские пеласги = рысичи = праславяне = этруски (тиррены) = расены = словенское племя*, из которого следует, что *этруски* — это также *праславяне*...

Идентификация этрусских знаков проводилась, главным образом, путем сравнения их начертаний с начертаниями знаков письменности типа “черт и резов”... основным “инструментом” являлась при этом “Сводная таблица знаков праславянской письменности”...

Из всех имевшихся в моем распоряжении этрусских надписей я отдал предпочтение надписи на камне из музея г. Перуджиа. Я начал с нее. Надпись содержит около 500 знаков...» [29] (с. 175–176).

В переводе текста рассказывается о борьбе нашего народа с какими-то сверхъестественными силами. Но и в наше время происходит много сверхъестественных явлений. Люди видят летающие тарелки, не похожих на нас живых существ и т.д. Многое происходящее, необъяснимое наукой, связывают с посещением нас инопланетянами. Даже целую науку изобрели по этому поводу — уфологию. Однако отмечено, что практически все эти «инопланетные» посещения отрицательно влияют на подвергшихся таким контактам людей.

А потому следует все же принять официальную версию Русской Церкви, которая сообщает о природе происхождения этих явлений вполне однозначно — это *бесы*. И защищаться от всех этих мнимых «инопланетян» можно лишь теми средствами, которыми испокон веков защищался русский человек именно от бесов — *постом* и *молитвой*.

Но были в нашей древней истории времена, когда представители древнейшего на земле этноса отходили в сторону от *правой славы* своего Творца. Тогда и появлялись все эти бес-смертные Кощеи, лешие, русалки, домовые (барабашки) и... инопланетяне.

Перевод:

«Жертвы приносим, а племя в рже живет. Клятвой, что ярость без крови, оно твердо.

Оба яйца в жире... жаром изливающимся, яростью называем. Мои же изнуренные мужи нас и без жертвоприношений вознесли (над) племенем ниже нас.

Беременный сверхжаром родит солнце, хотя я надеюсь совершить жертвоприношение тотчас.

“Родина” моя, суцая блевово! А племя в рже живет, и оковы родят ее запахи “ржавые”...

А племя в рже живет... Моя суета напрасна.

Зачем, если в лугах и рощах же высшее яйцо Авро и Ра (солнца).

Оно и по морю ездит дивно, отмели его роя тяжестью (своей). Беременный сверхжаром чревом же рождает высшее (яйцо). Беременный сверхжаром — мертвящее солнце. И племени вредит, убивает его жаром изливающимся, убивает пролетая. А племя роится. Зачем, если жрище сочло срок жизни племени. Воздух иной без жертвоприношений — весенний (свежий).

Богатства же нашего бездна. А иное племя в рже живет, ржавея... Я прижгу язву. Богатство сожгу наше... жрище жаром изливающимся, жарчайшим ЙЕМОА Наво вредит. Принесенное в жертву Наво жрет, без жара его ржавея. Беременный сверхжаром родит РА (солнце)”.

Вариант окончания: Избегай сверхжара — родится РА.

Приведенный текст — это одна из драматических страниц истории славян. Истории, нам неведомой, скрытой от нас за толщей тысячелетий.

Драматизм положения племени усугубляется тем, что существует некое Наво РА — мертвящее солнце, источающее сверхжар, которым оно убивает людей, пролетая над ними...

...некоторые археологические находки позволяют предположить, что в давние времена на земле имело место оружие подобного типа. Иначе, почему развалины столицы Хеттского государства Хаттусаса оплавлены в большей степени, чем это бывает при пожаре? Почему на гранитных стенах ирландских крепостей Дундалк и Экосс заметны следы какого-то странного оплавления?

Еще Марк Твен, путешествуя в 1867 году по Ближнему Востоку, так описывал развалины Вавилонской башни: “(Было) восемь ярусов (башни), два из которых стоят и по сей день — гигантская кирпичная кладка, рассеявшаяся по середине от землетрясений, опаленная и наполовину расплавленная молниями разгневанного Бога”.

Обычно Вавилонской башней именуют Вавилонский зиккурат — огромное семиэтажное строение с периметром по основанию около 360 м и высотой 90 м. Остатки зиккурата были раскопаны лишь перед Первой мировой войной. Очевидно, Марк Твен имел в виду развалины храмовой башни в Борсиппа, неподалеку от Вавилона. В самом деле, эти руины (их высота 46 м) оплавлены не только снаружи, но и внутри. “Нельзя найти объяснения тому, откуда взялся такой жар, который не просто раскалил, но и расплавил сотни обожженных кирпичей, опалив весь остов башни, сплавившийся от жара в плотную массу, подобную расплавленному стеклу”, — замечает исследователь Э. Церен» [29] (с. 182–183).

«Выдвигалось несколько гипотез относительно причины оплавления. Действиями огромной молнии, электрическими эффектами, другими физическими явлениями не удалось объяснить загадку феномена. Трудно объяснить оплавление камней воздействием ядерного взрыва (по крайней мере, только одного взрыва), т.к. камни и стены были оплавлены с нескольких направлений» [195] (с. 82).

И на сегодняшний день прекрасно сохранившийся временем зиккурат отнюдь не является той самой легендарной Вавилонской башней, опаленной неизвестным науке теплом, хоть и посвящен практически все тому же божеству — Ваалу (Белу). Он возведен уже значительно позднее катастрофы, случившейся с Вавилонской башней.

Вот кем, кроме потомков Хама, кушитов, была заселена в древности эта местность:

«Юг страны в начале II тысячелетия до н.э. захлестывает волна аморрейских племен, пришедших с запада. Один из аморрейских князьков, обосновавшийся в незначительном до того времени городе Вавилоне, стал родоначальником I вавилонской династии, на короткий срок объединившей всю Месопотамию» [208] (с. 82).

И вот, судя по еще дореволюционным исследователям национальностей данного региона, кем являются эти аморреи, после их вторжения в Вавилонию получившие наименование халдеев:

«...по исследованиям Шантра, Эркета и нашего антрополога И.И. Пантюхова, армяне с антропологической точки зрения в большинстве случаев крайние брахицефалы, т.е. короткоголовые и в этом случае во многом сходны с сиро-халдеями и кавказскими горскими евреями. Английский ученый Бертинг считает их людьми одного типа с евреями доизраильского периода (то есть периода проживания в Палестине туземцев — хананеев — А.М.). Профессор Анучин говорит, что армяне — племя не арийское, а скорее арианизированное (по языку)» [336] (с. 18).

То есть племя, лишь своим языком, но никак не антропологически, приближенное к нынешним обитателям Западной Европы, к сегодняшнему дню усвоившим язык своих в прошлом слуг — тюрков.

Таким образом, что становится более чем понятным, жители страны Северии, то есть Сирии, некогда делились на:

- 1/ сиро-арамеев — славян;
- 2/ сиро-финикиян — хананеев;
- 3/ сиро-халдеев — аморреев.

Языковая смесь хананейского и аморрейского образуют идиш. Но антропологически, что выясняется, аморреи, то есть армяне, очень близки к хананеям — туземным жителям древней земли Ханаан.

Но и божество, памятуя об едином кумире у хананеев и аморреев Палестины, здесь должно было объявиться все то же — Ваал — повелитель нечистот и нечистой силы.

Для защиты предмета своего поклонения от соседствующих с ними парфян, персов, эламитов и ассирийцев, кушиты-аморреи (сиро-халдеи), составляющие с туземным населением Иевуса (будущего Иерусалима) практически одну народность (желто-черную), окружили этот храм огромной циклопической стометровой высоты и двадцатипятиметровой толщины стеной, за которой стоял город пороков и разврата — Вавилон.

«**Ваал** — сем. господин = главное божество или идол ханаанских народов...» [36] (с. 65).

Именно этот идол вложил в руки халдеев-хананеев то страшное оружие, которое было занесено ими в Европу под именем *черной магии*.

«Так, мы находим в средневековой Европе книги по магии (чернокнижие), содержащие длинные и подробные инструкции, как заклинать и вызывать демонов; без сомнения, **эти инструкции заимствованы из вавилонской и еврейской демонологии**... эти правила стали включать в себя принесение жертвы злему духу или заключения с ним договора» [4] (с. 193–194).

Так что именно на алтарь Ваала и можно отнести все те многомиллионные жертвы, которые потребовались святой инквизиции для борьбы с занесенной сатанистами-алхимиками в Европу хананейской системы поклонения их божеству — *черной магией*.

Чтобы защитить свое капище от вполне справедливого возмездия за накликивание демонов, вавилонский зиккурат имел следующие защитные сооружения:

«**Вавилон** = столичный город Халдеи, на Евфрате, на том месте, где было начато строение знаменитой башни... его городские стены, построенные из кирпичей, связанных асфальтом, имели 50 локтей толщины, 200 локтей высоты и 480 стадий в окружности. Храм Бела (Ваала) представлял четырехугольную башню, на которой возвышалось 7 других башен, поставленных одна на другой» [36] (с. 66).

«...окружность города была в 60 англ. миль... Толщина стен была 86 футов, так что по поверхности их можно было проехать шести колесницам в ряд, а высота оных простиралась до 334 фут. На стенах высились 250 башен, с сотнею ворот, изваянных из меди... Среди города, пересекая реку, тянулся громадный мост [длиной 123 м — А.М.], по восточную сторону которого возвышался царский дворец и языческий храм Бела, богатство которого, по свидетельству Геродота, доходило до 28 миллионов фунтов стерлингов...» [111] (с. 104).

Но и ему предшествующий Вавилон, где после Потопа был сооружаем грандиознейший храм Белу, возведение которого и названо Вавилонским Столпотворением, был еще много больших, поистине циклопических размеров:

«Хронологи вычисляют, что потомки Ноя должны были употребить три года только на одно собрание материалов и не менее двадцати двух лет на постройку самой башни. По одному древнему преданию, *кирпичи* или, как вернее можно назвать их, *плиты*, употребленные для постройки башни, имели каждая по 20-ти англ. фут. в длину, 15-ти в ширину и 7-ми в толщину» [111] (с. 104).

То есть, примерно, 6×5×2 (м) — по 60 м³ каждая!

Поднять такой вес примитивными приспособлениями неких «неандертальцев» было бы совершенно нереально.

Но ведь подняли! Это говорит о том, что цивилизация, взявшаяся за грандиознейшее строительство, была слишком развитой. То есть была *допотопной*. Только потом, когда языки оказались смешаны, а генная мутация привела население планеты, подвергшееся огню вавилонской вспышки, к полной деградации, начали свое летоисчисление вавилонские мутанты: черная и желтая человеческие расы, а точнее — растерявшие человеческие гены человекообразные, разбредшиеся после случившегося по всему свету...

Но продолжим о блоках. Как этих гигантов скрепляли между собой?

Вот что говорится о происхождении связующего таковые циклопические конструкции *асфальта*, скрепляющего стены этого города, сооруженные для защиты находящегося в нем капища:

«**Асфальт** (смола) [Быт 14, 10; 11, 3. Исх 11, 3] — минеральная, иначе *жидовская смола*. Добывается в жидком и мягком виде из копей и на поверхности Мертвого моря, отчего последнее и называется иногда Асфальтовым... В настоящее время ее обильно находят при раскопках развалин в окрестностях Вавилона... асфальт и доселе употребляют в означенной местности вместо извести... изобиловала асфальтом долина Сennaарская... при помощи этого цемента были воздвигнуты стены Вавилона...» [111] (с. 70).

То есть, иными словами, этот самый *асфальт* образовался именно в тех местностях, где Бог наказал погрязших в языческом идолопоклонстве людей: в земле Содомы и Гоморры — точно так же, как и в земле Вавилона, где велось строительство знаменитой башни. Именно продукт распада этого сатанинского капища и лег в основу связующего материала ему наследующего города и ему же наследующего капища, где за гигантскими стометровыми стенами упрятывали бога нечистот Бела почитатели жуткого человеконенавистнического культа.

Рим всегда боролся с этим божком. Но почему же его, напротив, традиционно считают не просто языческой страной, но буквально рассадником язычества?

Отвечаем на вопрос вопросом: а наша нынешняя Россия чем сейчас является? Разве не тем же самым?! Но при всем при том, что и еще более удивительно, до сих пор именно она продолжает оставаться Третьим Римом, а Риму 4-му, как известно, — *не быть*.

А история всегда только повторяется. Потому становится куда как более понятным, как же это оплот империи, создавший мировую державу Весты-Митры, опустился, в конце концов, до Апиевой дороги, вдоль которой стояли собранные со всего света безчисленные идола всех завоеванных им народов. И вот чем закончилась эта неразборчивость в уважении чуждым кумирам:

«Гелиогабал... в 219 году нашей эры ввез в Рим каменный фетиш бога солнца, В а л а , и когда торжественная процессия несла эту восточную святыню, статуи всех римских богов сопровождали ее, словно свита слуг» [121] (с. 252).

И вот какой удивительной половой ориентации был этот ревнитель божка нечистот и нечистой силы:

«Совершенно феминизированный Гелиогабал в своих браках с проституированными мужчинами всегда играл роль жены, причем она так ему нравилась, что он обещал врачам большое вознаграждение, если они при помощи операции сделают его женщиной! Он избрал себе супруга, велел называть себя женой, повелительницей, Августой; прят шерсть, носил на голове сетку для волос и употреблял румяна и белила» [9] (с. 296).

Так что религия Содомы своих почитателей до указанного вида грехопадения доводит вполне естественно, низводя даже ниже уровня животных, на подобную низость просто не способных.

«Огонь Весты по-прежнему пылал в почтенном храме, Арвальские братья все еще повторяли свои непонятные молитвы...» [121] (с. 252).

Непонятные, потому что этруское туземным населением Италии не читается не только теперь, но не читалось вообще никогда.

«...луперки, как во времена Ромула, бегали вокруг Палатина, но религии римской уже не было. Существовало какое-то смешение всех богов Востока и Запада, Севера и Юга, дикая сумятица совершенно противоречивых религиозных представлений, сборище верований, культов и обрядов, в котором не было ни порядка, ни ведущей мысли. Каждый веровал во что хотел, а на самом деле со дня на день ожидал нового откровения» (там же).

Все то же самое теперь происходит и у нас: в Москве отстраиваются целые комплексы, где новостройкою в единый ансамбль объединены и православный храм, и синагога, и мечеть. Руководящие нами сегодня приверженцы экуменизма представляют собой что-то вроде правительства Гелиогабала, так запросто притащившего в Рим сатанинскую статую Ваала.

Наши соотечественники, став в подавляющем большинстве якобы атеистами, а на самом деле обезьянопоклонниками, ждут какого-то нового «откровения». Ждут, судя по всему, прихода самого антихриста. И, словно во времена Гелиогабала, подавляющее большинство начинает проявлять полную апатию к своему отеческому вероисповеданию, восхваляя верования чужеродные: экуменизм захватывает в свои цепкие объятия все больше и больше ни в чем не желающих разбираться людей. И этот уход в лжерелигии вновь сопровождается страшным падением нравов — из-за границы нашего Отечества к нам во все увеличивающихся размерах перекачивается зараза наркомании и содомии. Что ждет нас в ближайшие дни?

Но, вопреки этим мрачным мыслям, будем все же надеяться, что повторится то, что достаточно закономерно произошло когда-то с римлянами, которым это *откровение*:

«...дало в конце концов христианство и с поразительнейшей легкостью одержало победу над дряхлыми и отчасти уже мертвыми религиями» [121] (с. 252).

Крестьянство в Древнем Риме, извечно консервативное, своей приверженностью к старине сопоставимо с нашим. Ведь как в римских провинциях, так и в считающихся языческими наших древних местностях, на долгие столетия сохранившими свои древние обычаи, поразительно долго держались святоотеческие культовые традиции:

«Дольше всего староримская религия сопротивлялась чужим влияниям и даже победоносному походу христианства в италийских деревнях... Жители деревень... были глухи к призывам из далекого им мира и свято соблюдали древние заветы царя Нумы» [121] (с. 252).

Вот каких моральных принципов придерживался этот правитель:

«Согласно изданному царем Нумой закона, женщину называли «pellex» и считали безчестной, если она жила в интимной связи с мужчиной, в собственной власти которого уже находится, для правомерного брачного союза, другая женщина» [9] (с. 20).

И вот в чем заключались особенности римского вероисповедания, тождественные исповеданию израильских Маккавеев:

«...римлянам должно стоять надо всеми латинами не только потому, что они превосходят их размерами города и важностью деяний, но и оттого, что *божество к ним благосклонно больше, чем к другим*, вследствие чего они и достигли такой славы» [300] (кн. 4, гл. XXVI).

Вот в чем заключаются успехи строителей древнего Рима. Например:

«Во время правления царя Нумы в Риме вспыхнула эпидемия. Люди умирали как мухи. Набожный царь Нума каждое утро выходил из дома и, воздевая руки к небу, молил богов о милости. Однажды, когда он стоял так, погрузившись в молитву, с неба в руки ему упал маленький бронзовый щит и одновременно голос сверху возгласил, что римское государство будет существовать и становиться могущественнее до тех пор, пока этот щит сохранится среди наибольших святынь» [121] (с. 233).

Вот какие традиции охраняли на первый взгляд столь необычные религиозные верования римлян. А в том, что щит был дан именно Богом, а не Его обезьяной, нет никакого сомнения. Ведь прекратить эпидемию, то есть заражение от поражающего инфекционного вируса, может лишь соприкосновение со святынями, чего ни один маг и чародей обеспечить не в состоянии: им подвластные бесы могут только разрушать — созидать или истреблять себе подобных разрушителей они не умеют.

И уж очень интересен сам язык древних мистерий, посвященных этому событию:

«Песни эти были сложены на такой древней латыни, что позднейшие римляне почти не понимали их» [121] (с. 233).

Почему же это: *не понимали?*

Причина все та же: «этрускон нон легатур».

Далее:

«В их лачугах, точно таких же, как и та, в которой жил Ромул, всегда наибольшей святыней был очаг, находившийся под опекой домашних божеств. Их религия опиралась на чувства, связанные с таинственной жизнью земли, и обычаи, имеющие незыблемую силу бытия» [121] (с. 252).

Да, культ Весты своей человечностью совершенно отличался от всех иных культов Древнего Рима. В этой религии:

«...было какое-то поразительное постоянство. Всегда один и тот же извечный дуб...» (там же).

Что за дуб такой?

Очень похоже, что Мамврийский.

«...та же самая роща...» (там же).

где Аврааму повстречалась Святая Троица. Называлась она Море. Потому и дуб именуется Мамврийским.

«...та же самая вершина горы...» (там же).

где стоял главный храм Богу, называлась Мория. Потому единоверные с римлянами библейские спартанцы, считающие себя в родстве с потомками Авраама, этим именем и назвали свою страну (сегодня она перезаселена эллинами).

Все вышеперечисленные святыни:

«...сосредотачивали на себе все религиозное внимание люда спокойного, живущего вдали от шума и превратностей большого мира. Невозможно определить, когда, собственно, исчезла эта деревенская “поганская” религия, но произойти это должно было очень поздно — тогда уже в Риме, “столице апостола Петра”, восседали верховные жрецы новой, всеобщей религии» (там же).

В этом пересказе все полностью перекликается и с нашими так называемыми «народными языческими» праздниками, день в день совпадающими с ветхозаветными:

«Православная религия на Руси удачным образом слилась с народными традициями и обычаями...» [170] (с. 14).

И тот самый древнейший язык земли, который дал человеку Бог, приравнен к «старой латыни», на которой воспевали древние гимны еще со времен царя Нума.

Но вот что сообщается не о языческой, то есть эллинской традиции на Руси, лишь бытовавшей в первое десятилетие княжения Владимира, а о той древнейшей традиции, которая своими празднествами полностью совпадает с традицией христианской:

«В противоположность общераспространенному мнению, религия древних руссов была не политеистической, а монотеистической: Бог — Творец мира признавался единой всемогущей сущностью.

Представление, что руссы признавали много богов, было основано на не совсем верном понимании основ религии. Наличие других богов и божков несколько не нарушало принципа монотеистичности. Как в Христианстве, кроме Творца признается Богородица, апостолы, святые, ангелы и т.д., так и у древних руссов имелись второстепенные боги и

божки, отражавшие многообразие сил в природе, но над всеми ими господствовала единая всемогущая сила — Бог, другие боги и божки были только отражением этой силы.

...Бог назывался также Треглав, это было триединство.

Треглав вовсе не был, как это неверно представляют, отдельным, особым богом с тремя головами, это был единый Бог, но в трех лицах... Имелась своего рода аналогия с Христианством (“Бог един, но троичен в лицах”), вместо Троицы употреблялось слово Треглав» [63] (с. 314).

Следующая параллель. Зажмурим глаза и прикинем, про кого это написано. Во время сатурналий:

«...все общественные дела прекращались, ученики освобождались от занятий, преступников возбранялось наказывать. Для рабов отменялись все труды, в это время они получали право носить pilleus (особый головной убор — символ свободного гражданина), участвовали в трапезах своих господ, которые облачали господ в собственные одежды и даже прислуживали им» [180] (с. 140).

Но ведь и это обычай нашей страны. Ведь именно у нас по праздникам все наемные рабочие имели общую с хозяином трапезу за господским столом, где получали пищу, совершенно одинаковую с хозяином.

И вот странное совпадение все на ту же тему:

«В астрологии Сатурн именуется “господином субботы”...» [180] (с. 140).

Иными словами: Господь-Савваоф (Саббат).

Но что это значит: принадлежность культа Сатурна к русской дохристианской религии или же, наоборот, впрыскивание имени Сатурна (Савваоф) в наши священные тексты?

Пока невозможно ответить на этот вопрос однозначно.

Однако и у нас нашлось кому заявить: «этрускон»-де «нон легатур». В нашей древней стране имеются местности, где о своем древнем языке люди не только не пекутся, но и ненавидят его.

Язык самостийников — это не язык Русской Земли, чьи княжества некогда были расположены на территориях, где на сегодняшний день проживают мовоязычники. Мова — это вовсе не язык местного крестьянского населения, как принято считать. Это жаргон местных модников, преклоняющихся поочередно то перед венгерским чужебесием, то перед польским, то перед немецким, то перед литовским. Их нынешняя мова слишком смахивает на разговорное наречие петровских времен, когда у нас бытовали голландские термины, для непосвященных совершенно непонятные, а теперь выглядящие смешно...

Но каково в их мовоговорящей церкви?

Ходить туда просто нельзя.

Все это онемечивание ни о каких национальных традициях не говорит, но лишь об их полном и окончательном разрушении.

Совсем не то бытовало в этих землях в древние времена. А потому события, происходящие в наше время, столь сходны с тем, что происходило в землях Италии.

Вот какие культы, на самом деле, исповедовали настоящие славяне:

«Геродот... кн. 4, гл. 9, написал: “Из богов скифы почитают следующих: особенное почтение воздают богине Весте, после нее Иовишу [Юпитеру] и Земле [Гере]...”» [184] (Гл.2).

То есть вновь, как и у римлян, в центре поклонения стоит все та же Веста!

А вот и еще удивительнейшее сходство древнейшей религии Рима с учениями Русской Церкви. Древние догматы их верований:

«...считали, что, рождаясь, человек получает двух гениев: один склоняет его к добру, другой направляет на злое, и в зависимости от того, за кем из них он пойдет, человека после смерти ждет благословенная судьба или кара» [121] (с. 221).

Мало того:

«В дни рождения каждый приносил жертву своему гению» (там же).

В Православии день ангела отмечается подобным же образом: в храме славится святой, имя которого носит данный прихожанин.

«Гения изображали в виде змеи или римским гражданином, в тоге, с рогом изобилия» (там же).

И сейчас все изображается подобным образом: змея-искусителя — по левую руку, куда суеверные обычаи, возможно, еще ветхозаветные, требуют, при необходимости, поплевать, чтоб не сглазил, а по правую руку у нас находится наш ангел-хранитель. Именно его всегда изображали в виде святого, в день прославления которого родились и имя которого должны были получить. Обязанностями ангела-хранителя является наставление нас на дела добрые, исполнение которых фиксируются всегда, когда мы их совершаем. А вот злой наш гений призван постоянно вводить в соблазн и сбивать нас с пути истинного.

Так что жизнь — это борьба с нашими дурными помыслами. После ее завершения нас ждет подведение итогов.

Но не только ангел имелся за нашей спиной. В Древнем Риме:

«К этому же семейству духов-покровителей относятся л а р ы , которые опекают поле и дом крестьянина. В Риме не было культа более популярного, чем культ ларов. Каждый в своем доме молился им и почитал этих добрых божков, так как приписывал им все успехи, здоровье и счастье семьи... Они с детства смотрели на него из своей часовенки (в сущности, это был особый шкафчик, в котором хранились изображения ларов. Называли его — л а р а р и у м .)...» [121] (с. 221–222).

А как затем стал называться этот сундучок, в который русские люди, уже после прихода Христианства, по давней своей привычке, продолжали укладывать самые ценные вещи?

Это хранилище, якобы исконно итальянское, называется *ларец*. Так что и этот *ларчик*, в свое время вытянутый в какой-то непонятный иноземный *ларариум*, открывался, на самом деле, достаточно просто.

Эти самые *лары* требовали молитвы перед едой и после нее. Так необходимо поступать при исповедовании Православия и теперь — в противном случае вместе с пищей существует опасность проглотить и беса.

Такое же правило требовалось выполнять и тогда. При каждом приеме пищи *ларам* приносили жертву. Ведь они:

«...присутствовали при каждом ужине...

...все блюда тоже становились как бы священными, а если на землю падала, например, даже крошка хлеба, ее следовало бережно поднять и тут же бросить в огонь» [121] (с. 222).

Ну, где как ни у нас до сих пор бытуют подобные обычаи бережного отношения к хлебу?! Да и молитва перед едой всегда присутствовала исключительно лишь у нас — в русской патриархальной семье.

Потребление же хлеба, которому в России отводится особое место, тоже роднит нас с итальянцами. Ведь исключительно за необыкновенную приверженность к мучным изделиям Европа и называет их «макаронниками».

«На уличных перекрестках стояли часовни участковых ларов, и местные жители относились к ним с большим почтением» (там же).

И в Москве до самой еврейской революции, поименованной некой такой «пролетарской», на каждом перекрестке стояло по часовне. Так что и здесь наблюдается полнейшая тождественность этих, на первый взгляд, совершенно разных вероисповеданий.

Но и нападение язычников на Троию объясняется все тем же — разностью вероисповеданий греков и трояно-русов. Вот какая религия из разоренной Трои перемещается в основанный троянцами Рим:

«...в Риме недалеко от Форума... возведен храм... Вот там-то находятся изображения троянских божеств, которые открыты для обозрения, а сопроводительная надпись сообщает, что это и есть Пенаты [Пенаты — божества-покровители дома, семьи, римской общины в целом — так называемые Penates Publici. Согласно преданиям, священные изображения последних привез из Трои Эней. Хранились они потом в храме Весты...]» [300] (кн. I, гл. LXVIII).

«...одни толкуют их «Отечественными», другие — «Родовыми»... а прочие переводят как «богов Домашнего очага». Но складывается впечатление, что каждый нарицает их по чему-то близкому ему самому, и сдается, что все подразумевают одно и то же. 4. Вид и форму кумиров описывает Тимей: это железные и медные жезлы и троянские глиняные сосуды, которые установлены в качестве святынь в заповедном месте» [300] (кн. I, гл. LXVII).

Таков был культ Весты, богини очага римской общины и каждого отдельного дома, перенесенный в Рим из погибшей Трои и во многом совпадающий как с митраизмом, так и с ветхозаветным вероисповеданием Древнего Израиля.

Но и параллель со Святой Русью просматривается ничуть не менее. Вот что на эту тему сообщает во времена Иоанна Грозного проживающий в западной части России на службе у польской шляхты Алессандро Гваньини:

«В каждом доме у них на почетном месте — нарисованные на досках изображения святых, преимущественно Св. Николая, страстей Христовых, девы Марии и апостола Петра: их они чрезвычайно почитают и поклоняются **как пинатам**» [427] (с. 438).

Еще параллель — весталки — девочки, вводимые для служения во храм:

«Не менее пятилетнего срока нужно было священным девам оставаться безбрачными» [300] (кн. I, гл. LXXVI).

Что это нам так здорово напоминает?

Ну конечно же: *введение во храм Богородицы*. Вот для чего, что выясняется, она была туда введена: для услужения Господу в качестве весталки — девы, на время своего служения несущей венец безбрачия. Богородица, судя по всему, в этой должности, будучи пяти лет от роду посвящена Богу, отбыла подряд два срока.

Так что и с основной атрибутикой ветхозаветного Израиля эта удивительная религия древнего Рима вполне перекликается.

Но и новозаветное Христианство все вышеперечисленное сохранило, в основе своей, именно у нас.

А вот вновь высвечивается удивительная параллель:

«Круг по-древнеславянски назывался “коло”. Бог нового круга назывался поэтому “Коленда”, или в более новом произношении “Коляда”. С поклонением богу Коляде связано множество обычаев и песен (колядки)...» [63] (с. 316–317).

И вот что в этом самого удивительного:

«...римские “календы” выпадали как раз на праздник Коляды» (там же).

Но самое здесь интересное заключается в том, что:

«Слово это не римское...» [63] (с. 317).

Мало того:

«Слово коледа чисто славянское...» [36] (с. 260).

И для нынешних обитателей Апеннин:

«...ничего не означает, просто является сочетанием звуков. Мы имеем основание полагать, что римские “календы” (отсюда: календарь) были заимствованы от славян, общение с которыми документально установлено уже к рубежу нашей эры, но, конечно, шло гораздо глубже, в глубину веков» [63] (с. 317).

Так ведь сами римляне, что нами теперь совершенно точно выяснено, этими самыми славянами и являлись. И вот какой день у них (или у нас) был в наибольшей чести:

«...день Красной горки» [63] (с. 317).

И вообще вся наша древняя религиозность полностью совпадает со сменившим ее впоследствии Православием:

«...религия древних русов была религией радости, даже горе считалось у них радостью: павший герой чтился пиршествами, играми, за него радовались, что он попал в Ирий, на радость своим дедам и бабкам, что с ним теперь увиделись» [63] (с. 317).

Ну что еще может быть более приближено нашему православному мировосприятию?

Сюда же следует присовокупить и наше почтение к отеческим гробам, чего ни одна языческая культура не знает. А вот и еще подтверждение полной тождественности древних верований русского человека дохристианским верованиям Древней Иудеи:

«...в русских былинах, пословицах, сказках нет ни малейших отзвуков о существовании у восточных руссов человеческих жертв, они знали о них у других народов, но этот обычай отталкивал их и был запрещен их религией» [63] (с. 325).

Не было также человеческих жертвоприношений в древних Спарте, Риме и Иудеи.

Но и давшая Риму свою культуру Этрурия тоже слишком сильно отличалась от культуры Вавилона:

«Стены жилых домов строились из сырого кирпича и выкладывались на каменных фундаментах» [53] (с. 358).

То есть обжиг кирпича, как много раньше и у нас, также не производился. Мало того, их жилища конструировались в полном соответствии с нашими украинскими хатами-мазанками. Сельские поселения этрусков состояли из:

«...плетеных хижин, обмазанных глиной...» [203] (с. 54).

Дерево у них было в большом почете, а в особенности дуб. На сохранившихся фрагментах украшения трона этрусских правителей, искусно вырезанного из дуба:

«...сохранилось изображение... строения во всех подробностях, внутри которого две женщины, каждая из которых с косой до пояса...» [203] (с. 13).

Ну, уж носить длинную косу — это чисто наша национальная традиция: ни один иной народ такой длинной косы не носил. Вот что свидетельствуют на данную тему посетившие Московию иностранцы:

«Девы носят... волосы, которые обычно разделяются на две косы. У некоторых они доходят до пят...» [363] (с. 117).

Так что атрибутика прически изображенных на этрусском троне лиц женского пола напоминает только нашу — ни чью более.

О владельцах же этого трона сказано:

«...с конца VII в. до н.э. по 510 г. до н.э. здесь выкристаллизовалась династия, которая затем правила самим Римом» [203] (с. 11).

То есть династия мировых правителей, что еще в очередной раз выясняется, имеет свое этническое отношение именно к нам и ни к кому другому.

И все это у этрусков сочетается с необыкновенной набожностью:

«Они были также — снова цитируем Ливия — “людьми, более других соблюдавшими религиозные обычаи”, глубоко верующими, уповающими на провидение, на то, что человеческая жизнь управляется высшими силами» [203] (с. 14).

Только на Святой Руси вышеописанная набожность не станет чем-либо из ряда вон выходящим.

И вот еще:

«Античные писатели сообщают о двенадцати народах Этрурии с их небольшими самостоятельными территориями» [203] (с. 16).

На что это походит?

Конечно, на привычку деления по Израилевым коленам. И на Валааме в древности бытовал закон каких-то загадочных «12 князей». Но если на Руси нам известны лишь не изменившие свой первозданный облик Израилевы колена, то в Этрурии, судя по оставшимся фрагментам живописи и скульптуры, облик местных обитателей был более

чем разнообразен. Не могли не быть разнообразными и предметы культа, что теперь и сбивает с толка. Именно за периодический отход от своих традиций этруски и подвергались тем карам небесным, о которых мы узнаем из переведенных Гриневичем посланий древности.

А вот кем управлялся Рим с самого его начала:

«...**отцами**, либо из-за большего возраста по сравнению с другими, либо потому, что у них уже были дети, либо из-за знатности рода, либо из-за всего вместе» [300] (кн. II, гл. VIII).

А как именуется страна, управляемая *отцами*?

Правильно — Отечество. И бывает такого типа общежительство лишь в единственном виде человеческого способа обитания — на Святой Руси. Именно там управляют обществом на вече люди, достигшие определенного возраста, позволяющего им высказывать то, что было бы принято за дерзость при изречении молодыми. Именно там всегда в почете была седая старина:

«Новгородцы бо изначала, и Смольняне, и Кыяне, и Полочане, и вся власти, яко же на думу, на веча сходятся, на что же **старейшии** сдумают, на том же пригороди стануть» [250] (с. 27).

А вот еще особенность, свойственная лишь русскому человеку:

«...во время осады Рима к Порсенне подослали убийцу. Тот исхитрился проникнуть в лагерь этрусков, нашел вождя, который сидел в это время рядом со своим секретарем. Никого больше из свиты не было. Убийца зарезал секретаря вместо господина, перепутав их: господин был одет скромнее» [203] (с. 60).

Но и такое качество, как скромность, присуще лишь исключительно нам одним. Только русские древние князья являли собой образец скромности и воздержанности практически во всем, что позволяло многим из них и после перехода в мир иной, оставляя нетленные мощи в подтверждение не лицемерности своего образа поведения, стяжать славу святых и благоверных.

«...столь прочным было у римлян согласие, ...что они никогда не решали дела друг друга кровопролитием и смертоубийством в течение шестисот тридцати лет, хотя в народе возникало множество раздоров с власти предержажими по поводу общественного блага, как это обыкновенно случается во всяких малых и крупных государствах.

Но убеждая и наставляя друг друга, частично уступая, частично получая взамен уступки, они разрешали несогласия политическими мерами» [300] (кн. II, гл. XI).

И вот по какой причине власть сенаторов Рима являлась столь долгое время непререкаемой:

«Сенатор – от лат. *senex, nis*, т.е. “старый”, “старец” » [300] (кн. II, примечание к гл. XII).

То есть вовсе не зажиточные слои общества, как нам внушено, управляли изначально Древним Римом. Но именно старцы. То есть таковой род власти, который нам памятен лишь по воспоминаниям о государстве исключительно нашем собственном — Святой Руси.

И чтобы наиболее четко усвоить себе все вышесказанное, касающееся нашего того древнего Отечества, следует еще раз взглянуть на законы Рима, которые нам передает Дионисий Галикарнасский. Отец в Древнем Риме имел:

«...полную власть над сыном и притом на всю жизнь — заключать его в темницу и бичевать, держать в оковах на полевых работах и, коли предпочтет, предать смерти, даже если сын уже занимается государственными делами, исполняет высшие должности или стяжал похвалы на почетном общественном поприще.

Следуя этому закону знаменитых мужей, поднимающихся на ростры [ораторская трибуна на римском Форуме] с публичными речами, враждебными сенату, но угодными простолюдинам, весьма прославившихся благодаря им, отцы стаскивали с трибуны и подвергали наказанию по собственному усмотрению. И когда тех уводили с Форума,

никто из присутствующих не осмеливался забрать их от отцов — ни консул, ни плебейский трибун, ни улещаемая ими чернь, считающая всякую власть ниже своей собственной» [300] (кн. II, гл. XXVI).

Вот что собой представляет истинно русская форма власти — Отечество. И вот даже до какой степени поднимался этот закон (то ли писанный, а то ли сочиненный):

«...римский законодатель не остановился на этом, но позволил отцу продавать сына, пренебрегши тем, что кто-то заподозрит, что постановление принято жестокое и более суровое, чем сообразно природе. А чему более всего может поразиться человек, воспитанный на вольных эллинских нравах, как тяжкому и тираническому, так это тому, что римский законодатель разрешил отцу обогащаться за счет сына, продавая его вплоть до трех раз, дав отцу власть над ребенком большую, нежели господину над рабом. Ведь единожды проданный раб, обретя впоследствии свободу, впредь уже остается сам себе господином. Сын же, проданный отцом, даже став свободным, вновь переходит под отцовскую руку и вторично проданный и освобожденный, словно раб, пребывает во власти отца. Лишь после третьей продажи он освобождается от отца. Именно этот закон, то ли записанный, то ли неписанный (этого я сказать не могу), в незапамятные времена блюли цари, считая его наиболее важным из всех законов» [300] (кн. II, гл. XXVII).

И вот лишь что уравнивало человека тех лет в правах среди всех иных членов того общества:

«Если отец позволит сыну привести жену, которой предстоит по законам стать соучастницей в священнодействиях и имуществе, да не будет у отца власти продать сына» (там же).

Где еще на свете практиковалось такое же вот незыблемое правило по отношению отцов к своим сыновьям?

Да только лишь у нас. Вот что по этому поводу сообщает, может быть и несколько предвзято, но все-таки, историк конца XVII века голландец Яков Рейтенфельс. В Московии:

«Пока отец жив, даже взрослые дети находятся в его полной власти: он имеет право наказывать различными способами непокорных и четыре раза продать их, на совершенно законном основании, если задолжает кому-либо» [410] (гл. 23, с. 377).

Все то же подтверждает и итальянец Алессандро Гваньини:

«Отец... имеет право четырехкратной продажи сына, так что если сын продан один раз и каким-нибудь образом освобожден или отпущен, то отец может его продать снова и снова, по своему отцовскому праву» [427] (с. 437).

Однако ж власть эта простирается лишь до того момента, когда сын женится. Так что все бытовавшие у нас в прошлом достаточно для нынешних поколений вроде бы несколько непривычные обычаи имеют под собой очень древнюю почву. Поднял бы руку на своего отца кто-либо из тех людей — людей еще той русской былинной древности, когда Древняя Русь находилась еще в Древнем Риме?

Потому-то и страна наша в древности называлась всегда не иначе, как Отечество. И всегда лишь с большой буквы. Здесь, правда, более походит, что из-за поименования нас Иисусом Христом детьми Бога, Чье имя Руса, — Русскими.

Оттого у нас почитание отца столь в крови и укоренилось. Причем, отголоски этой ни у одного народа мира не встречающейся власти сохранились, а потому и зафиксированы в наличии побывавшими в Московии иностранцами, даже ко второй половине XVII века.

Но, к сожалению, ничто не вечно под Луной. Пришли к власти в стране русских еврей-большевики и извратили все наши былые обычаи, переконструировав нас из народа богоносца в бездомную, безбожную и безродную дворнягу.

А вот что говорится о целомудренности той мировой Державы, удивительнейшим образом копирующей нашу:

«Признано, что в течение пятисот двадцати лет в Риме не был расторгнут ни один брак» [300] (кн. II, гл. XXV).

Вот что собой представлял, как выясняется, этот столь от нас затертый историями «историков» Древний Рим. И схож он с нашим удивительным исследованием немцев на оккупированных наших территориях:

«...в разгар войны 1941–1945 гг. немецкий врач, обследовав угнанных из СССР в Германию девушек 16–20 лет, обнаружил, что 90% из них были девственницами, и немедленно обратился к Гитлеру с призывом начать мирные переговоры с нашей страной, написав, что **невозможно победить народ с такой высокой нравственностью**» [211] (с. 365).

А вот что сообщается о наших в вопросе брака обычаях в конце XVII века. Если во время брачной ночи случится:

«...что девственность уже раньше была унесена дикими гусями, то... Жених отталкивает невесту и отправляет ее подчас к родителям» [363] (с. 117).

Потому как в таком случае:

«...весь брачный договор считается расторгнутым...» [221] (гл. 22, с. 376).

А вот еще одна особенность, свойственная в древности лишь русским представительницам прекрасного пола:

«...этрусские женщины из высших классов были грамотны...» [203] (с. 87).

О чем за граница, и тысячелетия спустя, только лишь мечтала. Поэтому она с таким пиететом выставляет на всеобщее обозрение личную подпись Анны Ярославны в Реймском музее — для них грамотность жившей в XI в. женщины являлась чем-то из области фантастики. Для нас же такое было обыденно, стоит лишь припомнить грамотность уже не княжны, а обыкновенной пряжи, жившей в Лецканах много ранее Анны Ярославны — еще в IV в.

А вот еще очень характерное отличие нами рассматриваемой нации от всех иных средиземноморских народов:

«...рыба занимала важное место в рационе этрусков» [203] (с. 100).

В рационе каких народов, населяющих нашу планету, она, в столь еще недавнем прошлом, которое еще не забыто, являлась наиболее употребляемым продуктом питания?

Именно в Православии двести дней в году постные, и именно русский человек давно доказал, что является наиболее ревностным исполнителем своих святоотеческих традиций. Тут нить протягивается и в Древний Израиль — большинство апостолов прежде были рыбаками. Но посты там соблюдались ничуть не менее ревностно, чем затем у нас. Потому рыба являлась не менее важным продуктом питания.

А вот какая мифология лежит в основе исчезновения этой в прошлом величайшей из земных цивилизаций:

«Согласно римскому оратору и государственному деятелю I в. до н.э. Цицерону, умевшему прекрасно пересказывать легенды, наука гадания пришла к этрускам через некоего Тагета, божественного внука Юпитера, внезапно возникшего из борозды, оставленной плугом на земле Тарквинии. Изумленный пахарь громко воскликнул, увидев дитя, и вскоре “вся Этрурия собралась на этом знаменательном месте”. Здесь был и Тархон, легендарный основатель Тарквинии. Он задал Тагету несколько вопросов, на которые тот отвечал с мудростью, не сочетавшейся с его нежным возрастом. Впрочем, миф говорит о том, что это был **младенец с ликом старца**. Тагет открыл людям, что жизнь — это мистерия, вдохновленная божественной волей, поведал им гадания. Старейшины внимательно слушали его и записали все, о чем он говорил. Дивное дитя исчезло так же, как появилось» [203] (с. 121).

И если в те времена такое было в диковинку, то теперь, подытожив накопленный тысячелетиями опыт, можно с полной уверенностью назвать настоящее имя *ребенка с лицом старца* — Вельзевул (Ваал, Бел)!

Так что секрет упадка Этрурии, на самом деле, никаким секретом не является. Заразившись магией и гаданиями, эта могущественнейшая цивилизация потерпела полный крах и растворилась в культуре римского общества, сумевшего уберечься от внедрения в

свои древние культы, заимствованные у тех же этрусков, культа Бела — повелителя нечистот. А вот наша еще доапостольская Русь все же сумела от насаждения чужеродных божков устоять:

«...поклонение “черным” богам и формы его остались почти неизвестными, ибо чернобожие запрещалось и религией наших предков» [63] (с. 318).

И вот в чем заключался этот древний этрусский культ, перенятый у них Римом:

«...этруски изначально поклонялись единому верховному божеству, проявлявшему себя в разных ипостасях, которые позже, под влиянием греческой литературы и искусства, обростают антропоморфными чертами. Этрусские боги сливаются с олимпийскими греческими богами и с теми, которые олицетворяют стихийные силы природы» [203] (с. 122).

Так погибла одна из величайших цивилизаций: культ *поганных* сделал свое темное дело.

Но вот Рим устоял: он лучше своих соседей разбирался в том, у кого и что можно заимствовать. Именно от этрусков он заимствовал некие «Законы правосудия, завещанные Юпитером». И вот что наиболее удивительного просматривается в этих положениях о правах и обязанностях граждан, предшествующих Русской Правде Ярослава:

«В них можно проследить зарождение православной доктрины» (там же).

Это еще один пункт, который накрепко увязывает культуру древних этрусков с тем народом, который изначально рожден в Православии. А народ такой лишь один — русский.

Ориентировка по странам света у нас с ними тоже совпадала:

«...этруски рассматривали небесный свод как священное пространство... Выделялось шестнадцать небесных регионов, подвластных определенным богам, добрым или злым. Восток, например, был благоприятным, так как оттуда вставало солнце, а запад имел противоположное значение» [203] (с. 124).

И строительство храмов у этрусков велось из строительных материалов, которые позже для тех же целей использовали и мы:

«...с начала VI в. до н.э. греки возводили свои храмы полностью из камня, тогда как этруски продолжали использовать дерево, а из камня клали лишь фундамент» [203] (с. 128).

Идентичность наших культур наводит на мысль о том, что некогда мы с ними составляли один народ, что подтверждают произведенные Гриневичем переводы текстов, обнаруженных на зеркалах, вазах и люстрах этрусков, ревностных поборников культа Весты:

Пр. 1. Сцена жертвоприношения:

«Юноше, стоящему на коленях, мечом отрубает голову. За этой сценой наблюдают стоящие в стороне демоны с рожками на голове...»

Перевод текста:

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ. ЭТО — БЕСЫ» [29] (с. 201).

Иными словами: приносить ритуальные человеческие жертвы — бесов тешить.

Н-197. Бронзовое зеркало III в. до н.э.

«Мужчина с трезубцем и прекрасная молодая женщина поучают юношу...»

Перевод текста: ПОГИБЕЛЬ В БОГАТСТВЕ. ПОДРЫВАЕТ СИЛЫ. РОЕМ ЖИВИ» [29] (с. 192).

Слово «рой» означает род или племя, интересами которого и советуется жить. Смысл перевода предельно ясен, а самое главное, что поучение звучит в унисон с проповедываемой впоследствии Иисусом Христом моралью:

«...удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царствие Божие» [Лк 18,25].

Н-208. Бронзовое зеркало IV в. до н.э.

«Перевод текста:

«МОИ ПЕРВЫЕ ВОЛНЕНИЯ РОСУ ОТДАЮ. СРАМ ВОПИЕТ. РОДА ИНОГО...
КИ(М)ВРА МЯГЧЕ. РОС ЖЕСТЧЕ. НЕСПРАВЕДЛИВО. ПАРАЗИТЫ В СТРАХЕ.

Все в данном тексте с предельной точностью отвечает теме рисунка: и центральная сцена, в которой молодая представительница племени ки(м)вров, любовно глядя на представителя племени “росов”, говорит, что отдает “росу” свои “первые волнения”, свою первую любовь; и рассуждения (обсуждения) лазов, что “кимвра мягче”, а “рос жестче”, и выражение третьего лаза, что это “несправедливо” (несправедливое мнение, что “рос жестче”); и вопли лебедя (“срам вопиет”); и действия лазы Цирны (?), помечающей “роса”, что он-де “рода иного”; и, наконец, животные (пантеры?) с поджатыми от страха хвостами (“паразиты в страхе”).

...самое замечательное, что здесь мы встречаем неискаженное самоназвание этрусков — росы!» [29] (с. 196).

А вот еще очередная деталь идентичности наших культур. Это построение военных лагерей:

«...острог прежде означал городское или полевое укрепление, сторожевую ограду, которую ставили на окопах или валах, по примеру римских лагерей (См. Первобытные славяне В.М. Флоринского, ч. I, с. 139–140)» [36] (с. 1074).

То есть наши крепости где-нибудь на Енисее ничем не отличались от крепостей древних римлян, проживавших во времена Римской империи.

Но вот интересный момент: многое из нами перечисленного, похоже, относится совсем не к той территории, на которой обнаружены эти записи якобы этрусков. Ведь в указанной нам «учеными» немцами местности археологами так до сих пор и не обнаружено главного атрибута древних — захоронений:

«Ни в нынешнем Риме, ни поблизости не найдены захоронения римских царей, императоров, консулов и т.д., то есть, по сути дела, ничего, что могло бы позволить соотнести эту территорию с известными нам описаниями. Но археологи убеждены, что это район если не римской, то итальянской, в крайнем случае, этрусской культуры. То, что они находят римского, — это либо просто подделки или так называемое “движимое” имущество, то, что, уходя со старого местожительства, можно было унести с собой. То, что действительно было создано на земле нынешнего Апеннинского полуострова, требует идентификации и привязки по времени. Но ясно, что этруски (те, о которых писали античные авторы) никогда не жили на территории современной Италии. То, что найдено там, это культура, которую еще предстоит идентифицировать» [66] (с. 257).

Но кто же в этой местности на данный момент проживает?

«Можно сказать, что это греки, если считать, что это однородный этнос, но себя они, как правило, именуют ахейцами по своей прародине пеласгическому Аргосу. Но вернее было бы определить этот этнос как Греко-славянский» [66] (с. 263).

То есть надписи, расшифрованные Гриневичем, следует отнести к славянам, в те времена там проживающим. А вот поименование перенесенной сюда нашей Румы в греческом произнесении Ромой говорит лишь о том, что славяне отсюда давно ушли. Но, однако же:

«Культуру, обнаруженную в Тоскане, продолжают по инерции называть культурой этрусков, хотя ее язык был расшифрован в 50-е годы как родственный албанскому и славенскому, а сама она практически при обнаружении в середине XIX в. была расценена учеными как греческая, что, видимо, было очевидно для тех, кто проводил первоначальные раскопки. Но спонсор раскопок граф Гоццадини настоял на том, чтобы ученые признали, что это культура этрусков. Эта инерция сохраняется до сих пор» [66] (с. 263).

А вот что о развалинах Рима сообщает еще дореволюционный историк:

«Произведенные недавно раскопки на Палатинском холме, считающемся древнейшим поселением римлян, показали, что за 390 лет до Р.Х. Рим даже не был укреплен и что все найденные предметы относятся к эпохе не ранее V в.» [336] (с. 75).

То есть в более раннее время здесь вообще было слишком холодно, чтобы устраивать здесь любого типа поселения — а не то, что столицу целой империи. Но самое-то главное, что никаким Римом здесь и близко не пахло. И вся имеющаяся о нем история, по крайней мере до IV века до Р.Х., описана явно не о нем. Что было известно еще, как минимум, с сотню лет назад! Но, вместо чтоб возопить исторической науке о полной несообразности навешиваемых на Апеннинский сапог версий, — тишина... А все слышится из уст их старая песня про Этрурию, где обнаружены, в лучшем случае, остатки примитивного греческого пребывания. И где самих этрусков, по Е.П. Савельеву гето-русов, никогда и в заводе не было, да и быть не могло. И их крепости остались там, где и был ими некогда построен Рим — мировая столица Славянства.

Так же как и развалины Рима, так и обнаруженные у Везувия останки древнего города, засыпанного вулканическим пеплом, к описываемым древними авторами Помпеям отношения не имеют.

То же можно сказать и о самом главном достижении в те времена величайшей Державы — дорогах:

«...нет их на нынешнем Апеннинском полуострове, а вот в Африке они есть. Это — так называемые трансафриканские магистрали» [66] (с. 370).

Если ко всему вышеизложенному добавить еще и то, что на гористых Апеннинах или каменистой земле маленькой Греции возделывать те культуры, которые описаны у авторов древности, сегодня не предоставляется возможным, то станет окончательно ясно, что древнейшие цивилизации находились вовсе не там, где принято считать место их нахождения. Но следует привязать их к той местности, к которой эти описания наиболее подходят.

И вот что нам известно, например, об африканской глубинке, где, судя по всему, и могли располагаться описываемые у древних авторов территории:

«...Судан — это 2,5 миллиона км², в том числе и сотни тысяч км² благодатных земель, где возможно орошение» [66] (с. 385).

Но ведь в нами разбираемые времена эти места были и еще более прекрасно снабжаемы водой. Да и той жары, что теперь, там раньше также не было — климат был много прохладней.

Вот свидетельство и еще более дальних поселений славян в Африке:

«Геты-Руссы в древнейшие времена проникли... даже на западные берега Африки, где основали много больших торговых городов на многоводном левом притоке Нигера Бенуэ, развалины которых видны и до сего времени. При раскопках 1904–1912 гг. были найдены Лео Фробениусом хорошо сохранившиеся предметы древнего искусства, так дисгармонирующие с окружающим африканским миром, точно осколки другой планеты, иной высокой культуры... скульптуры на камне, отливки, чеканка из бронзы, лепные терракоты, античные головки, кувшины из фарфора и многое другое, а также ленточная по дереву орнаментика, подражающая плетению из тесьмы...» [336] (с. 88).

Вот аж в какой африканской сегодня глуши обнаружены следы величайшей древнейшей на планете цивилизации. Понятно дело, вновь нашей. Там и чуть ближе в те времена и находились описываемые древнейшими авторами величайшие страны с величайшими цивилизациями.

То есть древнейшие царства мира к территории нынешней Европы, находившейся в те времена еще под толстым слоем льда, приписаны совершенно огульно. Так почему же до сих пор все несовпадения нынешних находок, совершенно не стыкующихся с описаниями древних авторов, остаются в полном презрении светилами исторической науки?

Все дело в том, что:

«Античная история, в отличие от других наук, не прошла через горнило научной революции. Парадоксальность ситуации в этой сфере состояла именно в признании в качестве научной истины крайне противоречивой и спорной интерпретации античной истории, которая сложилась в XVI–XVIII веках, задолго до того, как были получены документальные свидетельства об этом периоде истории. Были раскопаны захоронения и города в Египте, Месопотамии, Мероэ и в других районах Ближнего Востока и Северо-Восточной Африки. Они дали богатый археологический материал, а раскопки на территории нынешней Европы так и не принесли тех результатов, на которые можно было бы рассчитывать, если считать, что античные и средневековые авторы писали об этой части света» [66] (с. 375).

Но они писали о части света иной. Что теперь с полной очевидностью и выясняется.

Протоиндийцы

А вот какая удивительная цивилизация была обнаружена в Индии:

«В цитадели Мохенджодаро раскопано зернохранилище и бассейн... Система городского водоснабжения и канализации выглядит едва ли не самой совершенной на Древнем Востоке...

О широких внешних связях (по морю и по суше) городов Индийской цивилизации говорят находки изделий Хараппской культуры (в основном печатей) в городах Месопотамии (Ур, Киш, Телль-Асмар), а также в Иране (Яхья-тепе) и Южной Туркмении (Алтын-депе)» [208] (с. 274).

А вообще, начиная с открытия сэром Джоном Маршаллом в 1922 г. «поселения мертвых» — Мохенджодаро, на берегу Инда было раскопано на огромнейшей территории в 1,65 млн. квадратных километров, в десяток раз превосходящей современные ей цивилизации Древнего Египта и Двуречья, 150 поселений и городов, относящихся к протоиндийской культуре.

«Еще несколько десятилетий назад считалось непреложной истиной, что индийская культура была создана потомками кочевников — арьев, вторгшимися в Индостан примерно в середине II тысячелетия до н.э.

Искусство же письма появилось в Индии еще позже, после того, как здесь побывали войска Александра Македонского. Однако археологические раскопки показали, что за две тысячи лет до прихода греков в Индостане существовала письменность. И почти все достижения древнеиндийской культуры, такие как десятичная система исчисления, приручение слона и горбатого быка зебу, система йогических упражнений, женская и мужская национальная одежда и многое другое, прежде чем стать “индийским”, было “протоиндийским”, иными словами, создано за много веков до прихода арьев, перенявших у протоиндийцев достижения их цивилизации.

На какой же почве выросла одна из древнейших культур нашей планеты?..

Примерно в середине III тысячелетия до н.э. начинается быстрый и внезапный расцвет протоиндийской цивилизации... Древнейшая цивилизация Индостана появляется уже вполне сложившейся, с письменностью, утонченным искусством, с прекрасно распланированными городами. Просуществовав 700 лет — с 2500 по 1800 гг. до н.э., она исчезает столь же таинственным образом» [29] (с. 217–218).

«**ХОЛМ МЕРТВЫХ** (Мохенджодаро) — остатки древнего уничтоженного города, возможное свидетельство существования в прошлой истории Земли могущественных цивилизаций. В рукописи “Махабхарата” рассказывается о мощном взрыве, последовавшем за небесным сиянием, от которого кипела в море вода и погибли все жители. В 1922 году индийский археолог Р. Банерджи обнаружил развалины

Мохенджодаро, камни которого имели следы воздействия высоких температур» [195] (с. 511).

«Среди руин разбросаны сплавившиеся куски глины и других минералов, которые в свое время быстро затвердели. Анализ образцов, проведенный в Римском университете, и в лаборатории Национального совета исследований Италии, показал: оплавление произошло при температуре 1 400–1 500 градусов! Такая температура в те времена могла быть получена в горне металлургической мастерской, но никак не на обширной открытой территории.

Зато в Мохенджодаро есть следы особого рода. Если внимательно осмотреть разрушенные здания, создается впечатление, что очерчена четкая область — эпицентр, в котором все строения сметены каким-то шквалом. От центра к периферии разрушения постепенно уменьшаются. Наиболее сохранились окраинные строения. Словом, картина напоминает последствия атомных взрывов в Хиросиме и Нагасаки!» [226] (с. 46).

То есть мотивы ухода протоиндийцев достаточно сходны с записанными этрусками на камне из города Перуджи: их города сожгло огненное яйцо Авро Наво. Потому оставшимся в живых представителям высочайшей на земле цивилизации, некогда возведшей здесь сотни городов, пришлось срочно покинуть эту уже обжитую ими страну.

Так кем же являются эти загадочные протоиндийцы?

На этот вопрос Гриневиц ответил довольно просто, переведя ранее не поддававшиеся расшифровке на иные языки мира протоиндийские надписи на наш древний язык.

Надпись на печати № 1 (лист 99/1).

«На печати изображен свирепый носорог, закованный в металлические доспехи с шипами. Вероятно, прирученные или полуприрученные носороги использовались для несения охраны...» [29] (с. 225).

К тому же закованный в латы этот могучий зверь был надежнее любых самых крепких ворот. Злой нрав этого с виду ленивого и неповоротливого животного, ввиду большого количества происходящих по его вине несчастных случаев со смертельным исходом, общеизвестен.

Перевод текста:

«То защита (преграда), говорят, лучшая (лучше), /чем/ доска для ворот» [29] (с. 225).

Доску может вынуть и предатель, и вражеский лазутчик, открыв ворота неприятелю. А вот какой отчаянный смельчак отважится на бой с этой быстроногой многотонной крепостью?

Надпись на печати № 2 (лист 39/2).

Тигр запечатлен в прыжке в сторону бога-буйвола, и о той схватке, которая предстоит между ними, и повествует приведенная надпись.

Перевод текста:

«Схватка будет тяжелой. Достойная зрелища борьба» [29] (с. 225–226).

Надпись на печати № 3 (лист 39/5).

На печати изображен единорог, безучастно смотрящий вверх.

Перевод текста:

«Тупо смотрящий единорог» [29] (с. 226–227).

Совпадение содержания текста и темы рисунка полное.

Надпись на печати № 4 (лист 39/3).

«Изображен горбатый бык-зебу с мощными рогами, которые и определили содержание надписи» [29] (с. 227).

Перевод текста:

«Бодлив, в том ли польза?» [29] (с. 227).

Надпись на печати № 6.

«На стеатитовой печати изображен тур, который мог символизировать один из шести календарных сезонов протоиндийского года или текущее 60-летие...» [29] (с. 228–229).

Перевод текста:

«Рысский я, хотя одинокий (покинутый; сирота, вдовец)» [29] (с. 228).

Текст надписи до перевода:

«РЫСИЧЕ ЙА АЧЕ СИРЫ» [29] (с. 228).

Здесь в протоиндийском тексте прозвучало самоназвание народа, привнесшего свою высокую культуру и в эту Богом забытую глушь — место проживания народов, и сегодня в своем развитии недалеко ушедшим от уровня каменного века.

Вообще уже найдено свыше двух тысяч протоиндийских надписей. И каждый интересующийся переводами древних текстов может сам это сделать без какой-либо предварительной подготовки, лишь пользуясь составленной Гриневичем «Сводной таблицей знаков протоиндийского письма и слоговых знаков праславянской письменности», а также словарями Срезневского, Трубачева, Даля, Востокова, Хабургаева.

Родственность языков протоиндийцев с ирано-сиро-ассирийцами, белыми жителями Месопотамии, прослеживается и со страниц Священного Писания. В момент сошествия на апостолов Святого Духа:

«...явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почии *по одному* на каждом из них» [Деян 2, 3].

То есть — не по два и не по двадцать, а лишь по одному языку было дано каждому из апостолов. В свете вышеизложенного пробуем определить, каким языком мог воспользоваться во времена своей просветительской миссии апостол Матфей:

«Апостол Матфей проповедовал Евангелие в Македонии, Сирии, Парфии и Мидии, то есть он доходил почти до Индийского океана. Потом он оказался в Египте и вместе со своим спутником Платоном поднялся в Эфиопию и многих привел здесь к вере христианской. Наставляемый Духом Святым пришел он к чернокожему народу людоедов, начал проповедовать в их городе Мирмены...» [151] (с. 6).

Между тем здесь отмечается то, что проповедовал он «на их языке». Обретенный им с сошествием Святого Духа язык был использован в явно иноязычной апостолу Матфею стране — Эфиопии.

Просвещенные же апостолом Матфеем страны, иные «чернокожему народу людоедов», связаны общностью своих языков следующим образом:

«...Мидийское царство, с главным городом Экбатаны, соседнее с ассирийским... существовало до времен Кира, завоевателя Вавилона и основателя Персидского царства (приблиз. до 560 г.)» [36] (с. 305).

Мидия, в 38 г. до н.э., рассматривается, как:

«...провинция Парфии...» [168] (Т. 6, с. 247).

«**Парфяне** = имя народа **скифского** [Деян 2, 9]. Парфия — страна в Азии между рекою Индом с востока и Тигром с запада» [36] (с. 409).

То есть парфяне являются наследниками нами рассмотренной протоиндийской цивилизации.

Ну, а про Сирию и говорить нечего — эта страна разговаривала на арамейском наречии.

Вот как иной источник сообщает о том же Апостоле:

«...пятнадцать лет проповедовал (иудеям) в Иерусалиме, потом пошел возвещать Христову веру к персам, эфиопам» [138] (с. 411); [133] (с. 1560).

Здесь Персия подразумевает собой и Сирию, и Парфию, и Мидию.

И это вовсе не удивительно:

«...Персидская империя была основана Киром, и ее обитатели в древнее время назывались **Еламитами**, от своего предка **Елама**, сына Симова, а в более поздние времена они назывались **Парфянами**» [111] (с. 560).

Между тем еще в XIX в. персы при трапезе применяли русские столовые приборы. Потому архимандрит Никифор упоминает, что у них использовались:

«...деревянные ложки даже при дворе персидского шаха» [111] (с. 569).

Не золотые и даже не серебряные, но именно такие, какими искони пользовался русский человек в русской деревне. Вот тебе и заморская экзотическая страна...

Вот еще деталь русского обихода, упоминаемая в древности в наличии у персов. Самые знатные из них, о чем сообщает Ксенофонт, носили:

«...гривны на шее...» [314] (гл. 5, аб. 8).

А это главное отличие славянина в древнем мире.

Наши луки, что выяснено досконально в последние времена, являлись самым грозным оружием средневековья. И монгольский саадак, так называемое «оружие смерти», что выяснено, являлся именно нашим отечественным изделием на протяжении, как минимум, с XI по XV вв. (см.: [76]).

Тоже встречаем и в сообщениях грека Ксенофонта (IV в. до Р.Х.) об оружии персов. Он сообщает, что:

«...луки у персов больше...» [315] (гл. 4, аб. 17).

А потому и стрела летит много дальше, чем выпущенная из их отечественных луков.

О привычке целования, что выше отмечено Страбоном, добавляет Геродот:

«...вместо приветствия *они целуют друг друга в уста*. Если один лишь немного ниже другого по положению, то *целуются в щеки*. Если же один гораздо ниже другого, то *низший кланяется высшему, падая перед ним ниц*» [296] (гл. 134).

Князю, например. Все же иное дошло, в полной неизменности (среди, понятно, православных русских людей), исключая 70 лет коммунистического чужебесия, полностью без искажений, и до сегодняшнего весьма отдаленного от тех времен дня.

А вот еще явная параллель:

«Детей с пяти до двадцатилетнего возраста они обучают только трем вещам: верховой езде, стрельбе из лука и **правдивости**» [296] (гл. 136).

Где еще во всем мире, кроме как у православных христиан, то есть русских, могут обучать именно этой *науке*?

Вот еще очередная параллель:

«По утверждению персов, у них не было случаев убийства родного отца или матери. В каждом подобном случае, по их словам, при ближайшем рассмотрении оказывается, что это дело или незаконнорожденных детей или подкидышей: ведь совершенно противоестественно, чтобы настоящего отца, говорят они, убил собственный сын» [296] (гл. 137).

Чуть выше эта же деталь, имеющая свое отношение исключительно к нашей стране, как исконно именуемой Отечеством, подмечена и у римлян. У них отец имел власть над сыном такую, что ни у кого в самом дурном воображении не смогла бы мелькнуть мысль об отцеубийстве.

А вот и еще параллель:

«Нет для них ничего более позорного, как лгать...» [296] (гл. 138).

И это цитируется вовсе не про нас, как тут же следует подумать. Но про персов трех тысячелетней давности.

Родственность культур славянских народов прослеживается и в идентичности используемых ими технических наработок, которые в трудах историков всегда выглядели какими-то невразумительными «заимствованиями»:

«...достижения ассирийцев в воен[ном] деле использовались соседними народами. Напр., персы заимствовали у них приемы ведения фортификац. работ, осады и штурма крепостей с применением стенобитных орудий, а также сооружения “дорог для повозок и

войск». Впоследствии опыт дорожного строительства, постройки мостов и разбивки лагерей у персов переняли римляне» [168] (Т 1, с. 303).

Этим лишь подтверждается полная параллель между военным искусством Ассирии, Персии и Рима, в состав империи которого входила всегда дружественная ему Спарта.

Вот еще очередное мнение о военном искусстве Ассирии:

«Роль этой могучей военной державы в мировой истории военного искусства до сих пор оценена в ничтожной мере. Между тем, памятники материальной культуры свидетельствуют о могучем развитии военной техники, о сложной структуре тактически дифференцированной армии, включавшей тяжелую (в том числе тяжеловооруженных стрелков) и легкую пехоту, тяжелую и легкую конницу, боевые колесницы, метательные и стенобитные машины — предвосхищавшие все основные средства греческой и римской полиоркеттики» [284] (с. 225).

А вот как делил мир на Европу и Азию (Расию?) «отец истории» Геродот:

«...персы считают Азию и живущие там варварские племена своими, Европа же и Эллада для них — чужая страна» [296] (гл. 4).

И если Европа в переводе с нашего же древнего наречия означает «возвращение евреев», то есть возвращение ушедших в поклонение богу Ефрема (Еврема) отколовшихся от Древней Иудеи 10-ти Израилевых колен, которые возвращались сюда из плена Вавилонского, то вот как расшифровывается место обитания эллинов:

«...название — Эллада» [370] (166),

происходит:

«От израильского бога Элла» (там же).

И вот в чем заключаются эти основные отличия жителей той Древней Азии (России) от самих эллинов, исповедующих, что выясняется, бога Эля — кумира алхимиков (Эль-Хими [Хам]). О том свидетельствует грек Аммиан Марцеллин, сильно удивляясь несхожести этих двух очень отличных культур, а точнее норм поведения:

«Нелегко увидеть, чтобы перс остановился для того, чтобы отлить воду или присаживался в стороне для естественной надобности, до того тщательно они скрывают эти и другие неприличные отправления» [311] (гл. 6, аб. 79).

Европейцы, следовательно, гадили в те времена, да и много позднее, что зафиксировано ихними же писателями, где придется, не особо утруждая себя в поисках укромного для подобных отправлений закуточка. Вот лишь несколько примеров сравнения особенностей наших, то есть поименованных древними авторами «персидскими» в этой области привычками, и просто врожденной привычки Запада гадить где придется:

«...знаменитый Версальский дворец и не менее знаменитый дворец в Коломенском были построены практически в одно время. Но в Коломенском дворце для всех — и для бояр, и для челяди, были устроены “мыльни” — домашние бани и туалетные комнаты. В Версале туалета не было даже у короля, не говоря уже о том, что во дворце не было ни одной ванной комнаты» [206] (с. 185).

«Пышно разодетые кавалеры и дамы отправляли свои естественные потребности в коридорах роскошного Версальского дворца. В палатах московских царей такого не водилось» [328] (с. 68).

Что же изменилось по прошествии нескольких веков?

Да в общем-то и ничего. Потому даже Петр I от путешествия в этот модный город остался не в слишком великом восторге, заявив:

«...Париж воняет» [329] (с. 397).

Но и век спустя описание санитарного состояния этого модного города оставляет также желать много лучшего. Об установке в многоэтажных домах каких-либо сантехнических сооружений, столь сегодня обязательных и всем привычных, в ту пору — вновь — не было еще и намека. Для самих же обитателей Парижа чистоплотность являлась делом слишком непривычным и излишне обременительным. А потому:

«Судебные архивы 40-х годов XIX века содержат немало дел о привлечении к ответственности домовладельцев и слуг за опорожнение ночных горшков из окон верхних этажей. В этом же десятилетии появились первые общественные уборные [а до этого их вообще не было! — А.М.], но мужчины и некоторые женщины продолжали мочиться, а то и испражняться у порогов домов, возле столбов, церквей, статуй и даже у витрин магазинов. Содержимое выгребных ям просачивалось в землю, заражая воду в колодцах, а воздух дымился от гнилых испарений (Veber Eugene. From Orbuuro to Order // The New Republik. Washington. 1991. July 1)» [330].

Вот еще различие в этикетах Европы тех времен, то есть эллинов и угаритов, арийцев и аморреев, и персов — едят молча:

«...когда разостланы кожи на сиденьях для обеда, губы всех сжаты» [311] (гл. 6, аб. 80).

Но и слугам своим при этом, каким-нибудь инородцам, а может пленным европейцам, не позволяют портить себе при этом аппетит:

«Слуге, прислуживающему или стоящему за столом, не разрешается раскрыть рот, промолвить слово или **плюнуть**...» [311] (гл. 6, аб. 79).

Для европейца же тех лет, что и понятно из вышесказанного, лопать и при этом сморкаться и плевать — дело обыденное.

А вот черта, отделяющая наш народ от всех народов иных и еще наиболее отчетливо:

«...в Персии женщины отличаются красотой» [312] (гл. 4, аб. 27).

И сегодня, когда мы, наконец, получили возможность прогулок по городам Запада, в этом убедиться не трудно: 90% жительниц Италии и Франции, Германии и Голландии мы поименовали бы единым для всех для них термином — страхолюдинами. Так что не специально немцы для концлагерей таких себе мужековидных женщин подбирали, но у них других и нет. Другие — это онемеченные славянки. И проживают там лишь в определенных областях.

Вот еще достаточно серьезное от Европы различие. На этот раз уже в законодательной сфере:

«Законы у них очень суровы; выделяются своей жестокостью постановления против неблагодарных и **дезертиров**...» [311] (гл. 6, аб. 81).

Так дезертиры у нас всегда рассматривались в качестве предателей — никак не иначе. И все потому, что воины наши были всегда прежде всего защитниками Отечества. Заграница же составляла свои войска обычно из наемников — гоплитов. Для которых, по большому счету, перекинуться на сторону неприятеля было делом обыденным. А почему бы и нет, если враждующая работодателям группировка заплатит больше?

А вот как судебные правила древних персов, полностью идентичные нашим, резко отличаются от западной демократии:

«Судьями избираются люди опытные и честные, мало нуждающиеся в чужих советах. Поэтому они смеются над нашим обычаем, по которому иной раз за спиной невежественного судьи располагаются бойкие, ораторы и знатоки права» [311] (гл. 6, аб. 82).

А вот чем удивило неприятеля защитное вооружение русских дружинников (а это были более чем явно они). Враг, по словам грека Марцеллина:

«...под своим покрытием из железных пластин наподобие легких перьев чувствовал себя очень смело, так как стрелы, попадая в твердую железную броню, отскакивали, не причиняя вреда» [312] (гл. 4, аб. 15).

Вот еще о защитном снаряжении асиан (россиян):

«...железные бляшки так тесно охватывали все члены, что связки совершенно соответствовали движениям тела, и прикрытия лица так хорошо прилегал к голове, что все тело оказывалось закованным в железо, и попадавшие стрелы могли вонзиться только там, где через маленькие отверстия, находившиеся против глаз, можно что-то видеть, или где через ноздри с трудом выходит дыхание» [313] (гл. 1, аб. 12).

Изначально же в современной истории защитная маска на лице самый свой еще первый раз упоминается в наличии именно у русских ратников — при защите «злого города» Козельска.

Вот чего больше всего остерегались вторгавшиеся в пределы Древней Азии (России) неприятели:

«...нападения персидской конницы, перед храбростью которой на открытых местах трепещут все народы» [312] (гл. 4, аб. 2).

Ну и чья же эта конная армия наводила ужас на врага уже во времена наиболее приближенные к нынешним?

Вот что в заключение говорит о войске своего в той войне противника грек Марцеллин:

«Столь смелый и привычный к боевым трудам народ мог бы покорить множество племен помимо тех, которые он себе подчинил, если бы его не беспокоили постоянно междоусобные и внешние войны» [311] (гл. 6, аб. 82).

Какими еще более точными словами можно охарактеризовать Россию и ее армию? Какими более подходящими словами можно охарактеризовать и безпрестанные на нас все накатывающиеся орды извечно враждебных нам иноверцев?

Но и Македония так же, как и три вышеперечисленные, — славяноязычная страна. Именно отсутствие языкового барьера между апостолом и местным населением — ярчайшее тому подтверждение.

Совершенно не случаен тот факт, что поглотившая впоследствии Мидию, Ассирию, Персию и Сирию, вышедшая из Индии Парфия придерживалась не только единого с завоеванной Римом Македонией языка, но и единого со своими славянскими родственниками из Италии и Этолии Бога. Потому культ Митры, то есть Солнца, перешел без каких-либо натяжек или переделок в Новый Завет.

Вот какой символ имела первая мировая Империя — Царство Персидское:

«*Государственный орел* — двуглавый орел... Древнейшее известное науке изображение такого орла, относящееся ко времени Мидийского царя Киаксара (635–594 гг. до н.э.), находится на развалинах близ нынешней туркменской деревни Уэйют (в древней Каппадокии, на границе Ассирии)... Одноглавый орел уже в то время служил у персов символом духовной власти; предполагается, что двуглавый орел означал соединение Мидийского царства с Ассирийским, совершившееся в 598 г. до н.э.» [2] (с. 16).

А объединила эти страны общая религия. Ее ознаменовало построение Второго храма в Иерусалиме. То есть Бог Израиля был тогда воспринят проживающими в Месопотамии славянами. Вот на основе такого союза и возникает Первая империя — Первый Рим. Ведь Рим — это Рума, город, где захоронены родоначальники израильских колен.

А вот какое духовное родство обнаруживается у Второго Рима:

«Появление двуглавого орла в Древнем Риме относится к периоду правления Константина Великого (306–337 гг.)...» [2] (с. 16).

То есть к периоду правления именно того монарха, который основал христианскую Державу, духовно наследующую Первому Риму.

Православная Москва, как известно, — Третий Рим. Потому и герб имеет такой, какой имели ей предшествующие мировые империи.

Древнейшая на земле

Самой древнейшей письменностью на земле считалась шумерская. Но впоследствии выяснилось, что сами шумеры эту письменность не создавали, а лишь позаимствовали у своих предшественников — так называемых *убайдцев*, более ранних обитателей Двуречья. Сами же *убайдцы* коренными жителями долин Тигра и Евфрата не являлись,

так как до них здесь пребывала иная культура, довольно примитивная. Этот примитивизм, названный на сегодня палеолитом и отнесенный к пещерному, чуть ли не полу животному состоянию человека, не такой уж и древний. Причиной ухода подвергшихся генетической мутации людей в полу животное состояние, судя по всему, является Вавилонское Столпотворение. Люди утратили самое главное, что их отделяет от животных — язык человеческого общения, потому так легко и быстро деградировали: скатились в каменный век. И лишь много позднее они были просвещены человеком, не утратившим ни своего первоначального языка, ни сохранных им навыков допотопной цивилизации.

В 1961 г. на раскопках холма Турдаш близ поселка Тэртерия в Трансильвании были обнаружены три маленькие глиняные таблички, очень похожие на шумерские, несколько ранее обретенные на раскопках в Двуречье. Однако датировалось это поселение, скрытое холмом Турдаш в Тэртерии, временем неолита, когда самих Шумер еще и в помине не было.

Сходными с этими табличками оказались и найденные ранее черепки посуды с такими же знаками в селении Винча в Югославии.

Датировка этих табличек — VI–V тысячелетие до н.э. Очень возможно, что это именно допотопное захоронение!

Сходными с ними оказались культуры Шумер, Крита, Трои.

Гриневиц провел сопоставление этих знаков со знаками праславянской письменности. Тэртерийским знакам, идентичным в графическом отношении праславянским, были присвоены фонетические значения последних (этимологический метод дешифровки), и ... полилась русская речь!!!

«РОБЯ ЯТЬ ВЫ ВИНЫ Ш-? Д`ЯРЪЖИ ОБЪ

РОБЯ — дети. Робя — дитя, ребенок (Срезневский)

ЯТЬ (ять) — возьмут. Яти, иму — взять, брать (Срезневский)

ВЫ — «вас» в значении «ваши». Вы — мест. 2-го лица мн. число — вы, вас, вам (Хабургаев)

ВИНЫ — вины, грехи. Вита — вина, грех, виноватость (Срезневский)

Д`ЯРЪЖИ (дяржи) — держитесь. Держати — дръжати — держать (Срезневский)

ОБЪ — около. Обь-о — предлог — около (Срезневский)

В третьем поле таблички, помимо знака, условно-фонетическое значение которого «Ш-», находится еще один знак, начертание которого неясно. В связи с этим текст, помещенный в этой части таблички, восстановить не удастся. И тем не менее, содержание надписи достаточно понятно и звучит так:

Дословный перевод:

Дети возьмут вас (ваши) вины, (потому?) держитесь около.

Современный перевод:

Дети примут грехи ваши — держитесь детей своих» [29] (с. 251–252).

С уточнением смысловых понятий эта фраза будет звучать так:

«Дети наследуют грехи родителей» [96] (с. 71).

Потому более уже не будет удивлять мнение еще самого первого исследователя древнейшего на Земле СЛОВА — Петра Орешкина:

«“В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО”. ОНО БЫЛО СЛАВЯНСКИМ» [115] (с. 7).

Итак:

«Праславянской письменностью выполнены: тэртерийские надписи (V тысячелетие до н.э.); протоиндийские надписи (XXV–XVIII вв. до н.э.); критские надписи (XX–XIII вв. до н.э.), в их числе надписи, исполненные линейным письмом А, линейным письмом Б и

Фестский диск; этрусские надписи (VIII–II вв. до н.э.), а также надписи, найденные на территории расселения восточных и западных славян и исполненные так называемым письмом типа “черт и резов”. Таким образом, **праславянской письменностью славяне пользовались на протяжении, по крайней мере, 6 (шести!) тысячелетий, до перехода на буквенное письмо...**» [29] (с. 254).

Но география обнаружения остатков нашей культуры все продолжает увеличиваться.

«...древнейшие памятники письменности, относящиеся к V–I тыс. до н.э. и находящиеся на громадных пространствах на территории почти всей Западной Европы, Греции, Балкан, Малой Азии, всего Средиземноморья, Крита, Древнего Египта, Индии и даже острова Пасхи, не говоря уже о Восточной Европе, Сибири (и даже частично Китая!) написаны на одном языке» [96] (с. 46).

И этим языком является наше Русское СЛОВО, руническое письмо на котором относится еще к самой первой на планете цивилизации — допотопной!

Отцом же этой цивилизации является, напомним, Ксисутрус: си суть Русь.

То есть все сошлось в нашем исследовании, буквально, — слово в слово.

Потому-то и культура наша еще тех древних времен выглядит теперь просто какой-то фантастикой в сравнении с куда как более примитивными культурами, на которые теперь всеобщее принято ориентироваться. И все это благодаря владения нами многовековыми наработками в различных областях науки, которые привез в наш слепопотопный мир на ковчеге из допотопной страны Рысиюнии патриарх спасшегося человечества Ксисутрус.

Вавилонская же генная катастрофа, завершившаяся ведущееся хамитами столпотворение, то есть строительство (творение) некоего Столпа, породила мутацию принявшего в этой затее участие человечества, ставшего с этого момента немым. То есть лишившимся данного ему Богом СЛОВА, а потому и не способного далее пользоваться теми наработками, которые, несомненно, были отображены в книгах, оставшихся в пользовании лишь потомками Сима. Только они миновали этой генной мутации, а потому и по сей день так все и продолжают обладать даром, полученного Адамом от Бога, — СЛОВОМ. Потому окружающие славян народности, вне зависимости от пестроты рас и наречий, всегда именовались нами не иначе как *немцами*, то есть *немыми*, дара нашего СЛОВА не имеющими.

«Словене древнее название славян. “Словен” или “славян” происходят от “слово”, т.е. говорящие, владеющие языком, в отличие от не умеющих говорить, “немых”, “немцев”...» [29] (с. 175).

И вот где в древности проживали люди, имеющие дар СЛОВА. То есть возможность разговаривать на первоязыке человечества:

«...закаспийские горы Балханы и европейские Балканы — этнонимы дахов Закаспия и даков Дакии... tagroi Плиния на Днестре и тохары Сыр-Дарьи и т.д.

...за это говорит и этнографическое их сходство с европейскими скифами на ахеменидских рельефах» [284] (с. 243).

Так что и у самих Балкан, откуда, как считалось несколько ранее, и вышли вообще все славяне, имеется на Ближнем Востоке свой прототип. Но и наименование более северных поселений славян, которые зафиксированы в Дакии, вновь указывают на свою ближневосточную и среднеазиатскую прародину. Но и всеизвестные скифы Причерноморья, которые и позволили само море в те эпохи именовать Русским (не путать этих скифов со скифами готами), нами обнаруживаются в Средней Азии — Средней России. Что вполне соответствует уже и этому топонимическому наименованию данной местности.

Вот еще свидетельства русской топонимики, оставленной славянами на юге Евразии: «...выходцы из Индии, у которых цари назывались россами.

...Одна часть... заселила степи между Доном и Днепром, водворилась по берегам Азовского моря и заняла весь Крымский полуостров, который... в воспоминание древней

их родины, около Киликийских гор Тавра, и назван был Тавридою... земли, занятые славянами, назывались Русью. Такое название сохранялось за этими землями еще до Р.Х., как мы видим из древнейшей географии Скифии, оставленной нам Геродотом... вся страна называется землею Роса...» [36] (с. 614).

Все вышеназванные термины, уже разобранные и предстоящие подетальному разбору, исконно наши: Русь так поименована от *Русы*, земля Роса — территория *Ксисутроса* (си суть Роуса), Скифия от фразы «с кивы» (сошедшие с камня люди), Тавр (Tavr=Таур) — тау Русы (где тау — гора). Так что сам «отец истории» полностью подтверждает нами выдвигаемые предположения о принадлежности русского человека к Слову, создавшему этот прекрасный мир.

Теперь, для полного окончательного подтверждения нашей принадлежности к семейству Сима, рассмотрим еще одну очередную обнаруженную археологами цивилизацию, к которой мы имеем свое явное отношение:

«Об Эламе широкие круги читателей знают удивительно мало, а между тем здесь (эламиты обитали в горных областях Ирана) были раскопаны древнейшие города, шедевры изобразительного искусства, обнаружены загадочные письмена, которые до сих пор пока еще не расшифрованы. В эламской культуре есть много черт, общих с убаидской и протоиндийской культурами, а *древнейшие письмена Элама, Двуречья и Индостана очень схожи между собой*» [29] (с. 246–247).

«**Еламь** = Еламида, Сузиана, область на сев.-зап. от персидского залива, населенная потомками Елама, сына Симова» [36] (с. 172).

Мало того:

«**Елам и еламитяне** — имя, упоминаемое в Библии... им то обозначается один из сыновей Сима и родоначальник еламинского народа, то говорится о Еламе как о стране, лежащей по соседству с Вавилонией, Мидией и Персией... не раз упоминается о еламитянах, отличных стрелках и наездниках, как союзниках персов в борьбе с Вавилоном» [138] (с. 227–228).

А жили они, что выясняется, рядом с пересохшим теперь морем, именуемым в древности Хвалынским. Теперь же, судя по всему, местность, на которой они сегодня проживают, именуется в полном соответствии своему прежнему наименованию — *Вольтинь*.

Причем именно богатейшими запасами рыбы и отмечена та местность, куда переселились из Междуречья вольтиняне. Вот что сообщает об этом Матвей Меховский. По его словам Вольтинь:

«...обильно орошается реками имеет много рыбных вод, так что, где только есть вода, там в ней и рыба. Рыбу не разводят у руссов в прудах и рыбных садках, а повсюду там, где есть вода, в ней появляется рыба, посылаемая, как говорится, с небесной росой, без всяких людских забот и без разведения» [263] (с. 96–97).

И это вполне согласуется с той местностью, которую они из-за высыхания обильных рыбой озер оставили на Ближнем Востоке.

Однако ж не только сама местность с ее жителями, но и само наименование моря перекочевало на север.

И здесь лишь следует предположить, что вовсе не в Междуречье оно находилось, но чуть северо-восточнее — в горной местности нынешнего Ирана — ведь даже в наше время это находящееся зажатым между хребтов плоскогорье сильно заболочено. Потому очень похоже, что в недавнем прошлом здесь находилось море, поддерживаемое в определенных размерах за счет бурного в то время таяния ледников окрестных горных цепей. Выливалась же отсюда вода в гигантский по тем временам океанский залив, оставшаяся на сегодняшний день часть которого, именуется Каспием.

Потому следует предположить, что вольтиняне, покинув свое обезвоженное море в горах, сначала переселились несколько вниз по той водной артерии, которая отобрала у

них воду (это как Ангара у Байкала в Енисей). А потому, переселившись на новые берега, наименование моря оставили прежним. Потому и в дальнейшем это наименование очень долго нами сохранялось за Каспием. О чем свидетельствует Олеарий:

«Русские называют его Хвалынским морем» [278] (с. 379).

Итак, отношение к нашему народу мы, пока еще не углубляясь в подробное рассмотрение вышесказанного, а лишь только по самым поверхностным данным, определили у сыновей Сима: Елама, Ассура, Луда и Арфаксада. То есть у четырех из пяти братьев. Между тем Арфаксад является родоначальником не только пеласгов, но и детей Авраама — израильтян:

«...Сим... родил Арфаксада... Арфаксад... родил [Каинана... Каинан... родил] Салу... Сала... родил Евера... Евер... родил **Фалека**... Фалек... родил Рагава... Рагав... родил Серуха... Серух... родил Нахора... Нахор... родил Фару... Фара... родил **Авраама**...» [Быт 11, 10–26].

Это родство подтверждается и в письме спартанцев к израильтянам, зафиксированном в Библии:

«Вот и список писем, которые прислал Дарий [Арей]: “Царь Спартанский Онии первосвященнику — радоваться. Найдено в писании о Спартанцах и Иудеях, что они — братья и от рода Аврамова”» [1 Мак 12, 19–21].

И это прекрасно видно из родословной пеласгов и древних иудеев, где просматривается их общий прародитель — Палек. Между тем это говорит и о том, что Спарта была не просто единокровна Иудее, но и единоверна. Упомянутое *писание* было не что иное, как первая книга Пятикнижия Моисея — Бытие. Но это нас уже теперь удивлять не должно. Потому как Бог всех сыновей Сима — *благословен*.

Иными словами, пеласги-спартанцы, дети Фалека (Пелега), как следует из вышеприведенной родословной, объявляют о своем кровном родстве детям Авраама — Иакова (Израиля), которые здесь поименованы иудеями.

Авраам является прямым потомком Палека. То есть известный нам изрядно, правда, чрезмерно опозитизированный западной пропагандой подвиг у Фермопил трехсот спартанцев, следуя данной родословной, можно назвать подвигом трехсот евреев. Это самый короткий анекдот. Ведь приписав себе принадлежность к Аврааму, нынешние ортодоксальные поклонники Ваала-Яхве, чья «способность» к принятию смерти «за други своя» общеизвестна, тем самым приписали себе и спартанцев! Здесь ими инспирированная ложь выглядит наиболее наглядно.

Не менее очевидно выглядит и полное несоответствие Божьему языку их афроазиатского наречия, которое с потрохами выдает фальсификаторов, чья родословная упирается своими корнями не в благословенное семя Сима, а в заклейменное *проклятьем* Хамово потомство Ханаана.

Каин, как известно, убил своего брата — Авеля. И лишь рождение Евой третьего брата, Сифа, увело человечество от появившейся угрозы принять на себя проклятье окаянного семени братоубийцы вообще всем потомкам Адама.

Но, к сожалению, пожелание Создателя оградить наследующих Ему людей от сорного семени каинитов оказалось выполнено лишь частично:

«...практически на протяжении всей священной истории Бог предостерегает от смешения верных Ему людей с теми, кто не исполняет Его волю. Уже на заре мира произошла величайшая катастрофа Всемирного Потопа, вызванная тем, что «сыны Божии увидели дочерей человеческих, что они красивы и брали их себе в жены, какую кто избрал. И сказал Господь Бог: не вечно Духу Моему быть пренебрегаемым человеками сими; потому что они плоть» [Быт 6, 2–3]. Традиционное толкование говорит, что сыны Божии — это потомки Сифа, верные Господу, а дочери человеческие — каинитки, и смешение этих двух родов привело к гибели древний мир. Помня об этом страшном

событии, св. Авраам заставил своего слугу поклясться Богом, что он не возьмет Исааку жену из дочерей Ханаанских [Быт 24, 3]» [182] (с. 6):

«И сказал Авраам рабу своему, старшему в доме его... клянись мне Господом, Богом неба и Богом земли, что ты не возьмешь сыну моему [Исааку] жены из дочерей Хананеев, среди которых я живу, но пойдешь в землю мою, на родину мою [и к племени моему], и возьмешь [оттуда] жену сыну моему Исааку» [Быт 24, 2–4].

Далее родословная настоящего (а не вымышленного раввинами) Божьего народа продолжилась следующим образом:

«И призвал Исаак Иакова и благословил его, и заповедал ему и сказал: не бери себе жены из дочерей Ханаанских; встань, пойдешь в Месопотамию, в дом Вафуила, отца матери твоей, возьми себе жену оттуда... И он пошел в Месопотамию к Лавану, сыну Вафуила **Арамеянина**...» [Быт 28, 1–5].

Здесь достаточно убедительно показывается, с каким упорством отвергается родство благословенного семени с семенем, *заклейменным проклятием*.

Однако ж именно с этим проклятым народом связал свою до того момента идеальную родословную Исав, взяв в жены хеттеянок (евеянок) — туземных обитателей древнего Ханаана, против которых так категорически были настроены его дед Авраам и его отец Исаак:

«И было это в тягость Исааку и Ревекке» [Быт 26, 35], так что последняя сказала, что она “жизни не рада из-за дочерей Хеттейских” [Быт 27, 46].

Закон Божий зафиксировал письменно эту норму: “Не бери из дочерей их жен сынам своим и дочерей своих не давай в замужество, дабы дочери их, блудодействуя вслед богов своих, не ввели и сынов твоих в блуждение вслед богов своих” [Исх 34, 16]» [182] (с. 6).

В противном случае:

«...воспламенится на вас гнев Господа...» [Втор 7, 4].

Этот гнев будет долго преследовать израильтян, отступивших от отеческих законов:

«Начиная со страшного поражения в Ваал-Фегоре, когда погибло 24 000 человек, и только удар Финееса прекратил наказание [Чис 25]; в продолжение правления судей, когда Самсон погибает из-за филистимлянки Далиды [Суд 16]; и до страшного грехопадения мудрейшего царя Соломона, чье сердце развратили жены [3Цар 11, 3]. Бог незамедлительно карал тех, кто нарушал Его повеление» [182] (с. 7).

Так что за желание родниться народу благословенному с народом проклятым потомки Сима всегда получали достаточно вразумительные наказания: сначала за связь благословенных потомков Сифа, Божьих детей, с окаянными потомством Каина планету залили волны Всемирного Потопа. Затем Вавилонское Столпотворение отделило благословенных потомков Сима от проклятого семени Ханаана, изменив язык и даже внешность участников этого мероприятия, создав между потомками Хама и его братьями этническую пропасть.

Но произошедших катастроф, что затем выяснилось, потомкам Сима было все еще мало: они так пока и продолжали отпадать к примитивистским верованиям окружающих их народов, смешиваясь с туземным населением местностей, куда заносила их периодически судьба.

Потому очень было важным в ту еще дохристианскую пору, когда этническое смешение напрямую грозило прекращению благословенного семени, предназначенного для боговоплощения, отринуть смешение с проклятыми народностями через семя человеческое. Ведь Бог Слова мог воплотиться лишь из того народа, который ни в коей мере не был бы подвергнут смешению с вавилонскими мутантами, столь к тому времени заполонившими планету. Потому, что и естественно, благословение Иакову дано было на родство исключительно с детьми Арама — младшего сына Сима.

«И он пошел в Месопотамию к Лавану, сыну Вафуила **Арамеянина**...» [Быт 28, 1–5].

Между тем в церковнославянском варианте последняя фраза звучит так:

«...И ОТИДЕ В МЕСОПОТАМИЮ К ЛАВАНУ СЫНУ ВАФУИЛА **СИРЬИНА**...» [Быт 28, 5].

Наш язык потому и назван *арамейским*, что впитывается в человека исключительно с молоком матери (это в противоположность детям хананеянок: Зелфы и Ваалы). В честь Арама была поименована и местность, населяемая его потомками:

«Страна, называемая Арам (главный город Дамаск)...» [138] (с. 59).

«**Арам** — арамейцы, сирийцы» [25] (с. 88).

То есть, как несколько ранее разобрали, *северяне*. И именно на сиро-арамейском языке: «...говорил Иисус Христос и Апостолы» [138] (с. 59).

Этот язык является тем самым, на котором разговаривало все население планеты, рожденное Симом. То есть дети того самого народа, чей Господь Бог *благословен*.

А потому теперь не кажется странной фраза, обращенная детьми Вавилона, халдеями, к своему персидскому завоевателю Киру, родом мидийцу:

«И сказали **Халдеи** царю **по-Арамейски**...» [Дан 2, 4].

Именно потому, что на этом языке разговаривали все потомки Сима, чьи народности входили в эту огромнейшую мировую персидскую державу: мидийцы, парфяне, ассирийцы, сирийцы, израильтяне (галилеяне-назарей, иудеи), римляне (этруски-венеты-фряги-галлы), лидийцы, пеласги-спартанцы и т.д.

То есть *все пять* родоначальников семитов связаны между собой и родством, и языком, а значит, и своим наипрямым отношением к *расе*, избегнувшей Вавилонского столпотворения.

И самое главное, что было сохранено в неизменности, — это СЛОВО. А так как Слово, которое было в начале, было — Бог, то теперь вполне понятно, почему Бог Слова воплотился именно среди *семитов*: лишь они одни в то время сохраняли облик (и язык) человека, созданного Творцом.

Доказательство это достигнуто лишь сопоставлением Библии и сообщений историков древности: Геродота, Софокла, Гелланика Лесбосского, Фукидида, Стефана Византийского, Страбона, Дионисия Галикарнасского.

Все вышесказанное подтверждают и последние изыскания науки:

«Антропосоциология обращает, в частности, внимание на тот факт, что именно белокурая длинноголовая раса образовала высшие касты Египта, Халдеи, Ассирии, Персии, Индии.

“На памятниках Египта, Халдеи и Ассирии все высокопоставленные лица изображены белокуроыми, голубоглазыми и высокорослыми... герои Гомера всегда блондины высокого роста и со светлыми глазами” (Жорж Ваше де Лапуж)» [211] (с. 22).

Современный «Православный Библейский словарь» подтверждает наши выводы:

«**Сим** — старший сын Ноя... в его потомстве сохранится истинная вера и Церковь, и действительно это благословение пребыло на потомстве Симовом. Прямыми наследниками сего благословения и обетования, ему данного, были в последовательной родовой линии от него: Арфаксад, Каинан, Сала, Евер, живший во время самого столпотворения, и в память разделения народов давший одному из сынов своих имя Фалек, что значит разделение; за Фалеком следовали: Рагав, Серух, Нахор, Фарра, и потом Авраам, сын Фары... В этом потомстве изначально преданием сохранялись: учение веры, память благочестивых предков и самые древние обыкновения; оно удерживало в **наибольшей чистоте и первоначальный язык, бывший прежде всеобщим**... Народы, происшедшие от Сима, как своего родоначальника и прародителя, по известной генеалогической таблице народов Книги Бытия известны под общим именем семитов. К ним принадлежат: происшедшие от Елама — еламитяне и персы; от Ассура — ассирияне; от Арфаксада [Израилевы колена и спартанцы — А.М.] ...; от Луда — лидяне Малой Азии; и от Арама — арамеи или сирийцы [северяне — А.М.] [Быт 10, 21–81]» [138] (с. 546–547).

Из вышеперечисленных имен сыновей Сима становится понятно, что не только Европа к началу нашей эры была заселена белыми людьми — выходцами из долин Тигра и Евфрата. Первыми странами, принявшими христианство еще до того, как его узаконили в самом Риме, являются страны, ранее находившиеся именно в Азии:

«**Асия** — 1) Азия; 2) Малая Азия (полуостров); 3) римская проконсульская Азия — provincia Asia [Деян 2, 9; 6, 9; 19, 10, 22, 26 и проч.]. В ее пределах находилось семь церквей азийских [Апок 1, 4–11].

Асианин = житель Азии» [36] (с. 26).

Очень похоже, что из этого термина кто-то совершенно умышленно изъясил букву **Р**. И если ее вернуть на свое законное место, то вместо *асианина* получится *рассиянин*, а вместо *Асии*, что уже рассмотрено, можно будет свободно прочесть настоящее название данной местности, которое она имела два тысячелетия назад. Читаем с внесением в текст неподвластной иным народам буквы: **Расия (Ра сия)**.

И вот кто стоял во главе этой древней страны по свидетельству еще в IV веке Аммиана Марцеллина:

«...царь Асийской земли...» [310] (гл. 1, аб. 2).

«Переводим» и эту фразу с наречия пришепетывающих: *Царь Российской земли*.

Вот еще фрагмент одного из древних трактатов, чей автор еще не был ознакомлен с нынешней парадигмой на исторические темы:

«Восточная же церковь [Русская — А.М.] начинается от Греции, либо Сервии [Сербии А.М.]... Она от рода славянского... и, простираясь через всю Грецию, оканчивается на востоке в горах Скиликии [Киликии — А.М.] и Сирии...» [432] (с. 220).

Потому становится понятным и то, к кому было обращено Откровение Иоанна Богослова. А адресовано оно было исключительно к:

«...семи церквам, находящимся в Асии...» [Откр; Апок 1,4].

Это сказано не о каких-то абстрактных церквях, имеющих в мире на тот час, но о **семи Церквях Российских!** Вот в чем причина нашего несомненного первородства в сравнении с дикими культурами эллинов и эфиопов, латинов и папуасов банановых островов. Вот где корни нашего никем не превзойденного умения Славы Слова: церковного пения, клира, литья колоколов, духовной литературы, монашества, паломничества. Вот почему Иоанн IV сравнивает церковь эллинов с церковью эфиопской: не к ним обращено Откровение Иоанна Богослова, не они имеют в Церкви Христа первородство, не они Богом избранный народ (язык свят), не их Слово было (и остается) — Бог!

А ведь это подтверждает и само наше СЛОВО, сохранившееся с древнейших времен исключительно у нас:

«**Праславянское письмо — слоговое, имеет около 70 знаков типа согласный-гласный и гласный. Формы знаков таковы, что финикийский, греческий, латинский и многие другие алфавиты явно произошли от него как от первоисточника**» [94] (с. 30).

Круг замкнулся: именно наше письмо представляет собой тот всеобщий древний прототип письменности, с которого некогда были сняты копии для конструирования вообще всех иноязычных алфавитов.

А вот свидетельство о вероисповедании жителей территории древней Палестины, часть которой, между прочим, достаточно странным образом некогда входила в состав Малой Азии, подтверждающая версию, что речь идет не о полуострове, но о какой-то нам теперь неведомой стране:

«В Святой земле почти все коренное население было православным до победы ислама...» [199] (с. 240).

То есть Асия, включавшая в себя, кроме Малой Азии, еще и Десятиградие, Самарию, Галилею и Иудею, уже и тогда по вероисповеданию являлась самой настоящей Россией!

Но ведь это никогда и не было особым секретом:

«Самой древней, так сказать классической, является “азиатская” теория, предполагающая, что славяне когда-то жили в Азии» [63] (с. 147).

Но они и теперь, что и понятно, названия своей страны так и не изменили...

Однако ж все то же подтверждается и еще куда как более существенными доказательствами. Вот что сообщает на эту тему Юрий Петухов:

«...в нынешней Турции, которую мы изъездили вдоль и поперек, большинство жителей имеет не тюркский, но славянский антропологический тип» [386] (с. 271).

То есть эта страна и теперь могла бы именоваться Малороссией, если бы оставшиеся здесь славяне не были отуречены исламом. Но славяне здесь не только когда-то жили, что выясняется, но живут и теперь. Правда, теперь они вовсе не славяне, потому как уже лишены они и дара СЛОВА, и возможности Славы Слова. Потому и именуются теперь по-праву, как, впрочем, и западные такие же опустившиеся, то есть онемеченные, в прошлом люди нам единокровные, — басурманы.

Но Юрий Петухов страны Ближнего Востока, в чьих жителях отмечает все же очень немалый процент русской крови, изъездил вовсе не в качестве туриста, но в качестве археолога. Потому вот что заявляет и о древней культуре тех жителей:

«Автор данной статьи неоднократно участвовал в археологических раскопках Европы и Азии, где все работы были полностью свернуты по одной причине — результаты раскопок подтверждали присутствие славянских культур» [386] (с. 293).

Как раз всего того, что от нас так тщательно и пытаются скрыть нынешняя археология.

Все вышеизложенное вполне увязывается и с языком, на котором разговаривало белое население тех стран: парфяне, *мидяне*, персы, еламиты, ассирийцы, сирийцы, израильтяне, а также жители предгорий Тавра и практически всех иных областей Малой Азии (Малороссии).

Птолемей еще во II в. по Р.Х. именует:

«...одно из северных племен Великоруссами (Vuillerozzi)...» [242] (с. 160).

Так что известие о существовании Великой России появляется почти сразу после принятия коленами Израилевыми Христианства.

«А что по поводу названия ее Великой должна была существовать современной ей и другая, отдельная от нее и Россия-малая, в том едва ли кто, с здравым смыслом в голове, усомнится, усматривая племена руссов во всех концах земли» (там же).

Но ведь еще самый первый наш историк Татищев подтверждал славянское происхождение жителей обнаруженной нами Древней Малороссии: Фракии и Миссии, Галатии и Каппадокии, Парфии и Галлии.

И вот что мы узнаем из жизнеописания строителя 2-й Русской Империи — Константина:

«Новая христианская столица... Константинополь, по имени своего строителя, — находилась между прежними столицами империи — Римом и Никомидией...» [155] (с. 18).

То есть находящийся в Малороссии город Никомидия (нико-Мидия) одним своим названием раскрывает национальную принадлежность населяющих его людей: жители Мидии с берегов Персидского залива к временам возникновения некоего государства, как нам теперь внушают — *греческого*, уже давно проживали на территории Малой России.

Вот как именуется население нынешней России Страленберг:

«...древние обитатели России между собою рознятся черными и червленными волосами; первая колония или поселение скифов, поселившихся в Сармации, была червленоволосыми, и понеже **они были пришельцы из Мидов...**» [371] (с. 3).

Вот пояснение этой на первый взгляд странной червленоволосости скифов-мидийцев:

«...часть оных имеют черные волосы и малые серые глаза, а другая, напротив того, красные или **русые волосы и синие большие очи**» [371] (с. 10).

То есть еще до исследований Татищева было прекрасно известно, что население России состояло из брюнетов, которые представляли собой туземное монголоидное население, и белых людей — голубоглазых блондинов, пришедших сюда, на несколько веков задержавшись в Малой Азии, из далекой Мидии.

Вот очередное подтверждение нашего уж не в столь далеком прошлом места достаточно длительного проживания в Малой Азии (Древней Малороссии), на родине Николая Чудотворца, нашего самого почитаемого святого. Что четко прослеживается из слов архидиакона Павла Алеппского, посетившего Московию во времена Алексея Михайловича:

«...перенесение мощей св. Николая Мирликийского чудотворца в г. Бари, — праздник, глубоко уважаемый здешним народом и известный только здесь [в Московии — А.М.] и у казаков» [277] (с. 44).

В иных же нашему православных государствах, что самое удивительное, праздник перенесения этих св. мощей в Бари был почему-то мало известен. Свидетельствует стольник Петра I Толстой П.А., в 1697 г. посетивший Бари:

«Под олтарем тое церкви в земле ниско... лежат святые и чудотворные мощи великаго святильника Николы... покрыты единым камнем мраморным. На том камне зделано едино окно малое, круглое... И в то вышеписанное малое круглое окно видеть святаго чудотворца Николы кость от ноги, которая суть лежит вся потопленна в мире, исходящем от пресвятых ево мощей; и поверх той кости святой стоит святое миро, видом подобно чистому маслу. В тое нискость, где его святые мощи лежат, никто не входит отнюдь; а миро святое достають той церкви каноники таким поведением: навяжут едину губу на серебряной жезл, на то устроенной, и опустят в вышепомяненное малое круглое окно со свечою, и тое губу, напоивши святым миром, исходящим от чудотворных мощей, выняв оттуду, выжмет в сосуд, и паки так же чинят, и сколко потребно, столко возмет, а миро святое никогда не оскудевает. И то святое миро каноники тое церкви требующим роздают без возбранения, кто сколко похочет взять, и без цены; и множественное число того святаго мира разбирають на всякой день приезжие молебщики, однако ж никогда не умалается исходить от чудотворных мощей, и весь мир тем святым миром чудотворец Никола призобилует и освящает. И всегда то святое миро в церкви чудотворцовой держит один каноник в серебряном сосуде и помазует приходящих неоскудно» [391] (л. 77–77 об.).

Однако ж ежедневно истекаемое миро — это лишь часть происходящих от мощей Николая Мирликийского чудес. Ведь здесь присутствует даже католиками зафиксированное чудо перенесения по воде камня. То есть полное подтверждение даже иноверцами нашего новгородского чуда, когда туда приплыл по воде на камне Антоний Римлянин. Про которого сказано:

«Согласно житию святого, составленному в XVI веке, Антоний родился в Риме от «православных родителей». В возрасте 18 лет, осиротев, он раздал имущество бедным (а часть его вложил в бочку и бросил в море) и принял монашеский постриг... Когда «князи» области, где находился монастырь, и «латиняне» начали гонения на православие, Антоний покинул разоренную обитель и в течение года предавался молитве на приморской скале. Однажды камень, на котором стоял Антоний, отломился от скалы и упал в море. Минувя «теплое море», Неву, Ладожское озеро и Волхов, святой чудесным образом приплыл на камне в Новгород, причем путешествие длилось всего три дня. Это произошло, по сведениям агиографа, в сентябре 1106 года, в канун праздника Рождества Пресвятой Богородицы... При содействии новгородского епископа Никиты Антоний основал монастырь в честь Рождества Пресвятой Богородицы, истратив для покупки земель и украшения обители остатки своего имущества, найденные в выловленной рыбаками бочке. В 1117 году был заложен каменный храм в честь Рождества Пресвятой Богородицы, который освятил епископ Новгородский Иоанн в 1119 году. В 1131 году святитель Нифонт Новгородский поставил преподобного Антония игуменом основанного

им монастыря. Он управлял обителью 16 лет, накануне кончины назначив своим преемником инока Андрея, которому приписывается авторство жития» (http://ru.wikipedia.org/wiki/Антоний_Римлянин).

Чудеса, казалось бы, что называется, в табакерке. Потому как с мироистечением понятно — его сотнями лет подряд собирают все: и католики, и православные. А главное, видят его все: и протестанты, и мусульмане, и иудаисты, и вообще всяких вер исповедники (атеистов в ту пору еще не существовало). И даже недавно чисто научно убедились в его практически неземном существовании, выделив из мира такие химические вещества, которые полностью подтверждают исключительно чудесным образом их появление в собираемой от плачущих икон жидкости.

Но как быть с приплывшим в три дня из Рима в Новгород камне? Сомнений в таком чуде быть просто обязано не мало. Неужели же лишь у православных такое бывало? А если только у них, то может быть, кто-то чего-то здесь и не так понял или не так изложил?

Но вот встречаем все то же в нами рассмотренной истории перенесения мощей из Мирликийских Николая Чудотворца — центрального из русских святых. Причем, подтвержденное уже не только Православием, но и католицизмом:

«В той же церкви на правой стороне есть один столп желтаго аспиду, которой стоял при мощах святаго Николы в городе Мире; и по принесении ево святых мощей тот столп приплыл морем в город Бар и ныне стоит в той же нижней церкви; от котораго столпа, сказывают католики, и ныне молитвами чудотворца Николы бывають чудеса верующим; и огорожен тот столб железными решетками вокруг» [391] (л. 77 об.).

И, повторимся, перенесение сюда этих св. мощей Николая Мирликийского, а также приплывшего чудесным же образом сюда же за ними каменного столпа, было почитаемо, еще за половину столетия до этого упоминания стольника Петра I, П.А. Толстого, о чем сообщает Павел Алеппский, не в соседней с Бари православной Греции и не в соседствующей с Ликией православной же Антиохии (откуда прибыл Павел Алеппский). Но почитаемо было в России (Великой, Малой и Белой) и у русских же казаков — в Запорожье и на Дону. То есть у тех, кому Николай Мирликийский был кровно родственен. Мало того, у тех, кто исповедовал именно его вероисповедание — Русское Православие. То есть у тех людей, которые во времена земной жизни Николая Чудотворца проживали в Малой Азии. То есть в Малой, по тем временам, России — Малороссии.

Вот почему нам так близок именно от тех времен и от тех территорий, теперь заморских, доставшийся нам по наследству самый чтимый и по сию пору нашей Церковью святой — Николай Мирликийский. Ведь несмотря на церковные предания, которые повествуют о нем как о заморском праведнике, мы всегда считали его исключительно своим — кровно родственным народу русскому. Все это было, как теперь выясняется, неспроста: мы чувствовали свою с ним не только духовную, но и кровную близость. А точнее, что сообщает нам писатель еще XVII века, мы об этом просто знали, а потому и чтили этого именно нашего, что выясняется, исконно русского святого.

И коль имя одного из славянских народов некоторое время даже красовалось в названии столицы Римской империи (Мидия), то не оставляет сомнения и то, кто в ней наводил порядок.

Но что за приставку имеет эта удивительная столица, про которую советские учебники по истории не удосужились даже упомянуть? Что могло означать это странное слово — *Ника*?

«**Ника** — (греч.) = *побеждай...*» [36] (с. 354).

Однако же названное почему-то *греческим*, это слово не менее странным образом некогда оказалась в обиходе у будущего императора Константина. И в тот период его жизни, когда он еще находился не в слишком-то и эллинских краях, но на Британских островах и в Галлии.

Чтобы хоть как-то попытаться выстроить логическую связь, пробуем выяснить истинное значение этого слова — *русское*:

«**Низети** — (древ. слав.) = снисходить, понижаться...

Никижти — (древ. слав.) = нагибаться, склоняться вниз; от санскр. корня *nakti*, **nika** — ночь, то есть время, когда солнце бывает под горизонтом, когда солнце **никнет**, исчезает (Матер. для словаря Микуцк., вып. II)» [36] (с. 1060).

А так как в городе Ника-Мидии в те времена обосновались язычники-сатанисты, то становится понятно, почему свою столицу они провозгласили **ночной** Мидией. Это явственно видно не только из корней нашего древнего языка, но даже из санскрита. Для эллинских же греков, искони погрязших **во мраке** язычества, именно **ночь**, когда вызываемые ими бесы временно торжествуют над миром, всегда являлась олицетворением их победы.

То есть теперь, после выяснения топонимов Малой Азии, рассеяны последние сомнения: **страны Ближнего Востока некогда носили ныне достаточно удивляющее название — Россия**. А их кровные братья-израильтяне проживали тогда как на западе, так и на востоке Европы. Поэтому белым континентом некогда и была названа очень обширная площадь расселения людей, знающих СЛОВО, — славян: Евразия (Ев/Расия).

Но это не новость. Чуть ли не век назад Джекоб Коннер, подводя итог множества исследований на эту тему, сообщал:

«...белокожие люди, о которых мы недавно узнали, и были предками народов в Шумерах и во всей Малой Азии, а также тех, кого называли “творцами Цивилизации” (Waddell L.A., L.L.D., T.T.I., The Masters of Civilization (1929)/Same, “Indo-Sumerian Seals Deciphered”)» [56] (с. 31–32).

Но не только светлокожими они были, но и светловолосыми:

«...кизылбаш, название персиан, значит златоглавый...» [184] (Гл. 12).

И вот какой удивительнейшей особенностью обладали эти расселенные в Малой (Р)асии народности:

«Родиной, отчизной... уроженцы полисов называли свои города...» [54] (с. 310).

Но не только городские жители этой местности были всегда настроены столь патриотично, что совершенно не соответствует нравам Запада:

«Родиной называли свои деревни и жители сельских местностей» (там же).

На фотографии саркофага из Шахут-Касаба (МАМА, IV, 82, а 1) изображен имеющий чисто русский вид бородач на фоне имеющего чисто русскую резьбу наличника. Если эту фотографию обозначить единственным термином — Родина, то уже ни у кого не возникнет вопрос: какая? Так как у изображенного на фоне русской избы русского человека Родина может быть только одна — наша, русская.

«Иосиф Флавий в Древностях иудейских, кн. 1, гл. 7, народ мешинов... указывает... в Каппадокии с прочими славянскими народами. Ортелий 12 в Тезауре месхи полагает пограничными с Иберией в Азии, гл. 13, н. 11, гл. 33, 34. Сии же, думаю, перейдя к северу по реке Ельбе, предел Мисию именовали, ныне Мейсен зовется, и большею частью славяне» [184] (Гл. 14).

«Геродот только об обрезании и употреблении льна говорит, а о языке не упоминает, а поскольку в гл. 34 и 35 показано, что славяне прежде в Сирии близ Египта жили, в Каппадокию, Колхис и Пафлагонию, оттуда к Дунаю перешли, а в гл. 3, что между галатами славянами там многие по обычаю израильтян обрезывались, то думаю это только о славянах оных разуместь» [184] (Гл. 16).

Но не только свое православное вероисповедание мы принесли на север уже в готовом виде. Вместе с населением древней Азии (Расии) на север перекочевало и его древнее законодательство:

«Имеются... подробности, говорящие о том, что “Русская Правда” создавалась на юге, а не на севере, так, например, мы находим указание на пахоту волами, а не лошадьми; никогда волы для пахоты в северных странах не употреблялись» [63] (с. 59).

А вот и основной аргумент в пользу нашего выбора в глубокой древности самой на тот день наиболее урожайной местности на планете:

«Почва, тоже наносного происхождения, была особенно плодородна в южной части страны, которая носила название Вавилонии и рядом с которой находилось другое Междуречье (между Тигром и его притоком Хоаспом) — Элам. Это был настоящий “сад Азии” [сад России — А.М.], где пшеница и ячмень давали урожай в 200 и даже в 300 зерен на одно посеянное зерно...» [47] (с. 32).

К сегодняшнему же дню, что и понятно, в данной местности таких урожаев не бывает.

Но и вообще география ближневосточного региона сильно отличалась от нынешней. Вот, например, как выглядела соседствующая с Междуречьем Аравия, превратившаяся к сегодняшнему дню в пустыню.

Во времена Александра Македонского, когда он вознамерился соорудить переносной флот, чтобы попытаться овладеть ею. Мало того, прорыть множество каналов для осушения ее гигантских озер и болот. До этих мероприятий середины IV века до Р.Х. Аравия была:

«...недоступной для нападения через озера и болота, так как обилие вод превращает эту страну в остров» [309] (гл. 1, аб. 11).

Так что Александру Македонскому и поставленному ему в роль своих вассалов огромному количеству людей, превращенных им в рабов, для превращения данной местности впоследствии в пустыню пришлось очень серьезно потрудиться.

Но и три с половиной века спустя, пусть и лишившись болот, озер и островов, отличающих эту скорее всего метрополию Европы Древней от иных, данная местность все еще вовсе не выглядела сухой. А рассказ о том, что она когда-то представляла собою остров, по словам Страбона, и действительно походит на правду:

«...разливы Евфрата образуют озера близ Аравии и существуют болота около Персидского моря, но перешеек, отделяющий их, не широк и не скалист, поэтому более вероятно, что вода именно здесь с силой прорвалась к морю» [309] (гл. 1, аб. 12).

Сама ли, или ей помогли прорваться, — не столь уж для нас и важно. Важно, что рельеф этой местности, где обитали в глубокой древности, то есть сразу после Потопа, какие-то оставшиеся неизвестными народности, сильно отличался от нынешнего. Это и могло стать главной причиной переноса историками, времен того же Страбона, сообщений об Элладе и Риме из данной местности на территорию Европы нынешней, в те времена еще слишком холодной, чтобы там можно было основывать сколько-нибудь населенные государства.

Но, со временем, так как близлежащие ледяные горы растаяли, то и вода из данного и соседствующих с ним регионов ушла. Потому, вскоре, урожаи упали. А так как к тому же высохли и кишасие рыбой пресноводные моря, то и приморские города, ранее находящие для своих обитателей пропитание рыбой и торговлей, оказались расположенными в пустыне. Потому мидийцы-эламиты уходят отсюда в Малую Россию. Где и оснуют, со временем, свой главный город, впоследствии ставший даже столицей Римской империи, Никомидию. Далее, после высыхания рек и озер уже и в этом регионе, малороссы покидают пространство между Тавром и Русским морем и переселяются уже на место нынешнего своего обитания — на Русскую равнину, где и обустраивают свое государство — Киевскую Русь.

И все же, почему именно Малой Россией становятся поименованными земли заселивших территорию нынешних Турции, Сирии, Ливии, Палестины и Израиля славян Элама и Мидии?

Во времена изгнания из земли обетованной колен Израилевых сначала ассирийцами, а затем и вавилонянами, северо-восточную часть их земель заселяют скифы. То есть ассирийцы. Это грандиозное выселение своих же соплеменников, проигравших военную кампанию, вызвано, скорее всего, ухудшением уже в ту пору климатических условий в Ассирии (России тех времен). Израильтяне же переселены ими в Среднюю Россию —

туда, где климат наиболее приближен к недавнему климату места их обитания в северной стране — Северии (Сирии). То есть это переселение, на самом деле, устраивало всех.

А основанная ассирийцами страна в Сирии строит свой юго-западный форпост в самом стратегически важном месте:

«...Скифополь распоряжается переходами вброд через Иордан и благодаря этому факту является, в случае опасности, воротами туда, где некогда была Ассирия» [56] (с. 31).

О чем это говорит?

Да именно о том, что этот город, после захвата в VII в. до Р.Х. данной местности Ассирией, был заселен ассирийцами, которые и есть скифы. Но самым важным здесь является то обстоятельство, что лишь расселением ассирийцев-россиян на ключевых землях Палестины и можно было как-либо попытаться закрепить за своей огромной империей эти некогда густо заселенные плодороднейшие территории.

Таким образом, данная местность становится провинцией Великой России. А потому и получает свое достаточно теперь выглядящее странным наименование Малая Россия.

Но климат здесь со временем меняется. И русское население покидает эти земли. Но остаются воспоминания и наименования наших прежних мест обитания, которые еще долго не выветриваются из нашей памяти народной:

«Отголосок античной традиции мы находим в легенде о Белом клобуке. В ней Словенск-Новгород назван Скифополем — столицей Скифии, каковой знали Русь именно в первоапостольские времена... Легенда свидетельствует: "...в Третьем же Риме, еже есть на русской земле — благодать Святаго Духа воссия"... Именно восходя к древним греческим и латинским манускриптам, возникла на Руси устойчивая формулировка: "...в северной стране, Третьем Риме, идеже Скифополь"» [18] (с. 411).

В древнем "Послании отца Авраамия и страдальца за веру к некоему боголюбцу сие" со ссылкой на Афанасия Великого читаем следующее:

«Скифополь же, северная страна, наша Руская земля» (Ссылка на материалы по истории раскола. Т.7. С. 421) [236] (с. 413).

То есть Скифополь вполне закономерно в середине первого тысячелетия н.э. переезжает на север, куда и уходят после очередного вторжения варваров его обитатели. И Третьим Римом он станет, судя по всему, сразу же после захвата власти в Константинополе революционными иконоборцами. То есть еще за пару веков до официального крещения Руси князем Владимиром.

Вот еще фрагмент переноса достаточно известных наименований древности в нынешнее их поселенцев и наименований обиталище. Вот как раскрывает Страбон загадку возникновения Тира и Сидона:

«На Евфрате встречаем другие острова — Тир и Арад, где находятся святилища, похожие на финикийские. По крайней мере, жители островов утверждают, что одноименные финикийские острова и города являются их колониями» [309] (гл. 3, аб. 4).

Точно таким образом, как и эти знаменитые в глубокой древности торговые города, переезжает откуда-то отсюда же в Европу нынешнюю и вся остальная Европа Древняя.

Вот еще мельчайший этого переезда фрагмент:

«Началом Аравии со стороны Вавилонии является **Мекена**» [309] (гл. 4, аб. 1).

Вот откуда пошло наименование греки *миккенцы*.

А вот сообщение все того же Страбона и о племени, предшествующем миккенцам, — *минойцах*:

«Самую крайнюю часть упомянутой страны населяют... **миней** — в части, лежащей на Красном море» [309] (гл. 4, аб. 2).

И т.д.

А вот уже нынешнее свидетельство о населяющих эту южную местность людях. Вот что подтолкнуло, например, В.В. Макаренко начать свои поисковые работы по определению местонахождения Древней Руси именно в данном регионе:

«...я просто был тогда журналистом, знакомился с жизнью курдов. Однажды я был в одной семье, где мальчик напомнил мне украинского хлопчика. Почему украинского? Курды говорят “якже”, “также”, “куды”. Поскольку курдского языка я не знал, а эти сокровенные словечки воспринимал, то про себя я их называл хохлами. Я спросил женщину, где мама этого мальчика. Она ответила, что та “обмерла” четыре года назад. Я понял, что курды говорят практически на одном языке с нами. Несмотря на то, что часть этноса ушла с Ближнего Востока, немалая часть родственного нам этноса — курды остались там, удерживают все эти территории и претендуют на них. Это было для меня первой зацепкой, и постепенно узелок начал развязываться».

Русский след в земле обетованной

Так что все вышеизложенное достаточно точно указывает на последовательность некогда происходящих в данном регионе событий, относящихся к древним переселениям нашего народа. В подтверждение тому имеются и сохранившиеся названия урочищ, гор, рек, городов этого дальнего от нас сегодня южного региона.

Столица израильского государства имеет чисто русское звучание: ИЕ-РУСА-ЛИМ. И нужно слишком плотно заткнуть уши, чтобы умудриться не расслышать в названии города нашего Бога названия нашего с вами народа — **РУСА**! А в городе со сходным названием оставили свои автографы на берестяных грамотах еще XI в. рыбаки и стряпухи, плотники и бортники — простые русские люди: Старая **РУССА** грамота № 6. «От Дедилы к Демьяну. Не отсылай отрока. Иду сам и 2 гривны везу». Сходство названий этих городов просто потрясающее — раньше этот город назывался просто **РУССА**.

Но ведь и вообще вся Европа, что уже отмечалось, после ухудшения климатических условий на юге, была заселена славянами. Которые не только сами сюда переселились, но и принесли в здешние места и просвещение. О том свидетельствуют легенды и предания не только у нас в России, но и на самом отдаленном северо-западе Европы:

«Именно венеды являются основателями знаменитой шотландской династии Сен-Клеров (или Синклеров) с их родовым именем **Росслин (Rosslyn)**! От них происходит легенда о скифском происхождении шотландцев и их обращении в христианство святым Андреем [обращение, разумеется, еще во времена их места жительства на Ближнем Востоке — А.М.]. Перед нами не раз уже отмеченная исследователями цепочка генетической преемственности венедов, винделиков, этнонима Русь и крещении славян-венедов Скифии Апостолом Андреем...» [18] (с. 414).

Что же это за Синклеры?

Все очень просто: это деформированное производное от *син(Сион)-клеры(клиры)*. Где: «**Клир**... = причт церковный» [36] (с. 252).

«Блаженный Иероним в IV веке писал: “Гунны изучают Псалтирь; хладная Скифия согревается огнем веры истинной...”» [18] (с. 414).

А это, между прочим, еще раз подчеркивает тот неоспоримый факт, что скифам изучать Псалтирь к тому времени не было никакой насущной необходимости. И такое наблюдалось потому, что этот народ знал святоотеческий учебник Славы своего Слова чуть ли уже и ни наизусть. И эти псалмы мы именно пели. Но не просто, а под аккомпанемент исключительно нашего народного инструмента — гуслей! Что и отражено в житиях многочисленных первохристианских святых.

И вот такая фраза, все из тех же святоотеческих наших источников, связывает далекий туманный Альбион с Палестиной:

«Пришли мы в селение за шесть миль от **Росса**» [38] (с. 351).

Вот и здесь северный шотландский Рослин совершенно однороден южному палестинскому достаточно крупному населенному пункту — Росс!

И опять там же:

«Двое отшельников жили выше горы **Росса**...» [38] (с. 352).

Ну, если уже и гора русским именем названа, то никаких сомнений в нашем пребывании в этой местности быть уже не может! Топонимика не ошибается никогда, а это название за нашей страной сохранилось еще со времен Геродота:

«...как мы видим из древнейшей географии **Скифии**, оставленной нам Геродотом “Седьмая река **Геррос** впадает в Борисфен (Днепр)... вся страна называется землей **Роса**...”» [36].

Геррос: Gerr Ross (господин росс).

И вот какой особенностью мы связаны с этой страной:

«...предание мертвых земле было скифского происхождения...» [183] (с. 63).

То есть так хоронили мертвых лишь те люди, которые не утратили своего языка вместе с памятью во время вавилонской мутации всех остальных людей планеты, перерожденных обезьяной Бога под себя — в немых примитивных неандертальцев.

А как выглядели скифы?

Как греческий царь Ахиллес, который был:

«...чистокровным скифом, родившимся на берегах нынешнего Азовского моря... Признаками скифского происхождения Ахиллеса, по словам Арриана, были его русые волосы, голубые глаза и необычайная ярость в бою, а также и скифский покрой его одежды с застежкой. Таким образом, величайший из греческих героев был по происхождению Скиф-Славянин, уроженец берегов Азовского моря, родины и нашего доблестного Донского казачества» [108] (с. 14).

Вот теперь и подведем итог, который позволит определить наименование человека, родословная которого напрямую относится к людям, сошедшим некогда с ковчега. Ведь те из людей, кто побывал на Вавилонском столпотворении и вследствие этого не имеет возможности произносить все звуки человеческой речи, никакой письменности после случившейся тогда катастрофы уже иметь не могли. Хотя бы и потому, что произнести написанное были просто не в состоянии. Но, очень похоже, что не только СЛОВО, но и память у них была отнята. Потому все эти потомки вавилонских мутантов ничего о своем прошлом связно сказать и не могут.

А вот мы можем. Потому и именовали себя, еще и много позже произошедших некогда событий, *сошедшими с Камня*, то есть *с Кивы*. И Русь наша потому и имела своим главным городом *Киев*, что вела происхождение от нерастерявших свою высокую допотопную культуру спутников Сисутьросса, сошедших некогда на голый Камень, т.е. склон горы вулканического происхождения — Арарат.

А вот как далее расшифровываются иные наименования, которые носили люди, сошедшие с Камня:

«**Скифия** = страна на С. от Черного моря, между Дунаем и Доном... Правили ею сперва **парфяне**...» [36] (с. 607).

Откуда же объявились эти самые *парфяне* на таком, казалось бы, дальнем от их метрополии севере? И что это у них за имечко заморское?

А оно какое не заморское:

«**Портъ** — ...лень [Ос. ев. Мф 12, 20]» [36] (с. 458).

«**Порфира** [портира — А.М.]... — ...пурпуровая, дорогая одежда [Лук 16, 19]...»

Порфиноносный = носящий порфиру; это название присвоается только владельческим особам и их детям. *Прол. мая 23*» [36] (с. 459).

А таковых, носящих *портиру* (то есть *порт*, от чего производное: *портянки*, *портной*, *портки*) по тем еще временам, была целая страна, которая, за свою незапятнанную кровосмешением с примитивными народами родословную и называлась: *Парфия*.

Славяне же, что общеизвестно, отличались от иных народов мира именно тем, что одевались в льняные ткани.

Но этой стране в данном регионе несколько ранее предшествовала *Персия*. Согласуется ли и ее название с принадлежностью к пассажирам ковчега Сисутьросса?

Человек, как известно из Библии, был создан именно из *персти* земной. Однако же:

«Бог берет не просто землю, но *“персть”*, тончайшую, так сказать, часть земли, и эту самую *“персть от земли”* Своим повелением превращает в тело...» [36] (с. 419).

Тело, заметим, именно того человека, который благополучно все же избежал Вавилонского столпотворения. То есть, как ни единожды сообщают греки и арабы, человека *цвета Адама*. Вот что собою означают люди, составившие костяк Первого Рима — Царства Персидского.

Вот еще очередной топоним говорит о нашем в Палестине былом присутствии.

В «Советской военной энциклопедии» на карте времен Иудейской войны 66–73 гг. гора Фавор, где произошло Преображение Господне, почему-то поименована *Табором* [114] (т. 3, с. 659).

Сначала возникает желание возмутиться безцеремонности революционных историков. Однако здесь следует припомнить, что звука **Ф** в нашем языке вообще не существовало. А потому, как и в случае с *портом* и *порфирой*, эту гору правильнее назвать не *Фавор*, а *Тавор*.

«**Фавор** — гора, расположенная в 9 км от Назарета, у греков известна под именем **Итавириум**, у арабов Джебель-Тор...» [168] (с. 2407).

Но в честь именно этой горы у ее подножья на берегу Галилейского моря стоял город практически с одноименным ей названием:

«**Тивериада...** Теперь город называется **Табарией**...» [133] (с. 2156).

«**Тивериада** (в настоящее время **Табарийе**)...» [111] (с. 695).

А ведь это нынешнее звучание города нам говорит теперь еще о большем: **Тавор Ие**.

И если нынешнее арабское Табарийе отнести к нынешнему же названию горы — Табор, то древнее название города Тивериада даст нам название горы, под которой он сооружен, — Тавор. Но и название самого этого озера, Тивериадское, однозначно сообщает нам о той самой горе, которая и послужила отправной точкой разделения славян от Киликийских гор Тавра на четыре стороны света.

И теперь, в сочетании с городами и горами — Нево и Росс, названием самой страны, Пале-стан, и главной реки, Иор-дан (Ие-род-дан), главного и второго по величине городов — **ИеРусалим** и Скифополь — гора Тавор не вызовет никаких вопросов. Именно горы Тавра, что в Малой Азии, некогда разделили потоки вышедших из Сирьской Месопотамии славян. Потому данное название легко перекочевало: как на запад — на Крит — к минойскому Мино-**Тавру**, так и на север — в Причерноморскую **Таврию** (Скифию) и на юг — в стан Фалека (Пелега), где и стала именоваться — **Тавор** (Фавор).

А ведь это очень древнее название:

«В древнерусской письменности есть несколько “сказаний о сотворении небеси и земли, когда не было ни земли, ни небеси, а только едино море Тивериадское”» [201] (с. 31).

То есть когда небо было затянуто черными тучами все непрекращающегося дождя, а земля была залита водами Потопа! И все живое на земле, погруженное в ковчег, носилось по нескончаемому морю, которое называлось Тивериадское.

Тивери-адское — что это может значить?

Ад, судя по всему, — это *ад* и есть. А вот Тивери (или Тавор Ие), судя по смыслу, будет означать рай. Место же само это — пуп земли. Что и стало нам ясно после Преображения Господня именно на горе Фавор.

Вот как у историка Лызлова поименована эта гора:

«...**Таурис**, куда приставал Ноев ковчег после потопа» [8] (с. 132).

То есть Тавр является лишь сокращенным производным от Таурус (Таврус).

Расшифровываем это название:

«“Тау” — это “гора” на многих тюркских языках» [201] (с. 245).

Тюркские же языки и лежат в основе тех наречий, которые занесли к нам термин Тавр, являющийся лишь производным от Таурус.

Мы же сами всегда именовали эту гору Кивой, от чего и главный свой город назвали Киевом.

Но и точную копию латинского звучания этой горы мы занесли в свою страну: **Таруса = Тау Руса**.

Так что на Руси, как теперь выясняется, имеется точная аналогия топографического названия, копирующего собою наш Фавор в земле обетованной.

И там же, рядом, лишь разделяясь с нашим Таурусом (Тавросом) течением великой реки Иордан, некогда стоял город Пелла, давший название полуострову Пелопоннес, куда история переносит место обитания спартанцев-пеласгов, чье библейское уведомление об их родстве с Авраамом позволяет предположить, что до ухода своего на запад это племя проживало здесь. А позднейшее переименование Пелопоннеса в Мориа однозначно указывает и на духовную переориентировку обитателей этого полуострова (в полный противовес языческим Афинам) в ветхозаветное вероисповедание Бога израильтян. Именно на горе Мориа в ИеРусалиме Царю Давиду было указано возвести Храм. Это единство вероисповедания с Иудеей и закрепляет указанное в книгах Маккавейских их дружественное родственному народу послание.

Выше рассмотренные города, Пелла и Скифополь, входили в состав одной и той же страны:

«Декаполь или Десятиградие = страна в Келесирии, о коей упоминается у Матф 4, 25; Марк 5, 20; содержит в себе десять городов, исчисляемых Плинием кн. 5, гл. 18: Дамаск, Филадельфию, Пеллу, Гадару, **Скифополь**, Дион, Рафану, Иппону, Галазу и Канафу» [36] (с. 139).

И если отношение к нашему народу пеласгов выявилось только сейчас, то уж скифами нас называют достаточно давно. И вот, наконец, выясняется, что воспеваемые Платоном столь неведомые ему загадочные носители культуры атлантов, стоявших много выше его собственной цивилизации, давших названия топонимике Пелопоннеса, — это и есть те самые северные скифы, которые обитают у Скифского моря, и что и те, и другие некогда жили в знойной Палестине.

«**Палестина** — страна в Малой Азии, где жил и страдал Господь наш Иисус Христос... производят это слово от санскритского — *палестань...*» [36] (с. 404–405).

«**Стан** — ...звездный дом, гостиница, постоялый двор; жилище, комната, лагерь [Исх 4, 24]. Всех станом, или стоянок, израильтян во время шествия их в землю обетованную было 41 или 42. (См. подробнее в *Библ. археол. Иеронима*, вып. 2, 1884 г., с. 292–324)» [36] (с. 658).

Иными словами, страна Палестина (Пале-стан) получила свое нынешнее наименование от некогда произошедшей здесь стоянки названного за свою склонность к перемене мест «аистами» племени пеласгов — потомков Палека (Фалека), что и ставит знак тождества между некогда проживавшим в данной области народом Иудеи, народом Спарты и народом Этрурии.

А вот и еще очередной термин при ближайшем рассмотрении объявляет о своей причастности лишь к нашему древнейшему на земле языку:

«Не один из семитских языков, в том числе иврит и арабский, не дают этимологии топонима Сион... Наоборот, русские паломники в Палестину — люди зачастую высокообразованные для своего времени, с глубоким знанием уже недоступных нам исторических данных, упорно называли гору Сион — Сиян-горой... Переход же **А** в **О** для иврита закономерен — это язык “окающий”» [254] (с. 16).

Но и на нынешней территории России эта знаменитая гора запечатлела свое присутствие в качестве перенесенного сюда этого древнего топонима. Саяны — это и есть та знаменитая Сиян-гора, утверждающая необыкновенную русскость Сиона в «еврейском» Иерусалиме.

А вот и еще одна гора, чье название полностью согласуется с нашими исконными наименованиями местности. Она практически одноименна морю *Нево*. То есть древнему названию Ладожского озера. И это все опять там же. На сей раз на северо-восточном берегу Мертвого моря. Иные же карты то же место обозначают городом Нево, что закрепляет устойчивость данного топонима.

Что он означает? Может, имеет какое-то отношение к некогда запечатленному древним этрусским автором в камне огненному яйцу *Наво*?

Очень может быть — ведь даже «Бел-горюч» как раз и означает, по всей видимости, название предмета поклонения завоеванных израильянами аммонитян Белу (Ваалу), который, являлся каким-то остатком этого самого «горюч» Бела, то есть огненного яйца «Наво». А потому достаточно ясно прорисовывается смысл следующей фразы, повествующей о захоронении израильянами своего вождя:

«...на том месте, где погребли Моисея, был почитаем неверными именно сам диавол, который и не желал, чтобы тело Моисея было погребено ангелами близ его капища...» [172] (с. 9).

Капище же находилось на горе Нево. Вот еще вариант озвучивания разбираемого нами топонима, странным образом повторенного в наименовании озера в двух тысячах километрах от своего прототипа:

«**Нево...** [Ис 46. 1] название Халдейского или Вавилонского божества, представлявшего, как думают, планету Меркурий и боготворимого Ассириянами и Вавилонянами. Название этого божества нередко встречаются в некоторых собственных именах, как напр. **Навуходоносор**, **Наболоссар**, **Навусардан**. Большой храм означенного божества был в Борсиппе...» [111] (с. 508).

И вот за какой местностью закреплен этот топоним:

«**Аварим** — цепь гор, простирающихся по восточному берегу Иордана, из которых самая высокая гора **Нево** или **Навав...**» [132] (с. 19).

Неудивительно, что это самое огненное яйцо *Авро* — Наво=Наву=Нево — пройдя Этрурию, Палестину, Вавилонию и Ассирию, обозначилось теперь у нас. Туда же, через речку Волхов, в Ладожское озеро (в прошлом море Нево) на уединенно расположенные острова, оказалось перенесено и имя библейского *волхва* — Валаама. Что и еще в очередной раз подтверждает наше некогда явное пребывание в странах Ближнего Востока.

Кстати, вообще все страны этого региона нами уже расшифрованы на русский язык. Это Ассирия (Россия), Сирия (Северия), Палестина (стан Палека). Крупнейшие здесь города оказались нашими: и Скифополь, и Ие Руса лим, и даже Дамаск (см.: [385]). Горы наши: Росс, Сион (Сиян), Фавор (Тавр=Таврус=тау Рус); хребет Тавра, за которым простиралась ледяная пустыня Гипербореи (крайнего севера). Река Иордан (Ие род дан). И т.д.

Так что страна эта — наша, Русская. И нечего теперь более удивляться тому, что в Русской стране жили Русские люди. Полнейшая связь топонимики никаких сомнений более не оставляет.

Но и порядки, некогда существовавшие в Древнем Израиле, слишком очевидно напоминающие порядки в Риме, подтверждают эту связь:

«...каждому бедному для утоления голода позволялось собирать в чужом винограднике ягоды, на чужом поле рвать колосья, только не позволялось брать с собою... [Втор 23, 24]. Во время жатвы требовалось не дожинать до самого края поля... оставшиеся колосья и плоды предоставлялись бедному, вдове, сироте и пришельцу [Лев 19, 9 и д. Втор 24, 19]... В праздник... Иудеи, по закону, обязывались разделять свое семейное празднование с

рабами, с пришельцами, с вдовами, с сиротами, каждый по своему усердию [Втор 16, 10–17]» [111] (с. 99).

Все то же, что нам самим уж распрекрасно известно, испокон века существовало лишь у нас в России.

Новорожденному Младенцу пришли поклониться волхвы с востока. Кем они являлись?

В VI в. до Р.Х. персидский царь Кир, родом мидиец, чьи владения простирались от Индии на востоке и до Египта на западе, принял религию древней Иудеи. И именно он отпускает плененных иудеев домой и повелевает восстановить Иерусалимский храм.

Рамками Персидской державы это вероисповедание не ограничивалось, но распространялось также на Спарту и Рим, что и объясняет такое обилие описываемых апостолами в их путешествиях так называемых иудеев. То есть людей, исповедующих ветхозаветное вероисповедание. А ведь все они были расселены на территориях обитания именно славян.

Один из волхвов прибыл, судя по его одеянию, с севера. И мы до сих пор помним, как он покидал нашу северную землю (считается, что Великий Устюг). Потому ежегодно, копируя тот древний поход, он приносит детям подарки. Теперь, правда, вместо Рождества Христова, почему-то на Новый год...

И лишь оставшийся неизменным наряд того древнего волхва, подарки и посох напоминают нам о событиях той далекой поры.

Вот еще подробности, объясняющие в былые эпохи пребывание русского человека именно в Сиро-Палестинском регионе. Вот, например, что сообщает В.В. Макаренко о русском городе Русы, где на Сиян-горе был воздвигнут Ему храм:

«Этот город, по летописи, находился “от Словенска Великого яко стадий 50 у Соленого Студенца”» [66] (с. 35).

Этим же *студенцом*, тем более *соленым*, пресное озеро Ильмень уж никак не назовешь. Так что же это?

Не иначе, как всем известное плотностью своей соленой воды Мертвое море. Только одно оно, выталкивающее на поверхность погружаемые в нее предметы, и может походить на упомянутый летописцем *студень*.

Подобные же тому свойства приписывает Мертвому морю и Страбон:

«Никто, погрузившись в озеро, не может утонуть, но поднимается водой на поверхность» [309] (гл. 2, аб. 42).

А вот где находился наш древний город Новгород:

«...Словена или Новгород — это современный Наблус, что стоит на горах Ефраимских. Тогда понятно, почему скандинавы называли его Хольмгард... Наблус даже сохранил свое имя, поскольку этот топоним по-прежнему означает Новгород» [66] (с. 36).

И действительно: Наблус — *нав улус* (нов город)!

Киев (кива=камень), что по-гречески значит Петр, так и значится в числе раскопанных городов той местности — Петра.

А оба эти города в единую страну объединены следующей фразой Страбона:

«Главный город **набатеев** — так называемая *Петра* [камень], так как он расположен на гладком и ровном месте, но защищенном кругом скалой» [309] (гл. 4, аб. 21).

Набатеев — жителей **Новгородской** республики (жителей окрестностей Наблуса).

И вот как отделяют иноземцы этот наш зародыш Святой Руси от всего множества своих эллинских и варварских городов:

«Город имеет прекрасное государственное устройство. Афинодор, философ и мой спутник, которому случалось побывать у петрейцев, описывает их государственное устройство с удивлением» (там же).

И вот чему он более всего поражается:

«Ему пришлось наблюдать там, как чужестранцы вели тяжбы друг с другом и с местными жителями, но местные жители никогда не обвиняли друг друга в суде, а жили между собой в полном мире» (там же).

Вот чем всегда отличался истинно русский мир от иноземного — *согласием*. Потому как если человек побожился, то есть объявил перед Богом свою невиновность, то лишь ему вера, а не инородчине извечно лживой и льстивой. Что как раз именно сегодня и забыто. А потому именно сегодня в цене эта инородчина. И именно потому русскому человеку не выжить, если он перестает оставаться русским.

А вот как Страбон описывает наши земли, когда они находились далеко еще там — на юге:

«Страну благовоний делят на 4 части...» [309] (гл. 4, аб. 25).

Как когда-то делился и Новгород — аккуратно на все те же 4 конца.

Вся же Новгородчина делилась на пятины — то есть 5 административно независимых частей. Но и здесь все то же:

«По другому мнению, вся Счастливая Аравия распадается на 5 царств, в одном из них обитают воины, которые сражаются за всех; в другом — земледельцы, которые снабжают остальных хлебом; в третьем — ремесленники; четвертое и пятое — царства, производящие смирну и ладан... Занятия у них не переходят от одних к другим, но каждый остается при отцовских занятиях» (там же).

Главным же городом Новгородской республики, что затем окажется, являлся Киев. Ранее же — Петра, само место расположения которой совсем не увязывается с нынешним Киевом:

«...летопись помнит его совсем лесным городом: “И бяше около града лес и бор велик”» [49] (с. 72).

Мало того:

«...Кий с братьями, основавшие город Киев среди “леса и бора великого”, были звероловы, “бяху ловяща зверь”» [49] (с. 80).

Сейчас, что и понятно, в чисто степных районах Киевщины никакими лесами и не пахнет. Не было их здесь, что более чем надежно подтверждает исследование почв данного региона, и тысячу лет назад.

И вот что за *зверей* те древние славяно-русы, в окрестностях того самого ими упоминаемого города Киева, *ловяща*:

«В древних русских памятниках встречаются названия... **пардуса**...» [286] (с. 3).

Например:

«В слове о Полку Игореве упомянуто “*пардуже* гнездо”, с. 128. В 1159 г. Святослав Ольгович сделал Ростиславу... подарок, дал ему *пардус*; в 1147 году Олег в Москве подарил тестю своему, Юрию Долгорукому, пардуса: “Еха наперед к Гюргеви и да ему *пардус*”» (там же).

И вот что это за зверь за такой:

«В переводных памятниках словом пард, пардус означает *барс* или *пантера*, *леопард*» [286] (с. 4).

И где ж такое зверье водится?

Ясно дело, что уж никак не у нас на Русской равнине. Но где же в таком случае?

Так ведь аккуратно именно в Междуречье, о котором, что на самом деле, и повествуют все наши памятники древнерусской культуры. Ведь все вышеперечисленные звери распрекрасно водятся там и по сию пору. Что странного в том, что их ловили здесь полторы-две тысячи лет назад наши древние сородичи?

Если же все вышеупомянутое перенести на наше нынешнее место обитания, то получится полная чепуха. Не было в нашей степной зоне тысячу лет назад, куда историки определяют время проживания князей Игоря, Святослава Ольговича и Юрия Долгорукого, никаких лесов. Мало того, ни пантера, ни леопард, ни барс в окрестностях Русской равнины не водятся и никогда не водились. И никакого их здесь *гнезда*, в пределах

нынешней Киевщины, что лишь в очередной раз подтверждает судя по всему еще ветхозаветных времен запись «Слова о полку Игореве», никогда не было и не могло быть в природе лишь еще в силу слишком разительного отличия климатических условий нынешней Руси от Руси былинной, о которой, судя по их смыслу, и повествуют наши летописи.

Иностранцы же, чьи записи как раз вполне и соответствуют как времени, так и месту нашего в тот момент обитания, вот о каком промысловом зверье на русской равнине сообщают:

«...арабские писатели постоянно упоминали, что главная торговля русских состояла из бобров, соболей, лисиц, куниц и горностаев, которых они привозили к своим соседям» [286] (с. 15).

У них у всех до единого и малого намека нет на каких-то зверей из семейства кошачьих. И все потому, что даже рысь, судя по всему, водилась только далеко за Уральским хребтом. Потому среди продаваемых арабам мехов ни о каком *пардусе* (барсе, пантере или леопарде) нет и намека.

Сочинения средневековых немцев, чьи записи дошли до нас также в мало искаженном виде, аналогично греческим, римским и арабским ни о каких пардусах, якобы добываемых на Руси, известий также не несут.

Зато уже в наших летописях тут и там встречается обратное — полное несоответствие описываемой местности нашему нынешнему обитанию. О Русской равнине, более чем это необходимо богатой сенокосами, например, сообщается как о местности, где не возможно было завести достаточного количества лошадей:

«Под 1240 г. отмечено, что немцы и чудь “поймаше по Луге вси кони и скот и нельзя быша орати по селам и нечим”. Владимир Василькович в 1288 г. раздавал лошадей и скот убогим и тем, у кого их не было» [286] (с. 47).

А через некоторое время, о чем будут писать средневековые немцы, наша страна станет самой на домашний скот богатой в мире. Причем вплоть до большевицкой революции, когда скот просто отберут, а коза будет именоваться «Сталинской короной». Странно?

Лишь в том случае, если Древнюю Русь поместить на Русскую равнину. Если же поместить ее в страну виноградников и колючих кустарников (что-то типа южного побережья Крыма), где для поддержания достаточного количества лошадей придется специально для них сеять овес, то вопросов вновь не возникнет. Здесь легче разводить верблюдов, чем лошадей.

А именно овсом, о чем и упоминают древние источники, у нас и было принято кормить коней:

«Люди богатые кормили своих коней овсом...» (там же).

Чем кормили бедные — не упомянуто. Потому-то бедным их и было иметь здесь, на нашей Древней то есть былинной еще Руси, что на самом деле находилась в Месопотамии, достаточно сложновато.

На нашей же нынешней территории никакого овса лошади не требуется. Ей вполне достаточно как свежей травки, так и скошенного в сезон сена.

Все тоже касается и крупного рогатого скота:

«Промысел скотоводством не был развит в Древней Руси; хороший скот добывали от степных народов; вообще у народа его было мало...» [286] (с. 48).

То есть мало на Ближнем Востоке, но уже много — на Русской равнине.

Вот пример:

«...в 1913 году, по сведениям министерства сельского хозяйства, живность в России по сравнению с 1904 годом увеличилась почти в два раза» [331] (с. 24).

И вот с какой цифры она удвоилась:

«Статистика за 1904 год показывает, что Россия в то время имела: коней — 26 миллионов, рогатого скота — 36 миллионов, овец — 52 миллиона и свиней — 22 миллиона» (там же).

То есть к этой пресловутой «революционной ситуации» в России стало: 52 млн. коней, 72 млн. голов рогатого скота и 104 млн. овец!

И если учесть, что подавляющее число этой живности разводили в деревнях, а:

«...в русских деревнях сплошь и рядом имелись семьи с 10–15 детьми...» [146] (с. 167–168),

то в таком случае следует констатировать, что в среднем на крестьянскую семью в те дореволюционные времена, столь руганные захватившими власть в стране большевиками, приходилось что-то порядка 6 коней, 8 коров и 12 овец.

Такого обилия скота на душу населения не было нигде в мире. Потому утверждение, что «промысел скотоводством не был развит в Древней Руси» следует отнести лишь к той самой Руси, чьи особенности мы так скрупулезно и разбираем.

Потому, чтобы и землю-то пахать, заводить лошадь здесь было делом уж очень невыгодным. И пахали в данной местности исключительно на редких здесь быках лишь потому, что данные животные использовались здесь двояко: быки для пахоты, а коровы для молока. Потому и Русская Правда содержит в себе исключительно южный вариант обработки земли — на быках.

Вот еще свидетельство о былинной Древней Руси, находящейся в ту пору на Ближнем Востоке. На этот раз доказательства ее местонахождению касаются области растениеводства:

«...до XV столетия русские сеяли рожь, овес, пшеницу, просо, полбу, ячмень, лен, коноплю, горох, чечевицу; **о грече нет помину**» [286] (с. 62).

А ведь самой продуктивной культурой в Московской и соседствующих с ней областях всегда являлась именно *гречка*. Почему же она вообще не использовалась земледельцами Древней Руси?

Так все потому же: Русь эта Древняя находилась вовсе не здесь — не на Русской равнине.

А вот еще с нами просто один в один совпадающие особенности народа Наблусской республики набатеев:

«Братья у них в бóльшем почете, чем дети» [309] (гл. 4, аб. 25).

Такого не было нигде в древнем мире. Везде и всегда, кроме Руси летописной, наследовали исключительно дети.

А вот еще параллель:

«За прелюбодеяние полагается смертная казнь» (там же).

Это также для развратных времен эллинизма является наипервейшим нас от всех отличием. Ведь камнями, кроме нами рассматриваемой набатеи, за разврат побивали только в родственном нам, что выясняется, Древнем библейском Израиле. То есть практически все в той же стране.

«Набатеи — разумный и хозяйственный народ. Поэтому они подвергают расточителя имущества публичному наказанию, а тому, кто увеличил его, дают награды. Так как рабы у них — редкость, то большей частью они пользуются услугами родственников или же служат друг другу; этот обычай распространяется даже на царей... Царь держится настолько близко к народу, что не только обходится без слуг, но даже сам иногда в свою очередь оказывает ответную услугу. Нередко он отдает отчет в народном собрании, а иногда там подвергают рассмотрению и самый образ его жизни. Жилища набатеев стоят дорого, так как построены из камня. **Города у них, оттого что они живут в мире, не обнесены стенами**» [309] (гл. 4, аб. 26).

Вот в чем самое главное отличие городов Древней Руси от городов в первую очередь выполняющих функции крепостей всего окружающего ее иноверного мира.

Необычайная их набожность также отмечена Страбоном. Причем само устройство храма очень напоминает древнеиудейское сонмище, чей алтарь ориентирован на восход солнца — Ие го(ло)вы:

«Они почитают солнце, воздвигая жертвенник наверху дома; ежедневно совершают возлияние и воскуряют ладан» [309] (гл. 4, аб. 28).

Далее:

«Москва соотносится с названием Дамаска...» [66] (с. 391).

Здесь заложено производство и распродажа *москательных* товаров. То есть сегодня столь всеми высоко ценимой парфюмерии. Дамаск означает *дае моски*, то есть предоставляющий или продающий москательные товары город, а Москва — *моски вае*, то есть эти товары ваяющий — производящий.

Причем, Москва, находящаяся сегодня на Русской равнине, сильно не соответствует тому своему еще летописному прототипу в очень главном — во времени построения Московского Кремля из камня. То есть фактического появления Белокаменной.

Вот как описывает в конце XV века вид Москвы Амброджо Контарини:

«Город Московия расположен на небольшом холме; он весь деревянный, как замок, так и остальной город» [349] (с. 228).

Кремль города, что для нас удивительно, поименован деревянным.

А вот еще намек из иностранного источника все на ту же тему. На этот раз свидетельствует австрийский посол Даниил Бухов.

Сын Василия Темного, что следует из его повествования «Начало и возвышение Московии», в 1480 г.:

«...покорил Псков, который один только во всей Московии окружен стеною» [356] (с. 9).

То есть так же, как и Контарини, Даниил Бухов свидетельствует о том, что наши повествования о некоей Белокаменной, как столице нашей страны на Русской равнине, являются вымыслом. Во всей Московии в ту пору была лишь одна каменная крепость — Псков.

А вот лишь когда появляется такая вторая. Барон Майерберг свидетельствует о Москве следующее:

«...в ней нет такого множества народа, как полагали некоторые... В ней крепость, называемая Кремль, местопребывание Великих Князей, не меньше средней величины города, впервые обнесенная каменной стеной Иваном, сыном Василия Темного» [360] (с. 123).

И вот когда могла быть построена им каменная Москва:

«Иван III (22.1.1440–27.10.1505, Москва)... с 1462 Великий Князь Московский» [168] (т. 3, с. 482).

То есть в период от 1480, когда лишь Псков имел каменную крепость, по 1505 год.

Спрашивается — почему, ведь еще до Куликовской битвы, о чем свидетельствуют наши летописи, наша Москва была уже белокаменной?

А все дело в том, что летописи как раз и свидетельствуют не о нынешней, но еще о той Москве, которая находилась где-то на Ближнем Востоке. Причем, время его белокаменного строительства, а следовательно, и Куликовской битвы, относится ко времени, когда Русь еще находилась на той южной теперь оставленной нами территории.

Вот еще очередное несовпадение размеров Москвы Древней с Москвой нынешней — на Боровицком холме. Вот что о Москве сообщает побывавший в ней в 1678 г. чех Бернгард Таннер:

«Окружность всей этой громадины, говорят, заключала когда-то в себе 55 верст, т. е. 9 немецких миль, ныне же... она уменьшилась и, как москвитяне полагают, заключает 5 миль» [454] (с. 68).

С чего бы это она уменьшилась и не на сколько-нибудь там еще, а аж вдвое?

А с того, что древняя Москва, о которой велась речь, ничего общего с Москвой на Боровицком холме не имеет.

Но так было не только с Москвой, но и со всеми иными упомянутыми в летописях городами. Например:

«...летописная история древнего Новгорода — это явно история, отстоящая от нынешней территории России на тысячи километров и на тысячелетия по времени от тех лет, к которым эти события традиционно относятся. Ее большая часть — это вариант истории Израильского царства...» [66] (с. 124).

И здесь многое требуется еще уточнить. Но несомненно лишь одно:

«Этнос, который мы сегодня называем русским, проживал на территории современных Сирии и Ирака, а также в районе Месопотамских болот... Озерный край Месопотамии когда-то был колыбелью цивилизации, к которой мы принадлежим изначально» [66] (с. 162).

Но и не только там проживал некогда русский человек, но и на территории Святой Руси, где теперь принято селиться некой такой национальности «евреев»:

«...на территории Палестины сейчас проживает немало, буквально миллионы русских, даже если они думают, что они израильтяне. Наши летописи позволяют доказать, что Древняя Русь — это территории, которые сейчас более известны как историческое Израильское царство» [66] (с. 386).

Приведем здесь лишь пару примеров именно летописями указывающими на наше некогда проживание именно здесь.

Пример первый. Князь Владимир не крестил киевлян в *Днепре*. В летописи названа палестинская речка **Почайна**:

«**Пучай река** = нынешняя Почайна. См. это слово. В некоторых вариантах вместо **Пучая**, встречается: «Израй-река», от библейского Израиля (*Быт*)» [36] (с. 527).

Так что означает этот вроде бы как израильский гидроним?

«початок, начало» [36] (с. 1091).

То есть воды именно этой реки, что переводится исключительно с нашего наречия, и стали *началом* крещения нашего народа — народа Русы. Почему же мы должны обязательно перекраивать ее в Днепр?

Вот еще пример. В претендующем на куда как большую древность, чем общепринято, рассказе о псковском князе Довмонте, сильно перекроенном позднейшими «редакторами», сообщается вовсе не о событиях, некогда произошедших на Русской равнине. В частности вовсе не о всеизвестном здесь и по сию пору находящемся городе *Пскове*. Когда князь Довмонт крестился:

«“бысть радость велика в **Плескове**” (Полн. собр. рус. лет., т. IV, с. 180, 1 стлб.)» [289] (с. 146).

И такими несоответствиями наши летописи просто переполнены. Причем преобладает в наших летописях топонимика именно палестинского региона. Почему же мы должны в чем-то не доверять авторам, судя по содержанию отдельных дошедших до нас в неизменности фрагментов наших древних летописей, куда как более древними, нежели официально считается?

«По-видимому, годы “от сотворения мира” вставлены в русские исторические документы относительно поздно и основаны на поздней византийской традиции. А последняя в свою очередь вызывает серьезные сомнения» [321] (с. 207).

А вот обратный пример. Европейцы, писавшие о Московии XV–XVI вв. очень часто описывают какие-либо события, которые датами происходящих в пересказах сражений слишком серьезно не совпадают с изобретенными для нас немцами датами, якобы отображающими события наших древних летописей. И в особенности такое бросается в глаза, когда какой-нибудь германofil производит, на свой страх и риск, перевод на наш язык какого-либо трактата неизвестного средневекового автора. То есть такого, по страницам которого немецкая цензура «Российской истории» в XVIII веке, во времена Петра и Екатерины II, пройти, почему-либо, не удосужилась, оставив старый текст в безыменности. Именно такие трактаты и плодят множество несовпадений, вполне

естественных, если допустить, что история наша Российская в XVIII веке «учеными» немцами изобреталась заново.

Вот что сообщает некий Якоб Ульфельдт в своем мало известном опусе «Путешествие в Россию»:

«Мы прибыли также к тому месту, где 40 лет назад произошло сражение между русскими и ливонцами... [там] была воздвигнута часовня на вечную память об этом сражении» [354] (с. 297).

Русский переводчик, знающий нашу историю лишь в варианте немецких фальсификаторов, в своих комментариях, сильно недоумевает названной автором цифры:

«Возможно, У[льфельдт] сообщает о битве на р. Серице 27 августа 1501 г.» [прим. 95].

Однако же иной историк:

«Дж. Линд считает, что речь шла о битве у оз. Смолино 13 сентября 1502 г. (с. 69 наст. изд.). И в том и в другом случае следует допустить что У[льфельдт] неточно определяет время этого события, делая ошибку в несколько десятилетий» (там же).

Ох, какие умные дяди — все-то они знают! Но прежде чем соринку из чужого глаза вытаскивать, вынули бы, для начала, из глаз своих собственных бревно.

На самом же деле все описываемое в наших летописях, по которым создавалась канва знаменитейшей о нас «истории», легко говоря, не совпадает с происходящими на нашей нынешней территории событиями. И с происходящими, что выясняется, не только не у нас, но и в сильно иное время — со скосом на пятьсот лет или даже тысячелетие.

Чуть выше Амброджо Контарини, посол Венеции в Персию, сообщил нам, что в конце XV века, то есть веком ранее прибытия к нам упомянутого Ульфельдтом посольства из Дании, Москва была деревянной. То есть разговор о нашей Белокаменной, что на самом деле, должен вестись как не о нашей нынешней столице, но о городе Москве, который некогда находился где-то на Ближнем Востоке.

Все тоже следует сказать и о Пскове. Вот что сообщает о нем Якоб Ульфельдт:

«...город украшен **300 храмами и 150 монастырями**, как утверждают те, которые знают их точное число. Почти все они построены из камня...» [354] (с. 298).

И это на конец царствования Ивана Грозного?!

Да, стояли в ту пору белокаменные храмы и в Пскове нынешнем. Но не сотни и даже не десятки, а лишь единицы.

На что такое несовпадение похоже?

Лишь на то, что «знатоки» псковской древности сообщали Ульфельдту о том городе, который является прототипом нынешнего Пскова и который ранее находился на Ближнем Востоке. Просто он, вероятно, из-за сложности нашей находки перевода, не понял, о каком Пскове идет речь.

Псковские же летописи говорят всего о 80-ти храмах, многие из которых, что и понятно, в ту еще пору были деревянными. Но Ульфельдт видел, судя по всему, лишь часть города. И, скорее всего, саму его центральную часть. А там, что и понятно, все было из камня. Потому он и решил, что названное число относится именно к этому городу, а не к его ближневосточному прототипу.

Так что многое из ранее непонятого нам становится ясным как день. И если мы не будем заикливаться на усвоенных еще со школьных скамей цифирях, но перенесем содержание наших летописей в надлежащий период времени и географическое место на карте, соответствующее содержанию тех древних записей, или пересказов о тех древних землях, то выяснится, что наша династия Рюриковичей:

«...одна из древнейших династий Древнего мира, которая действовала на территории Древнего Востока (=Древней Европы) от Месопотамии до Египта. Именно Месопотамию, а не территории между современным Доном и Волгой, как думают историки, называли русским островом» [66] (с. 388).

Смотрим очередной всему уже вышеизложенному пример. Вот что сообщает о начале своего путешествия в Монголию Марко Поло:

«переправились через реку **Тигри** (Здесь разумеется Волга — прим. переводчика) и **семнадцать дней шли пустынею**» [338] (с. 194).

Где они в низовьях Волги могли найти пустыню?

А вот в низовьях Тигра, который здесь совершенно четко и указан, пустыни простираются аккуратно на указываемые Марко Поло расстояния. Это знаменитые Каракумы. И оросительные каналы в этом районе, о чем сообщают археологи, строились еще задолго до Р.Х.

А вот еще совершенно четко указывающая место отправной точки фраза:

«Целый год шли на север и на северо-восток и только тогда пришли» [338] (с. 195).

Идти же в данном направлении целый год из района средней Волги — окажешься вовсе не в Монголии, но аккуратно на южном побережье. Причем, не курортов Крыма. Но Северного ледовитого океана.

Так что и само «монгольское иго», на которое и указывается во времени путешествия, судя по всему, именно «редакторами» этого произведения какого-то древнего автора (может быть VI–VIII века по Р.Х.) происходило вовсе не на территории нынешней России, но еще в Междуречье. Где по тем временам и проживала русская нация. Там же находился и город монгольских завоевателей Древней Руси, откуда и начинается путешествие еще отец Марко Поло, что содержится в повествовании его сына под наименованием «Книга о разнообразии мира». Кстати, многие упоминаемые здесь имена в различных вариантах рукописи выглядят различно. Например:

«...Болгара, Болана, Балгана, Болгана, Болкара, Рогальра (?), Балгамас» [338] (комментарий 23 к с. 201).

То есть имя, что прекрасно видно, просто подгоняется неведомыми «редакторами» этого куда как более древнего, нежели считается, повествования под какое-либо лицо, известное из истории рассматриваемого периода времени.

Но если с историческими именами переключимся к этому произведению древнего автора и удастся перекинуть мостик из какого-нибудь VII века в XIII-й, то с переименованием Волги в Тигр, заменой песками Каракумами приволжских степей и направлением движения путешественников, вместо востока — северо-восток, им сладить так и не удастся. Потому все эти казалось бы вопиющие в повествовании неясности для нас аккуратно все с невероятнейшей точностью и объясняют. Причем даже это весьма странное первоначальное язычество монголо-татар аккуратно и выводит нас на домусульманский период Средней Азии. Временем же вторжения ислама и является время принятия Золотой ордой мусульманской религии.

Вот еще очередной пример. На этот раз завоевания нас монголами. Рашид-ад-Дин (начало XIV в.):

«...в год курицы, соответствующий 634 г.х. [4 сентября 1236 — 23 августа 1237 г. н.э.], сыновья Джучи... занялись войною с мокшей... царевичи сообща устроили курилтай и, по общему соглашению, пошли войною на русских. Бату, Орда, Гуюк-хан, Менгу-каан, Кулкан, Кадан и Бури вместе осадили город Арпан и в три дня взяли. После того они овладели также городом Ике. http://www.vostlit.info/Texts/rus16/Rasidaddin_3/primtext2.phtml - 194 Кулкану была нанесена там рана, и он умер. Один из русских эмиров, по имени Урман, выступил с ратью, но его разбили и умертвили, [потом] сообща в пять дней взяли также город Макар и убили князя [этого] города, по имени Улайтимур. Осадив город Юргия Великого, взяли [его] в восемь дней» [443] (с. 39–40).

Что за *мокша* могла у нас в стране проживать на тот момент, когда Москва представляла собой еще какой-то мелкий захолустный городочек, упомянутый в летописях лишь единожды в связи со свадьбой Андрея Боголюбского? А как сопоставить названные Рашид-ад-Дином города с нашими нынешними: Арпан с Рязанью, а Ике с Коломной? И почему этот таинственный Макар следует переоблицовывать исключительно в Москву? И почему если переоблицовывают, то не производят тогда уж и

мокшу в макаровцев? Неужели же по единственной совпавшей букве следует и все иные буквы, содержащиеся в этом топониме, переложить в требующееся для обозначения наших нынешних городов слово?

Вот еще момент достаточно непонятного шествия монголов. На этот раз повествуется о том, что они натворили в Крыму. Они там:

«у племени чинчакан захватили Таткару» [443] (с. 40).

У кого чего?

Тоже совершенно непонятно. И это не смотря на все старания переводчика.

А вот как описывается нападение на Киев и прочие города Малороссии:

«...[14 августа 1238 – 2 августа 1239 г. н.э.], Гуюк-хан, Менгу-каан, Кадан и Бури направились к городу Минкас и зимой, после осады, продолжавшейся один месяц и пятнадцать дней, взяли его... Весною, назначив войско для похода, они поручили его Букдаю и послали его к Тимур-кахалка с тем, чтобы он занял и область Авир [?], а Гуюк-хан и Менгу-каан осенью того же года мыши, по приказанию каана, вернулись, и в год быка, соответствующий 638 г.х. [23 июля 1240 – 11 июля 1241 г. н.э.], расположились в своих ордах. Вот и все!» [443] (с. 40).

С чем можно сопоставить таинственный Минкас, находящийся на границе со степью?

Ну, если полностью пойти на поводу у нами рассматриваемого бреда историков, только лишь с Минском. Но причем здесь он? По крайней мере на картах того времени его еще не было.

А чем являлась эта Тимур-кахалка или не менее бредовый Авир, которому и сам переводчик-то удивлен не менее нашего?

«Осенью...[1239 г. н.э.], когда Гуюк-хан и Менгу-каан, согласно повелению каана [Угедея], возвратились из Кипчакской степи, царевичи Бату с братьями, Кадан, Бури и Бучек направились походом в страну русских и народа черных шапок и в девять дней взяли большой город русских, которому имя Манкер-кан, а затем проходили облавой туман за туманом все города Владимирские и завоевывали крепости и области, которые были на [их] пути. Потом они осадили город Учугул Уладмур и в три дня взяли его. В хукар-ил, в год смерти Угедей-каана, в весенние месяцы они [царевичи] отправились через горы Марактан к буларам и башгирдам. Орда и Байдар, двинувшись с правого крыла, пришли в область Илавут; против [них] выступил с войском Барэ, но они разбили его. Затем Бату [направился] в сторону Истарилава, сразился с царем башгирдов, и войско монгольское разбило их. Кадан и Бури выступили против народа сасан и после трехкратного сражения победили этот народ. Бучек, через Караулаг пройдя тамошние горы, разбил те племена улага, оттуда, через лес и гору Баякбук, вступил в пределы Мишлява и разбил врагов, которые там стояли, готовые встретить его. Отправившись упомянутыми пятью путями, царевичи завоевали все области башгирдов, маджаров и сасанов и, обратив в бегство государя их, келара, провели лето на реке Тиса. Кадан выступил в поход с войском и завоевал области Такут, Арберок и Сараф и прогнал до берега моря государя тех стран, короля. Так как он [король] в городе Теленкин, который лежит на берегу, сел на корабль и отправился в море, то Кадан пустился в обратный путь и дорогою, после многих битв, взял города Улакут, Киркин и Кыле. Слух о смерти каана [еще] не дошел до них [царевичей]. После этого, в год барса, соответствующий 639 г.х. [12 июля 1241 – 30 июня 1242 г. н.э.], кипчаки в большом числе пошли войною на Кутана и на Сонкура, сына Джучи, [которые], дав сражение, разбили кипчаков. Осенью [монголы] опять направились обратно, прошли через пределы Тимур-кахалка и местные горы и, дав войско Илавдуру, отправили его в поход. Он двинулся и захватил кипчаков, которые, бежав, ушли в ту сторону. Они покорили страну урунгутов и страну бададжей и привели их послов» [443] (с. 46–47).

И тут вновь: через ворохи вообще ничему не соответствующих наименований появляется река Тиса в Башкирии и город Манкер во Владимирщине. Той самой, которую они вроде бы как за несколько лет до того уже прошли разок, застряв на пару месяцев

лишь в злом городе Козельске. А еще какие-то никому неизвестные Такут, Арберок и Сараф. А еще Теленкин, Улакут, Киркин и Кыле. А еще страна урунгутов и бададжей. В общем полнейшие непонятки того, что на самом деле захватывали в 40-х гг. XIII в. монголы. То есть полная нелепица, если верить историкам. А если им не верить?

Так что сопоставление местности, на которую напали монголы и поработили, с нашей не соответствует вообще ничем — ни единым топографическим наименованием. То есть те топонимы, которые на Ближнем Востоке более чем прекрасно сопоставляются с нашими, Москве и Киеву, Новгороду и Руссе, в рассказе о монгольских завоеваниях вообще не значатся. Были ли мы когда ими завоеваны вообще или сам этот миф о нашем ими порабождении на 300 лет является только мифом и ничем больше?

Естественно, что и климат той Древней Руси, которая располагалась далеко на юге очень сильно отличался от климата нынешней Руси. И именно необычайное количество находящихся здесь ранее гигантских озер и могло обеспечить столь компактное заселение этих мест многочисленными славянскими народностями:

«Озерное рыболовство — это единственный действительно устойчивый источник белка в традиционной культуре. Ни охота, ни животноводство не дают аналогичных плодов... ни один другой район не мог сравниться с этим районом по мощи» [66] (с. 249).

Но остались ли здесь следы тех древних пресных морей, о которых столь часто упоминается в источниках древнерусской литературы?

«Совершенно несложно показать границу исчезнувшего водоема... Эта граница просматривается даже и сегодня по экономической карте Ирака и Ирана и по карте плотности населения, поскольку на месте бывших морей сохраняются пустоты, из-за непригодности их почвы к обработке. Кроме того, границу можно провести по остаткам древних городов, которые когда-то стояли по его берегам и образовывали береговую черту» [66] (с. 238).

А вот что мы узнаём о географии Древней Руси, то есть Ближневосточной, по Ипатьевскому списку Несторовой летописи:

«Из того же леса потече Волга на восток и вытечет семьдесят жерел в море Хвалисьское, тем же и из Руси может идти в Болгары и в Хвалисы, на восток дойти в жребий Симов» [252] (с. 55).

Но где был указываемый здесь этот загадочный *жребий Симов*, если на восток от Хвалисского моря простираются лишь Индия и Китай? Почему здесь не указано именно южное направление или даже точнее — юго-западное? Может у людей той поры с определением стран света не все в порядке было?

У них-то как раз, в отличие от нас, было все в удивительнейшем порядке. Потому как для Ближнего Востока, о чем и идет речь в повествовании, понятней не получится: на востоке от истоков Тигра или Евфрата — древнейшие государства этого региона — Ассур и Елам, Мидия и Персия. Все это государства древних семитов. И ведь именно отсюда и отправился некогда Авраам, предок жителей Русской Палестины, чьему потомству и была Богом обетована эта плодородная земля.

У нас же, на Русской равнине, после Булгара, Волга поворачивает на юг. Но даже оттуда до государств, означающих *жребий Симов*, причем исключительно на юг и юго-запад, потребуется добираться через моря и горы слишком долго, чтобы данная фраза могла иметь у нас на севере хоть какой-нибудь смысл.

Потому о месте, которое здесь имеется в виду, следует сказать утвердительно — это Ближневосточный регион.

А вот до чего глупо, если вновь поверить в басни перекройщиков наших историко-географических понятий, выглядят «свидетельства» древних о природе нашего Причерноморья. Вот что сообщает Страбон, введенный в заблуждение идентификацией данной местности к рассказу Геродота о походе Персидского царя на скифов:

«В промежуточной области, которая обращена к Понтийскому морю [якобы Черному — А.М.], в его части от Истра до Тираса [якобы от Дуная до Днестра — А.М.], лежит “Пустыня гетов” — сплошная *безводная* равнина. Здесь Дарий, сын Гистаспа, перейдя во время похода на скифов через Истр, попал в западню, подвергшись опасности *погибнуть со всем войском от жажды*» [305] (гл. 3, аб. 14).

У нас и сейчас-то вся страна речками, болотами и озерами перерезана. А ведь в те еще времена их было здесь и еще куда как больше. Ведь тогда лишь совсем недавно эта местность освободилась ото льда. Откуда здесь могла взяться пустыня — *сплошная безводная*?

Здесь не могла. Потому Истр, упомянутый Страбоном, имеет свое отношение к Евфрату, который этим термином нарекает Геродот. Там же находился и пересохший к сегодняшнему дню Понт. И только той местности свойственны безводные пустыни. Ведь именно Средняя Азия знаменита применением оросительных каналов еще с древнейших времен.

Вновь возвращаемся к повествованию о князе Довмонте:

«**И прошед горы непроходимыя**, и иде на Вируяны и плени землю их и до моря и повоева поморье... И славна бысть земля его во всех странах, страхом грозы храборства вел. кн. Дмитрея и зятя его Домонта и муж его новгородец и пскович (I Пск. лет., с. 181–182)» [289] (с. 148).

Откуда в Прибалтике взялись какие-то такие *горы непроходимые*?

В Прибалтике их нет вообще никаких. И, что самое важное, никогда и не было. Даже самых малых. Ведь единственная на всю Прибалтику имеющаяся гора находится лишь в Вильнюсе. Да и та насыпная. Но вот аккурат в сиро-палестинском регионе — сколько угодно. В том числе и по сию пору без специального альпинистского снаряжения — совершенно *непроходимые*.

Именно вследствие столь вопиющей разности рельефа местности обеих поморий, рассматриваемых перекройщиками нашей исторической памяти:

«...следует припомнить замечание Н.И. Костомарова, что *поздние русские летописцы вообще не умели разобраться в ранних событиях из литовской истории*» [289] (с. 156).

То есть произошедшие у нас со II тыс. до Р.Х. события «редактора» наших летописей, что и вполне естественно, так и не смогли привязать к истории Литвы с XI по XV вв.

Но в том и нет ничего необычного. Назвать носорога лошадью в принципе можно, вот только куда упрятать рог, все так и продолжающий торчать из его морды.

Но и Александр Невский, судя все по тем же древним источникам, тоже бил латинян вовсе не у нынешней Невы и Ижоры, и не на льду Чудского озера. Но в том же сиро-палестинском регионе, где некогда лед сковывал реки и озера ничуть не менее крепко, нежели и теперь сковывает. Однако же на сегодняшний день так холодно, как в описаниях наших древних текстов, остается лишь у нас — в самой ледяной стране мира.

Вот что на эту тему находим в житии Александра Невского:

«...иде (Александр) на страну Ямскую и **проиде горы непроходимыя** и повоевав поморье... (Прилож., 122)» [289] (с. 148).

А вот что сообщает о *горах*, вдруг откуда-то появившихся на нашей полностью равнинной реке Волге, Ипатьевская летопись:

«А Муромцем и Новгородцем велел князь великий воевати по Волзе, и те, шедше, повоеваша **горы**...» [354] (с. 70).

Которые они как-то даже и здесь чудеснейшим образом нашли — на самой равнинной реке континента.

Тут же и еще очередная странность проскакивает:

«...судовая рать татарская...» [354] (с. 71).

Наши же ратники:

«...пойдоша в суды своя и погребоша противу судовыя рати Татарския...» [354] (с. 72).

Каковой у наших соседей степняков, что уже на самом деле, никогда и в помине не было. Потому и здесь, что и без дополнительных разъяснений понятно, упоминается вовсе не о наших татарах, но о тех, которые против нас выступали еще в гористой местности той самой Руси, которую наши былины именуют Древней. И которая находилась некогда на Ближнем Востоке.

Так почему же никто сегодня не доверяет свидетельствам древних авторов, которые жили, что выясняется, в ту еще самую эпоху, когда все население Руси было сплошь грамотным? Почему наших предков в позднейших переделках летописей изображают папуасами, только что слезшими с дерева и еще не дожевывавшими их якобы на тот день единственную природную пищу — банан с пальмы?

Кому-то, что выясняется, это было выгодно. Нас необходимо было заинтересованной в том очень серьезной организации превратить в Иванов, позабывших свое родство. Что с успехом ими, следует все же констатировать, и проделано к сегодняшнему дню. Мы позабыли свое родство, а потому, не найдя свою точку опоры в этом мире, сегодня считаем нас никчемными и ни на что не способными, вымираем самыми ужасными темпами. Нашу же землю, в прошлом Русскую, что и понятно, переселяют теперь другие...

Так что, в свете нами отысканного, место расположения Святой Руси библейских времен прорисовывается все более отчетливо.

Вот и еще мнение все на ту же тему:

«Древний Египет, Древняя Индия, “греческая” Византия, государство этрусков — это окраины Великой протоцивилизации — Древняя Русь...» [96] (с. 72).

И вот по какой причине эта столь теперь странной выглядящая градация произведена:

«...потому что народы, населяющие эти “составные части”, разговаривали на русском языке» [115] (с. 4).

А вот очередная деталь исконно русского быта, указывающая на единство нашей древней культуры с древнеизраильской. Это привычка поститься, о которой еще за тысячелетие до возникновения христианства сообщает Царь Давид:

«...И СМИРЯХ ПОСТОМ ДУШУ МОЮ...» [Пс 34, 13].

«...И ПОКРЫХ ПОСТОМ ДУШУ МОЮ...» [Пс 68, 11].

Исполнение этой нашей древней традиции требовало немалых усилий от исповедников:

«Посты соблюдались евреями с особенною строгостию, и вообще от вечера до вечера, т.е. 24 часа...» [111] (с. 575).

Иными словами, они не ели и не пили воды целыми сутками!

Про Анну-пророчицу, которая соблюдала законы Ветхого Завета еще до *сретения* ею и Симеоном Богоприимцем Богомладенца — Иисуса Христа:

«...не отходила от храма, **постом** и молитвой служа Богу и день и ночь» [Лк 2, 37].

То есть ее пост был более усилен, нежели у всех иных жителей той древней страны.

Интересно, что фарисеи, пытаясь пустить окружающим пыль в глаза об исповедании ими истинной религии, тоже постились два раза в неделю, как принято и сегодня в Православии:

«Фарисей, став, молился... Боже! благодарю тебя, что я не такой как прочие... Пощусь 2 раза в неделю...» [Лк 18,11–12].

И исполнение фарисеем внешних форм закона было достаточно точным, что и подтверждает сам Иисус Христос:

«Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить» [Мф 5, 17].

На сегодняшний день только Православие сохранило исполнение постов, что еще раз подтверждает как истинность нашей Русской Веры, так и нашу непосредственную принадлежность к тому дохристианскому израильскому народу, у которого незыблемость

исполнения столь древних традиций с тех былинных времен сохранилась, буквально, в генах. А потому эти «пощусь 2 раза в неделю» неукоснительно исполняются сегодня лишь у нас: в исповедуемом же евангельскими книжниками и фарисеями, а также их рабами хананеями и аморреями иудаизме ничего подобного как никогда не было, так и не предвидится впредь.

Вот что говорится насчет колоколов, как нами выяснено, являющихся атрибутом исключительно нашей русской церковной культуры. Ее истоки мы прекрасно видим в церковных предметах, которыми украсил самый первый еще храм Иегове (Ие-го[ло]ва) Царь Соломон:

«...и золотых колоколов 400 на обеих сетях в два ряда... и 800 колоколов медных, каждый по таланту, и развесил их по сети на высоких устройствах, возвышающихся над храмом на 20 локтей» [458] (гл. 43, с. 146).

А вот еще очередной пример удивительной тождественности наших культур. Когда Иакову (Израилу) для того, чтобы не родниться с туземным племенем Ханаана, пришлось отправиться за невестой в сирьскую Месопотамию, то в рассказе об этой экзотической для нас стране встречаем следующую фразу:

«И сказал Лаван Иакову: ...я отпустил бы тебя с веселием и с песнями, с тимпаном и с **гуслями**...» [Быт 31, 27].

Выше означенная фраза, что сегодня не только шокирует, а сшибает с ног, прозвучала не из уст Садко на заваленных товарами пристанях Господина Великого Новгорода, но в песках южной полупустыни...

А ведь именно гусли, еще будучи пастушком, не выпускал из рук будущий Царь Давид. И именно по причине умения вести на них музыкальное оформление ветхозаветных молитв он и был призван во дворец к Царю:

«когда бывал дух злой на Сауле, и Давид, взяв гусли, начинал петь, и отступал от него злой дух [1 Цар 16, 23]» [458] (гл. 40, с. 115).

И именно на этом же музыкальном инструменте, как оказывается, даже в раю сопровождают ангельские песнопения:

«...пали пред Агнцем, имея каждый **гусли**...» [6] [Откр; Апок 5,8].

«...ИМУЩИЙ КИЙЖДО **ГУСЛИ**...» [7] [Откр; Апок 5,8]

«И услышал я голос с неба, как шум от множества вод и как звук сильного грома; и услышал голос как бы **гуслистов**, играющих на **гуслях** своих» [Откр; Апок 14, 2].

Но не только в раю звучат гусли, но и на земле в Русском, что выясняется, Израиле:

«ИСПОВЕДАЙТЕСЯ ГОСПОДЕВИ В ГУСЛЕХ, ВО ПСАЛТИРЕ ДЕСЯТИСТРУННЕМ ПОЙТЕ ЕМУ...» [Пс 32, 2].

«П[салтирь] и **гусли** были любимыми музыкальными инструментами и величайшим мастером в игре на П[салтире] был Давид» [133] (с. 193).

Но и наши пращурь, о чем сообщает в своем «Путешествии в Московию» Адам Олеарий:

«...пользуются инструментом, который называют **псалтырю**; он почти схож с цымбалами. Его держат на руках и перебирают на нем руками, как на арфе» [278] (с. 199).

То есть *псалтирь-гусли*, что понятно и без каких-либо особых дополнительных разбирательств, которая была естественна как в руках Царя Давида, так, что выясняется, и обыкновенного русского человека, причем, не так уж и давно — в XVII веке, упоминается на страницах Священного Писания:

Быт 31, 27. 2 Пар 9, 11. 1 Кор 14, 17. Апок. 5, 8. 14, 2. 15, 2. 1 Цар 10, 5. 16, 23. 3 Цар 10, 12. 2 Цар 6,5. 1 Пар 15, 16. 5. 1 Мак 13, 51. Иов 30, 9.

Но объединяет нас с тем древним народом Палестины не только полная тождественность наших музыкальных инструментов. Но и всеизвестное русское лакомство, именуемое *блинами*.

«О **блинах**, как праздничном кушанье, упоминается даже в книгах священного писания, когда говорится о царе Давиде, что он, по случаю празднования перенесения ковчега завета, “даяше по сковрадному млину” [Исх 29, 2]» [36] (с. 1042).

Вот кому, что выясняется, эта южная страна некогда была обетована. Тому народу, чьим исконным музыкальным инструментом являются *гусли*, а фирменным народным лакомством — *блины*.

Вот еще очередная деталь времяпрепровождения населения Палестины, по которой вновь достаточно четко высвечиваются контуры присущей тому древнему народу исключительно нашей русской культуры. Вот что говорится о псалмопевце Давиде — будущем Царе Израиля:

«...прославляли его пением в хороводах» [458] (гл. 40, с. 115).

Где на земле, кроме как у нас на Руси, можно встретить такой специфический элемент этнографического компонента танца, как хоровод?

А вот и еще очередное свидетельство, что Палестина является землей, некогда обетованной именно нам, содержится также в нашем фольклоре:

«...есть даже стихи, говорящие о распятии Господа даже “во Русеи” — ибо где же, как не на Святой Руси, происходит Таинству Искупления?» [166] (с. 62).

«На Руси происходит мучение Егория (Георгия Победоносца) царем Демьянищем (императором Диоклетианом), в действительности имевшее место в Риме в 303 году по Рождеству Христову. “Не бывать Егорию на Святой Руси”, — скорбит о своем горе певец. “Выходил Егорий на Святую Русь”, — радуется он освобождению героя. Другой святой воин — Феодор Тирон (Тириянин) [тиррен — А.М.], умученный при императоре Максимилиане около 305 года по Рождеству Христову, в одном из вариантов стиха идет “очистить землю Святорусскую от несметной силы жидовской”...

Даже в самой битве его оружие “книга, крест и Евангелие”. Подобно Федору, и Егорий Храбрый, очищая Русскую Землю от нечисти, не сражается, а силой своего слова укрощает стихии и устрояет землю» [166] (с. 64).

Хотелось бы прибавить: силой именно Божьего СЛОВА — именно Словом побеждает всегда Святая Русь, которая найдена нами и в Италии, и в Греции, и в Палестине:

«Русь в духовных стихах становится местом действия лиц из священной истории Нового Завета:

Посылает Ирод-царь посланников
По всей земле Святорусской.

Рай — и тот созидается на Русской земле, как поется об этом в “Плаче Адама”:

Прекрасное солнце
В Раю осветило
Святорусскую землю» [166] (с. 64).

А вот от кого мы ведем свою родословную:

«Зачались цари с царями
От честной главы от Адамовой,
Зачались князья с боярами
От честных мощей от Адамовых,
Завелось крестьянство православное
От того колена от Адамова» [201] (с. 48).

Но и Царство Русское, следуя содержанию наших былин, имеет все то же происхождение:

«От кого у нас в земле цари пошли
От святой главы от Адамовой»

[166] (с. 66).

То есть от Голгофы, что в русском городе Ие Руса лиме.

А вот что говорится о земном рае:

«Дуб ...стоит на камне Алатырь... место, где растет мировое дерево, у русских... называлось Ирье (Ирий)» [128].

Именно под этим мировым древом, Мамврийским дубом, и произошла некогда встреча Авраама и Святой Троицы. Язык же общения назван арамейским:

«...agamî = ire...» [36] (с. 536).

То есть сиро-арамейское наречие Иисуса Христа и наречие земного рая — ирьское — составляют одно целое.

А находится Ирье, то есть земной рай, именно в тех местах, откуда и родом древние владельцы этого неизменного этноса:

«Рай орошался рекою, разделявшейся на *«четыре начала»*, или рукава: *Фисон, Геон, Тигр и Евфрат* [36] (с. 541).

В тех местах Ассур (Русса) и построил Ниневию. Там же находилась и Месопотамская Сирия (Северская Месопотамия), где жили изначально и остальные семиты, откуда вышел в обетованную ему землю Авраам.

Но не только в устном народном творчестве сохранилась память о месте нашего бывшего проживания. Наши русские:

«...летописи насыщены признаками того, что это библейская Палестина» [66] (с. 19).

Одним из фрагментов этого соответствия является очень странное путешествие апостола Андрея:

«Когда Андрей учил в Синопе и прибыл в Корсунь, он узнал, что недалеко от Корсуни есть устье Днепра, и захотел отправиться в Рим и поплыл в устье Днепровское и оттуда отправился вверх по Днепру» [66] (с. 413).

То есть в совершенно противоположную Риму сторону...

Вот еще подобный же фрагмент явного несоответствия указываемой местности самому существу путешествия. Но уже взят он теперь из греческой мифологии:

«...аргонавты, возвращаясь с Кавказа домой в Грецию, проплыли по Дону до его вершины и там перенесли свои лодки в другую реку и по ней поплыли в океан (в Балтийское море), а оттуда вокруг европейского материка в Средиземное море. Вот еще в какое время проложен был круговой около Европы путь “из Варяг в греки”...» [43] (с. 8).

То есть вместо двухнедельного путешествия по лазурным водам теплых южных морей при господствующих в это время года северо-восточных ветрах и попутном течении в проливах из Черного моря в Средиземное, эти странные путешественники, как и выше упомянутый апостол Андрей, направляются не весть куда. Чуть ли ни в тундру...

Кстати, это даже не шутка. Ведь в Балтийском море ветр́а́ летом дуют западные и северо-западные (вот почему портом Петербурга так упорно не хотели пользоваться западные купцы)! Потому им придется добираться в их родимую Грецию исключительно через *тундру*: огибая Кольский полуостров.

Но недоумения тут же разрешатся, если учесть, что все эти действия происходили не в Причерноморье, а на Ближнем Востоке:

«Отправился вверх по Днепру» означает вверх по Евфрату. Далее: “И случилось так, что он пришел и стал под горами на берегу. И утром встал и сказал бывшим с ним ученикам: «Видите ли горы эти? На этих горах воссияет благодать Божия, будет великий город и воздвигнет Бог много церквей. И взошел на горы эти, благословил их, поставил

крест, и помолился Богу, сошел с горы этой, где впоследствии возник Киев, и отправился по Днепру вверх» [66] (с. 413).

В «Слове о полку Игореве» тоже слышится подобного же плана намек:

«...Святослав тревожный сон видел в Киеве на горах» [353] (с. 41).

Про Олега в Рогожском летописце сказано:

«и пошел к горам Киевским» [367] (с. 39).

И вот что в этой истории является самым важным доказательством: здесь говорится совершенно об иной местности — той, где имеются настоящие горы. Потому как нам всем прекрасно известно, что:

«На Днепре в районе Киева нет гор...» [353] (с. 41).

Таких явных расхождений со смыслом в наших древних источниках очень много. Но все становится на свои места лишь в единственном случае — когда начинаем осознавать, что в летописях:

«История русского этноса начинается на Ближнем Востоке, а затем переносится на нынешнюю территорию России» [66] (с. 19).

Но как же так получилось, что мы каким-то образом умудрились прохлопать слишком большую разницу климатических условий нашего в древности проживания с климатическими условиями нынешней России?

А разницы, как выясняется, особой-то и не было. При более внимательном рассмотрении древних источников выясняется, что:

«Ежегодно замерзал Эль-Хаммар, да и Евфрат даже в нижнем течении покрывался льдом...» [66] (с. 233).

Но и в библейской истории очень четко прослеживается слишком разительное несоответствие нынешнего климата Палестины даже не тому древнему, когда эти края впервые посетил предок славян, сегодня переименованных историками в неких таких «евреев», — Авраам, а временам посещения своего народа Иисусом Христом. Вот что мы находим в повествовании, например, об участии Саломии, дочери Иродиады, предложившей царю Галилеи, Ироду, по наущению своей матери, преподнести ей на блюде голову Иоанна Крестителя, обличающего властелина своей страны в сожительстве с женой своего брата — Филиппа:

«Не долго правил Ирод, лишился он власти, богатств, а вскоре и жизни... Саломия же **зимой шла по льду**, он подломился и погрузилась она в воду по шею. **Лед** сдавил ее, и висела она, пока **лед** не перерезал ей шею; ушло тело **под лед**, лишь голова ее, как некогда голова Иоанна Предтечи, была принесена Иродиаде...» [246] (с. 200).

Так что еще две тысячи лет назад в Израиле, куда сегодня птицы улетают от нас зиму пережидать, бытовала в самый холодный период года такая погода, которая сегодня стоит лишь у нас — на севере.

Но в те времена, что выясняем, северная погода стояла очень далеко на юге.

А вот что говорится о наличии в те времена в Палестине растения, сегодня там уже давно не встречающегося:

«У евреев был обычай в праздник кущей... взяв в правую руку пук ветвей финиковых, миртовых и из **вербы**...» [36] (с. 462).

Сегодня это растение там уже не растет. Мало того, в дань непонимания причины, из-за которой этого растения в Палестине уже давно больше нет, в Евангелия внесли замену, якобы при переводе, вербы на пальмовые ветви. От того и слово — паломник. Что означает пусть и пилигрима, но теперь средневекового. То есть тех лет, когда верба в Израиле уже не росла.

Но виною во всем, что выясняется, не некоторые якобы неточности в Священном Писании, но изменение климата.

Вот что сообщается о холодном периоде года тех времен в Ассирии:

«Зима держалась недолго, но в декабре и январе земля нередко покрывалась снегом и температура доходила до 14° ниже нуля» [290] (с. 416).

И это в среднем течении Тигра. Сейчас там зимы, как таковой, нет вообще. Как, между прочим, и в Палестине. Причем, не было ее там уже три столетия назад. Иван Лукьянов в своем хождении в 1701–1703 гг. сообщает:

«Во Иерусалимѣ зимой снегу не бывает, не морозов, а гром и молния бывает во всю зиму» [388] (л. 129 об.).

И вот еще штришок к подтверждению вышесказанного. Высочайшая вершина Африки, Килиманджаро, чье наименование в переводе означает «гора, которая сверкает», к сегодняшнему дню осталась без снеговой шапки. А ведь ее высота 5 895 м — почти шеститысячник!

Так почему на «горе, которая сверкает» снега практически нет?

Климат здесь сильно потеплел, потому и наименование горы давно перестало соответствовать ее бывшему цвету.

Спрашивается, по какой же причине в те древние времена не то что в Междуречье и Палестине, но даже в Африке было так холодно, что бóльшая половина этого без малого шеститысячника была покрыта сверкающими вечными снегами?

А ответ, в свете разобранных в книге «Запретные темы истории» ([282]) повествования о Всемирном Потопе и спасении людей на ковчеге, находится практически на поверхности. Километровые глыбы льда, которыми осталась покрыта земля, включая и Малую Азию, где за Гиперборейскими горами, а точнее за горами Тавра, лежала ледяная безжизненная пустыня, таяли очень медленно. А потому и климат в близлежащих регионах, включая Ближний Восток и территорию Северной Африки, долгое время оставался прохладным. Потому реки были много полноводнее, чем теперь. Множество огромных озер, которые на сегодня пересохли, обильно питали прибрежное население рыбой. Земля, что и понятно, в той местности давала лучшие урожаи, чем теперь, когда реки пересохли, озера превратились в болота или солончаки и от палящих лучей солнца просто не упрятаться ничему живому.

Потому и прокормить всех жителей данного региона становилось все проблематичней. Но самой главной бедой проживающих здесь славян, что случилось вследствие пересыхания озер, стала нехватка рыбы. Своей былой оживленности, вследствие высыхания рек, лишились и наши торговые пути. Мало того, наши многочисленные города, которых в те времена были сотни, вследствие ухода воды перестали быть приморскими.

Все вышеизложенное и принудило большинство славянского населения этого региона покинуть обжитые места и отправиться на заселение территорий, имеющих условия проживания сходные с прежними.

«Русские были вынуждены покинуть Ближний Восток и переселиться на территорию современной Великой Русской равнины, а былинная Русь осталась далеко на юге, за Кавказскими горами» [66] (с. 391).

И этому имеются прямые доказательства:

«Существуют свидетельства о миграции больших масс населения в VI–VIII веках с территории Персии и Ближнего Востока на территорию современной России. В это же время возникают здесь и города» (там же).

Но города эти, наиболее древние, на сегодняшний день находятся глубоко под водой:

«На дне Днепровско-Бугского лимана лежат древние городские стены Ольвии. Оборонительные башни другого античного города — Херсонеса — находятся на дне Карантинной бухты. На дне Сухумской бухты, как предполагают многие исследователи, скрываются руины одного из древнейших античных городов Причерноморья — Диоскурии. Возле современного порта Феодосии находится мол, построенный в эпоху античности. Стены столицы азиатского Боспора — Фанагории уходят на дно Керченского пролива» [228] (с. 149).

Почему уровень Черного моря в эпоху, когда именовали его Русским, был столь низок?

А все дело в том, что и уровень мирового океана в послепотопный период был много ниже теперешнего — где-то на 150 м. Уровень же Черного (Русского) моря был сначала несколько выше нынешнего. Его уровень прекрасно указывает Судакская крепость, находящаяся почему-то не на берегу моря, но на практически неприступной и недоступной для проживания там людей скале. Затем, когда ввиду каких-то природных катаклизмов замкнутый бассейн Средиземного—Черного—Хвалисского морей существенно понизился из-за появления Гибралтарского пролива, уровень воды в Черном море упал на несколько десятков метров. И стал чуть выше запиравших этот водоем проливов Босфора и Дарданелл, представлявших собой в те времена реку. Самым сегодня мелким является дно Босфора у Стамбула — 33 м. И если учесть, что именно сюда, как в воронку, сливается большинство рек Восточной Европы, Кавказа и Малой Азии, то уровень воды, по сравнению с сегодняшним, в те времена должен был находиться примерно на 20–25 м ниже. Что собою и подтверждает где-то на подобную глубину затопленность наших древних античных городов.

Но затем, когда из-за таяния льдов уровень океана превысил уровень воды в Босфоре — в те времена как бы реке, Черное море становится глубже, а проливы из быстрой реки превращаются в обыкновенные морские проливы, несущие своим нижним течением, в наполовину пресное до этого море, соль. Древние же города, что и естественно при этом, на пару десятков метров уходят под воду.

Потому с затопляемых этих территорий наши предки начинают переселяться вглубь материка. Возникают новые города. Например, Киев. Причем, легенда об основании города уводит во времена еще былинной Руси — к трагедии Трои. Владимир Щербаков, занявшийся расшифровкой имен этой древней легенды, приходит к выводу, что вовсе не раздел между новопоселенцами означают ее герои, но, наоборот, объединение ранее разрозненных государств в одно целое. И государства эти, что самое удивительное, находятся все там же, куда теперь забралась в своих поисках нашей прародины и мы — в Малой Азии — Древней Малороссии:

«Вряд ли есть основания утверждать, что три брата да еще с сестрой Лыбедью могли одновременно возглавить три рода полян. Напротив, три племени, объединившись в племенной союз (явление характерное), оставили на память об этом событии нарицательные имена своих вождей, которые совпадали с именами отдельных племен. Вероятнее всего это могли быть названия земель, откуда вышли коллективные члены племенного союза.

Построение гипотезы начнем со Щека, одного из трех предводителей полян. Можно ли отыскать на карте место, которое сохранило бы подобное этому имени название земли или княжества? Да можно. Для этого надо обращаться к карте Малой Азии времен хеттского владычества. На западе Анатолии во 2-м тысячелетии до н.э. можно отыскать государство Сеха, которое по сути было объединением отдельных княжеств... Шеко — вот подлинное название государства или княжества, откуда родом Щек» [228] (с. 199–200).

Землей, лежащей рядом, была Акиява. И здесь вообще никаких проблем с идентификацией — стоит отнять греческую приставку А, как мы услышим столь знакомый нам древний корень матери русских городов — Киева.

«Третье имя — Хорив — звучит по-киевски на “о”. Подлинное звучание этого имени восстановится, если учесть неизбежную замену звука “в” на “б”. Ведь и “басилей” звучало у киевлян как “Василий”, но историка интересует исконное, хетто-лувийское звучание. Хорив — это Кориб... Кориб — это корабль. Корень “кар”, “кор” можно найти в древнейших каппадокийских табличках именно в подобном значении. Но можно ли, право, связать слово “кориб — короб — корабль” с названием земли, местности или княжества?» [228] (с. 200–201).

Оказывается можно:

«...государство, которое владело Босфором, и прилегающим районом, называлось так: Каркиса. В нем тот же корень “кар”. Суффикс же в слове подобен суффиксу в названии столицы хеттов — Хатуссы...

О сестре Лыбеди можно сказать... Имя это, бесспорно, нарицательное и восходит к временам Лувии [Лубии — оттого Лыбедь — А.М.] или, быть может, Лидии. Но все перечисленные земли соседствовали. Их жители говорили, возможно, на одном языке. После разгрома Трои и вторжения иноземцев они должны были искать пристанища за Босфором, уже в Европе» [228] (с. 201).

Кстати, вновь убеждаемся, что самыми влиятельными среди русских людей всегда были те, кто владел переправой. Вспомним тестя Иакова-Израиля — Лавана. Чье имя со старославянского так и переводится — *переправа*. Припомним и более позднее наименование дворянина — *шляхтич*. От слова шляхт — гать (рукотворный проход через болота).

Также и здесь: Кий в наших древних летописях поименован *перевозчиком*. И вовсе не случайно. Ведь значение Трои состояло в транспортировке груженых товарами кораблей по рекам через сложнейшую систему плотин и шлюзов: из акватории Средиземного моря в акваторию Мраморного (подробно см.: [77]). Этот проход кораблей, вместе с разрушением Трои Шлимана (на самом деле имя этого города нам остается неизвестным), впоследствии стал невозможен (ветер и течение позволяли кораблям проходить лишь из моря Мраморного в море Средиземное, но никак не наоборот).

Однако ж и сам финал исхода из этих мест русского человека запотоколирован более чем фундаментально. Покинув Малую Россию (Малую Азию), он переселяется сначала на северное и восточное побережье Черного (Русского) моря — в Тавриду, перенеся сюда наименование своих в прошлом южных границ — гор Тавра.

Именно здесь возникают его города, затем затопленные водами моря:

«...Арусиния, Арусас, Растиянис...» [228] (с. 204).

А затем, после наступления моря, малороссы переселяются и еще севернее — в нынешнюю Малороссию, унеся сюда и наименование судоходной троянской земли — центра нашей (и мировой) торговли — Киев. И это происходит лишь тогда, когда позволяет сюда им переселиться постоянно все отступающий на север ледник. А крупный торговый город здесь, на Русской равнине, появляется не ранее V в. н.э.

Но почему поселения русских людей на территории нынешней Москвы, что много севернее и самого Киева, были обнаружены много ранее: в селе Дьяково, например, еще в VI в. до Р.Х.?

Здесь, судя по всему, стали селиться немногочисленные представители Израилевых колен в тот период, когда ушедшие на Дальний Восток из Вавилонского плена 10 Колен стали осваивать торговые пути в Западную Европу из Китая и Японии. Потому торговая часть Москвы и по сей день именуется Китай-городом: то есть перевалочной базой товаров на пути в Китай. Но поселения эти были небольшими — их функцией было содержание в порядке торговых путей — и только. Мало того, они находились на вершинах больших холмов, например — Дьяково, так как в те времена лед еще запирал возможность нашим рекам протекать в Северный Ледовитый океан, а потому уровень воды в Москве-реке был почти на сотню метров выше нынешнего. Вот почему на Боровицком холме не обнаружено никаких древних поселений.

Затем, когда уровень воды упал, поселения смещаются вниз: сначала в Котлы, а затем к Боровицкому невысокому холму — Китай-городу и Московскому Кремлю. Вот по какой причине: как особой древности, так и соответствующего нашей древней культуре величия на нашей нынешней территории археологами не отмечено.

Но как объяснить появление нетленных мощей святых, чей жизненный путь приходится на времена, предшествующие нашему появлению на Русской равнине, на территории уже нынешней Руси?

Вместе с перемещением на север жителей Древней Руси переезжают и наименования городов, откуда отмечается в ту пору исход людей Русы. Туда же, во вновь основанные города, судя по всему, переносятся и мощи святых, прославленные нетлением. Вот в чем заключается и секрет такого огромнейшего количества мощей святых, причем, по большей части уже и безвестных, которыми и по сей день богаты пещеры Киево-Печерской Лавры. Ведь именно здесь когда-то и появляется самый первый и самый густозаселенный город теперь северной нашей Державы — Киевской Руси — Киев.

Вот что сообщает о пещерах Лавры посол Австрии в Московию времен Алексея Михайловича барон Майерберг:

«В них лежит много нетленных еще тел, почитаемых Русскими за Святые, однако ж без всякого подтверждения этой Святости как Римскою, так и Греческою церковью. По уверению Киевских жителей, основанному на древнем предании, есть там и тело Святой мученицы Варвары» [360] (с. 130).

А еще нетленные мощи Ильи Муромца, судя по всему, так же как и великомученица Варвара жившего и творившего подвиги еще на территории той самой Руси, которая территориально находилась вовсе не здесь, но на Ближнем Востоке.

Но и множество иных мощей, сюда также нашими пращурами бережно перенесенных, говорят все о том же. Ведь сказка о якобы крещении нас князем Владимиром лишь в X веке их наличия в наш некий дохристианский период ну никак не объясняет.

Также, судя по всему, могли быть перенесены, в специально отстроенную для этого Лавру, и мощи Сергия Радонежского; в сооруженное исключительно из дорогостоящего здесь камня Боголюбово — мощи Андрея Боголюбского. И т.д. Во всяком случае, никаких следов былых, как уверяют летописи, грандиознейших сражений средневековья на нынешней территории России не найдено: ни в устье Непрядвы, ни в районе Невского побоища, ни в водах Псковского озера — на месте легендарного Ледового сражения.

Все эти события происходили вовсе не у нас. Это подтверждается еще и тем, что лед в раннесредневековые времена, когда нашим народом были одержаны все эти выдающиеся победы, что уже определено доподлинно, сковывал даже и такую южную реку, как Евфрат. Потому и останки как Ледового, так и всех иных нами доблестно выигранных сражений следует искать где-то там — в Междуречье, как утверждает В.В. Макаренко, — на Русском острове — месте возникновения нашей древней Державы, именуемой в былинах — Святая Русь.

Еще раз проследим порядок исхода европейцев из южных стран.

Первыми уходят на север люди, которые наиболее привыкли питаться дарами моря. Но вот, судя по всему, нехватка воды стала досажать и чисто сухопутным израильтянам — коленам полукровок — детям Ваалы и Зельфы, которых постепенно вытесняют отсюда их исконные враги: агаряне и сарацины — дети служанки Агари и Исава, потерявшего свое первородство наследования. Теперь становится более понятной причина столь победоносного шествия ислама в данном регионе. Ведь дети служанок, использующие для своего прокормления лишь примитивное кочевое земледелие, остались в данном регионе противостоять многочисленным незаконным детям Авраама — одни. Потому и ретировались отсюда столь легко.

Расселяются они, в начале, в степях Причерноморья, занимаясь сезонным хлебопашеством. Затем потихоньку перебираются и в Центральную Европу.

А дальнейшее мы уже разобрали.

Но вернемся к России. Названия своих наиболее значительных городов и рек мы перенесли, что и естественно, на новое место своего обитания. Климат на землях Нового Израиля оказался максимально приближен к былинному. Потому в древнейших летописях почти невозможно стало отличить Русь более Древнюю от Руси Древней несколько менее. Эта несурязица и была использована «учеными немцами» в период Петра I – Екатерины II. Что и позволило негроидным детям служанок перетянуть «одеяло» истории на себя.

Но и в нынешних ученых кругах, просто на корню отвергающих возможность Всемирного Потопа, что нынешние саги о мироустроении усвоили достаточно давно, стало невозможным даже и заикаться о произошедшем в древности переносе географических названий.

Но хоть задача эта и тяжела, но вполне решаема. Ведь разобраться в ней помогут как наши летописи, где речь, судя по всему, идет не о Русской равнине, а о Ближнем Востоке, так и сочинения авторов античной древности, где действия также следует перенести в Ближневосточный регион.

Но Гриневич, чьи переводы мы уже упомянули, является не единственным открывателем полной идентичности праславянских текстов письменности той части человечества, которое счастливо избежало вавилонской мутации. Вот какие связи теперь все чаще обнаруживаются и другими исследователями данного вопроса:

«...на протославянских, мало отличающихся друг от друга языках писали представители великих цивилизаций древности: арии Харапп и Мохенджо Даро, шумеры, аккадцы, ассирийцы, эламиты, урарти, угариты, древние персы, минойцы, жители Библа, филистимляне, хетты, древние египтяне, этруски, сикулы, умбры, карфагеняне, арамеи, фригийцы, фракийцы... Эти названия обычно относятся к одним и тем же племенам, часто не признаваемым даже учеными индоевропейцами» [45] (с. 213).

Религиозные корни этих народов крепко связывают их между собой:

«...мировые религии — иудаизм, христианство и ислам — основаны на заупокойных текстах **русов!**» [45] (с. 214).

Именно эти мотивы, возможно, и легли в основу возникновения следующей истории:

«В 1991 году... исследователь Библии Дэвид Педли забросил свою черную сутану и начал восхождение к вершинам государственной власти. Он решил сам создать себе... свою страну! Отставник основал новое государство со своей территорией, своим правительством, своими флагом и гимном, своей религией и даже со своим собственным народом, якобы ведущим родословную от загадочного **праславянского** племени.

Это мини-государство расположено на 3-х прежде необитаемых коралловых атоллах...» [195] (с. 344).

Называется это удивительное государство «The Dominion Melchizedek (Доминион Мелхиседека). А вот кем считают себя его обитатели:

«...приверженцы новой религии отца Педли происходят от древнего и почти вымершего народа — “**русинов**”» [195] (с. 344).

Кем является Мелхиседек?

Первым упомянутым в Библии священником, исповедующим веру в Бога Ноя, Сима, Елама, Асура, Арфаксада, Арама, Луда, Евера, Палека.

Родословная же его, скорее всего, ведется от названия страны, которая была обетована Аврааму и в которой он проживал. Называется эта страна Палестина — то есть *стан* некогда прошедшего здесь многочисленного белого племени сына Евера — *Палека*.

Потому язык у пришедшего сюда Авраама и прекрасно принявшего его местного священника Мелхиседека был один — *праславянский*. Чему, между прочим, вполне соответствует название народа, которому чисто символически было предоставлено гражданство в изобретенной исследователем Библии стране. Этот народ, представляющий собою людей исключительно еврейской национальности, Дэвидом Педли назван *русинами*.

Но какая нация может считать себя этими самыми *русинами*?

На такой вопрос очень несложно ответить, лишь мельком взглянув на некоторые из отрывков нашего наследия — остатков древнерусской литературы, пощаженной временем и русофобами-реформаторами. Например, из жития Стефана Пермского читаем:

«...преподобный отец наш Стефан бы убо родом **русин**, от **языка словеньска**, от страны полунощныя, глаголемыя **Двинския**, от града, нарицаемого **Устюга...**» [141] (с. 185).

Вот что об этом народе сообщает знаток Библии:

«...Педли заявил, что **русины** — потомки колена Мелхиседека, потерянного израильтянами...» [195] (с. 345).

Это говорит о том, что на Западе имеется достаточно солидный пласт информации о нас, который нам пока недоступен. Но это, думается, дело времени.

Но имеются и иные вещественные доказательства принадлежности русского человека к языку=народу Бога Творца.

И все потому, что все чаще появляются люди, не согласные с некогда внушенными нам немцами и их «наукой» мифами о русской истории.

Самым из них первым, почти век спустя после смерти Шишкова и просто колоссальных усилий наших врагов для сокрытия памяти о нем и результатах исследований его академии, был русский исследователь нашего СЛОВА Г.Н. Бренев. В своей книге, изданной в Финляндии в 1934 г., он пишет:

«...ум человека все забыл, потерял... но если ум — дурак, то рефлекс всегда стихийен, бессознателен, гениален, целесообразен и точен. Он в нужных деталях все запомнил, отложил в крови... и в языке. Язык оказался самой лучшей историей; сама редакция языка все рассказывает точно, рисует картины наивных глубин детства человеческого, говорит о великом и героическом прошлом» [115] (с. 167).

«Бренев связал, дав нам нить в прошлое, звук, знак письмен, безусловный рефлекс крови и условный рефлекс-сигнализатор. Расшифровывая эти письмена, Бренев показывает, что “русские совсем не нация изначально, а белый вождь всех цивилизаций, всех территорий..., создавший «энергетическую» мужскую религию Бога Отца, мировой язык и мировую власть”» [115] (с. 167).

Так что раскапываемое нами сегодня, что теперь слишком явственно обнаруживается, ничем особенно новым не выглядит, но лишь является составной частью того, что некогда было обнаружено другими. Обнаружено, но, как это ни покажется странным, тут же и утеряно. А утеряно лишь потому, что вскоре, после публикации своей работы, этот человек силами, препятствующими отысканию людьми Русы Правды о себе, был убит.

Но сами исследования Русского СЛОВА, хоть и погибает при загадочных обстоятельствах очередной его исследователь, все никак не прекращаются вновь. И уже П.П. Орешкин, более полувека спустя, точно так же, как и его предшественник, Г.Н. Бренев, настаивает:

«На истинном научном принципе в дешифровке древних текстов... И он, не зная книги Бренева, изданной в Финляндии в 1934 г. и выплывшей из глубин забвения уже после опубликования его собственной работы, приходит к тому же выводу: “Славянский язык сохранил память тысячелетий, и становится вполне реальным восстановить утерянный смысл многих древних названий...” И, более того: “Все алфавитные системы, где использованы иероглифы, имеют в своей основе единый язык. По своей грамматической структуре и коренному словарному составу — язык этот — древнеславянский”» [115] (с. 167–168).

«Вообще, и Бренев, и Орешкин, не зная работ друг друга [а так же, как это теперь ни покажется вопиюще странным, не зная и даже не догадываясь о произведенных за век до них результатах исследований Российской академии во главе с адмиралом Шишковым — А.М.], расшифровывают одинаково как многие слова, так и древние фрески (например, египетские)» [115] (168).

А ведь история Египта и по сию пору сверяется лишь по некому «древнегреческому», очень возможно, — раннесредневековому эсперанто. Так что сами о нем эти «сведения» либо сильно искажены, вследствие неправильного перевода с нашего древнейшего на

земле наречия, либо просто придуманы в не столь уж и отдаленные от нас времена европейцами. Которые, что выясняется, то ли никогда и не знали своего собственного родства, а то ли преднамеренно все перевернули с ног на голову этими «изысками» по истории в свою личную пользу. Потому об истинном происхождении этой цивилизации белых пятен и по сию пору более чем предостаточно:

«Египет не оставил собственной истории. Единственная дошедшая до нас, хотя и в отрывках, “Египетская история” Манефона написана на греческом языке» [208] (с. 20).

В пользу же здесь некогда проживания, избежавшего Вавилонское столпотворение населения, говорит еще и вот какой факт:

«...стены города Энхаб из кирпича-сырца...» [208] (с. 22).

А ведь:

«Энхаб — по традиции столица верхнеегипетского царства...» [208] (с. 25).

То есть и здесь видны корни именно нашей цивилизации. Так что поиски Бренева и Орешкина подтверждаются теперь и археологическими находками.

Но даже на Западе имеется версия о происхождении языков вполне соответствующая нашим исследователям:

«...и Маршессо говорил в своей книге “Неизвестная история человечества” о едином языке по всей земле... Так, он пишет о едином языке на всей земле во времена цивилизации “Му”, одной из самых процветавших в древности и бывшей прародительницей Атлантиды. Мельком, в одной фразе, он добавляет, что, видимо, из “Му” вышли славяне» [115] (168, 166).

Да, нелегко признавать французу, имеющему главным городом своей страны центр мировой моды, что первородство языка людей планеты следует отнести не к языку его культуртрегерской народности, что тешило бы в том числе и его собственное самолюбие. Но к «недочеловекам», презираемым и ненавидимым фашиствующим Западом. Людям, имеющим дар слова — славянам.

А вот что сообщает о Русской СЛОВЕ два десятилетия кряду проживший у нас во времена Ивана IV и его сына Федора англичанин Джером Горсей:

«...славянский язык — самый обильный и изящный язык в мире...» [462] (с. 51).

На сегодняшний же день, в полной независимости от работ Маршессо, Орешкина и Бренева, появляются новые работы по исследованию нашей старины глубокой. В полной независимости от предыдущих работ появляются расшифровки древнейших текстов планеты, произведенные Г.С. Гриневичем, явно в то время еще не знакомым с трудами своих по переводам рун предшественников. Затем становятся достоянием гласности труды В.В. Макаренко, отыскавшего нашу прародину еще более новым неизведанным доселе путем — через древние летописи и античную литературу.

В обоих случаях результат исследований полностью совпал с результатами работ Маршессо и Орешкина, Российской академии во главе с Шишковым и Бренева. Древняя Русь уже куда как более явственно обнаружила себя в странах Ближнего Востока.

А вот что в дополнение ко всему вышеизложенному добавляет Юрий Петухов:

«История Европы, история Евразии в значительной мере — это история народа русов... Сейчас общественное мнение, находящееся в тенетах “классической” схемы-версии, еще не достаточно готово к восприятию Подлинной истории человечества, которая совершенно однозначно и безвариантно реконструируется лингво-анализом и мифоанализом. Ибо подделать можно любые археологические находки, первоисточники, хроники и т.д., но подделать язык и подделать мифоархаику невозможно. На уровне мифо- и лингвоанализа история становится точной наукой» [386] (с. 273–274).

Серия книг «История Руси: кто мы?» ([70], [72], [73] и [74], а также «Тайные маршруты Древней Руси» [второе издание: дополненное и включающее в себя «Ушкуйники урочища Обираловка» [385]]) доказывают все то же. На этот раз через топонимику и через сопоставление трудов: как историков средневековья, так и историков древности. И даже

имена главных героев истории, известной нам по текстам Ветхого Завета, более чем четко указывают на древнее проживание человека Русы в ближневосточном регионе.

Но вновь: об этих работах в источниках массовой информации полная тишина.

Между тем становится более чем очевидным, что:

«Сегодняшнее катастрофическое положение России объясняется прежде всего тем, что мы проиграли самую главную войну — войну за свою подлинно великую историю и культуру» [115] (с. 173).

Однако ж сама история не закончена. Потому раскрытие русскому человеку Правды еще имеет смысл. Может, рановато еще так отчаиваться и во всеуслышанье объявлять о своем в этой войне бездарном и безнадежном поражении? Ведь поражение — это, в конечном итоге, смерть: то ли от пули китайского или американского солдата; то ли от ножа накинувшихся скопом на вас и вашу семью гастарбайтеров, которых с каждым днем в русских городах и селеньях зловеще становится все больше и больше. И не думайте, что если вы даже станете на колени, победители будут вас щадить. Зачем им это совершенно для них несвойственное человеколюбие? Им нужна ваша земля и ее недра — вы им, то есть ваша личная жизнь, совершенно без надобности. Ведь даже в качестве раба он предпочтет того, кто меньше ест. То есть человека из Юго-Восточной Азии. Потому о поражении, если хотите жить, не то что голосить, но и заикаться не следует. Но только о победе.

Но вот о том, как ее достигнуть, и повествуют тома серии СЛОВО, являющиеся собраниями людской многовековой мудрости вовсе не для пораженцев (не мечите бисер перед свиньями), но лишь исключительно для победителей: имеющий уши, да слышит.

Ведь мы определили самую главную в этом сражении за наше Слово воплощенное точку отсчета истории Божьего народа: от Адама, Евы и Сифа; от Ноя (Ксисутроса), Иафета, Сима, Хама и Ханаана; от Иакова-Израиля и его семейства (всего 21 имя). Но и вообще все центральные имена Священного Писания — более чем наши. Ведь нигде они так и не одомашнились, как у нас. Петр нигде в иных странах не стал, как у нас, Петей, а Павел Пашей. Мария не стала Машенькой из «Трех медведей», а Марфа — Марфушенькой душенькой из «Морозко». А библейские имена у нас и по сию пору носит большинство. Ведь как Петр и Павел, верховные апостолы Церкви Христовой, так и Андрей, бывший среди апостолов первозванным, среди русских людей пользуются безпримерной популярностью, что и связано с ношением многих наших соотечественников их имен. А уж за Иоаннов, то есть Иоанна Крестителя и Иоанна Богослова, здесь и говорить не приходится — нас именуют страной Иванов, где Иванов — наиболее часто повторяющаяся фамилия. Так что и по этому показателю именно мы являемся тем самым народом, который следует именовать библейским — Божьим народом. Но и сами в огромнейшем количестве нами используемые библейские имена, что доказывают и почти у всех из них имеющиеся ласкательные формы, нами используются явно с очень давних времен, что также подтверждает все выше уже сказанное. Перечислим их: Петя (апостол Петр), Паша (апостол Павел), Андрюша (Андрей Первозванный), Саша (Александр Македонский), Сёма (Симеон Богоприимец), Давыд (Царь Давид), Сева (первоначальное имя Сифа), Ильюша (Илья пророк), Матвей (евангелист Матфей), Лукьян (Евангелист Лука), Ерема (пророк Иеремия), Миша (Михаил Архангел), Коля (Николай Угодник), Филиппок (апостол Филипп), Юра=Гюрга=Егор=Егорий (Георгий Победоносец), Яша (Иаков-Израиль), Ваня (Иоанн Предтеча, Иоанн Богослов), Нафаня (евангельский Нафанаил), Фома (апостол Фома), Гаврила (Архангел Гавриил), Данила (Даниил пророк), Захар (ветхозаветный пророк Захария), Машенька из «Трех медведей» (Мария — Богородица), Аннушка-Анюта (Анна Пророчица), Марфушенька душенька из «Морозко» (евангельская Марфа). Персонажи Апостола: Тимофей (Тимоша), Стефан (Степа), Димас (Дима, Дмитрий), Карп (Карпуша), Прохор (Прошка), Стефан (Степа; Степанида), Ермоген (Гермоген), Аристарх, Архип, Андроник, Антип, Онисим, Никанор, Трофим, Клавдий (Клава).

Но и сами страны ближневосточного региона свои наименования имеют в полной зависимости от нашего корнеслова: Сирия (Северия), Палестина (стан Палека [Палех-стан]), Самария (сама Ра), Галилея (от: галлы Лии), Ассирия (Ассур-Русса=Россия), Малая Азия (Малороссия), Вавилония (Бабилон=бабье лоно — город Немрода — родоначальника немых). Но и на нашей нынешней территории имеются термины, совпадающие с ближневосточной топонимикой: Палек=Палех, Валаам (пророк)=Валаам (остров), Нево (гора и город)=Нево (море-озеро), Урал=Ур ал (красный Ур), Алдан=ал дан (красный дан). Вновь отправляемся на Ближний Восток. И вновь не ощущаем это место нам чужим: Иерусалим (Ие Руса лим), Петра (Кифа=Киев), Наблус (нав улус=Новгород), Скифополь (второй по величине город в дохристианской Палестине), Дамаск (дае моски). Где-то здесь должна быть расположена и та древнерусская Белокаменная (ведь на Русской равнине Москва до самого построения кирпичного Кремля продолжала оставаться деревянной) — Москва (моски вае). Имя как Бога Отца (Руса), так и Бога Сына (Ие с уст Крест осьм) звучат более чем осмысленно исключительно на Слове, Которое, как получается (а иначе полное во всем и вся белиберда) и было в начале. Но и отвлеченные наименования Бога как Савваоф (Бог субботы — седьмого дня недели) и Иегова (Ие голова — Ра — солнце на востоке [от чего и наименование нашего государства — Ра сия (это Ра = Ра Ие — место, куда изначально, то есть от самого своего рождения, столь настойчиво стремится попасть русский человек)]), звучат осмысленно лишь на нашем СЛОВЕ. Дополнительные топонимы, используемые в проведенном нами (с вами) расследовании (вы такие же в нем участники [надеюсь], как и ваш покорный слуга) в качестве вспомогательных терминов: Иуда ис Кариот, Голгофа (лысая голова), Исав (ис ав — из собак), Идумея (Едуния), сарацины (Сарры сыны), Сарматы (Сарра мати), Немрод (родоначальник немых), Моисей (мой сей), Евер (Ие вер) и т.д. Тому подтверждением и климат, что отмечают и все древние источники, в те времена на Ближнем Востоке и в Африке несколько иной (гора, которая сверкает; отрезанная льдом голова Саломии; замерзающий зимой Евфрат; проходящая по хребту Тавра Гиперборей). Подтверждают верность избранного решения «русской проблемы» вообще все: и горы (Сион=Сиян=Саян; Фавор=Тавор=Таурус=тау Руса), и реки Иордан (Ие род дан), и тайной враждей против Святой Руси на берегах этой реки созданной язычествующими организации — орда=орден.

А припомним-ка теперь странности несовпадения в летописных рассказах упоминаемым в них деталей принадлежности к определенной местности лучше иных произрастающих культур, лучше иных содержащихся за возможностью легких кормов животных. Рассказы, например, об охоте на Руси на пардуса — пантеру, тигра или леопарда, которых на нашей нынешней территории никогда не водилось. Упоминание в Русской Правде о быках — животных, на которых уже на нашей нынешней территории не пахали никогда. Но в употреблении на нашей нынешней территории, богатой на сено, была уже лошадь. Однако ж и про посев гречихи в летописях не упоминается. И все по тому же — она в Сиро-Палестинском регионе никогда не росла. У нас же, в Подмосковье, — это самая продуктивная культура. А еще в летописях и житиях святых имеются рассказы о каких-то непроходимых горах, на которые уже в нашем регионе, на Русской равнине, нет сегодня и самого малого намека.

А вот и еще очередной и такой же просто железный аргумент произведенной косноязычными хананеями фальсификации по перетягиванию ими одеяла истории на себя. И связан он, на этот раз, с присвоением этими картавыми вавилонскими мутантами себе слов с совершенно не свойственным их произношению звуком — **Р**: **Абрам**, **Сарра**, **Иерусалим**, **Израиль**. И даже именовать себя еврейями у хананеев не слишком получается. Хоть никто не будет оспаривать и того факта, что *врут* они не только *Ие*, но и всему остальному миру, заглотившему предоставленную ими ложную версию как об этого мира происхождении, так и о происхождении их же самих.

Но и не только само умение произносить буквы, но и за счет аккурат этого же и имеющаяся возможность прибавлять к древним еще и новые слова, этих слов в нашем языке, не подвергнувшись искажению мутантами, существует такое множество, какое ничем иным, как древностью этого наречия, доказать и не возможно.

А слов в нашем хотя бы новом наречии, так называемом «языке Пушкина», в 4,5 раза больше, чем в языке того же Шекспира. И это вовсе неспроста. Ведь лишь мы одни произносим как сейчас, так произносили и много ранее все звуки человеческой речи. Только наши предки обладали полностью развитым голосовым аппаратом:

«удлиненная глотка непосредственно над голосовыми связками и гибкость языка, что давало возможность оформлять и издавать четкие звуки, гораздо более разнообразные, чем те, которые были доступны ранним людям» [387].

То есть, расшифруем мудреную фразу в свете нами разобранного, мутантам, прошедшим через инициацию Вавилонского капища.

В хананейском же, чьи хамы-предки прошли через самое жерло преобразившего людей чуть ли ни в свиней Столпотворения, так и вообще самих букв, оставленных им для общения, вдвое меньше. Потому даже Шекспира на это косноязычное наречие как следует не переведешь. Что говорить о Гоголе или Достоевском? А если собрать все наши старые и новые слова воедино, то они будут равны вообще всем словам на всех языках мира вместе взятым! Неужели же и этот факт так никого ничему и не вразумит?

Вразумит. И все потому, что мы вовсе не являемся той страной недочеловеков, какой нас разрисовала нынешняя историософическая пропаганда. А потому — будущее за нами.

Но что же в сложившейся всеобщей безрадостной ситуации, когда нас выкашивают враги в мирное время по несколько миллионов в год, а земли наши переселяют инородцами, нам остается делать?

Здесь главным является выяснить оружие, которое против нас сегодня использует враг. А сегодня, так как новым всегда является хорошо забытое старое, враг пользуется рецептом против нас, который в свое время записал для себя еще главный наш ненавистник XIX века — Отто фон Бисмарк, который сообщает:

«Русских невозможно победить, мы убедились в этом за сотни лет. Но русским можно привить ложные ценности, и тогда они победят сами себя!» [390] (с. 287).

К сегодняшнему дню результаты этой их подпитанной миллиардными вливаниями финансовых средств работы видны особенно остро. Под лозунгом демократии и всеобщего замирения нас разоружили и ввели к нам в дом миллионы волков. И мы, ослепленные ложью пропаганды о якобы полной к нам лояльности переселяющих наши земли инородцев, не бьем тревогу лишь потому, что все эти волки пока выражены в овечьи шкурки гастарбайтеров и мирных каких-то таких чуть ли ни временных поселенцев, дружно скупающих наши земли и оттесняющих нас на задний план: выселяющих нас на задворки наших городов и выживающих нас из веками обжитых нами деревень. Однако ж все явственнее просвечивается одна прописная истина: временными здесь жителями, если так и не осознаем всей вопиющей взрывоопасности сложившейся на сегодня ситуации, в скором времени окажутся вовсе не гастарбайтеры, заполонившие собой наши города и веси, но мы сами. И все потому, что из нашей Русской истории все подобного же рода уже ни единожды имевшие место периодические подселения к нам этих ряженных волчков кто-то старательно повыскоблил.

А потому становится понятным, что лишь тогда мы сможем адекватно отреагировать на угрозу, когда увидим, что подобного рода опасность уже когда-то была. И именно она явилась причиной смерти той или иной части Русской Земли, ранее простирающейся на совершенно теперь выглядящие фантастическими расстояния: от Исландии на севере и до озера Виктория на юге, и от Португалии на западе и до страны восходящего солнца на востоке. И нам хорошо всегда было известно — каким же это образом Япония и Китай достались монголоидам, а Африка и Палестина неграм. А также — каким же это образом белый континент, имеющий еще в период раннего средневековья лишь славяноязычное

население, за что и именовался арабами Аруша, на сегодня на половину переселен монголоидноговорящим и на половину картавым конгломератом каких-то странных людей, столь странным образом себялюбивыми и беспощадно настроенными исключительно лишь к нам — к славянорусам.

Потому враги, в лице того же Бисмарка и ему наследующих западных политиканов, всегда боролись и борются, в первую очередь, именно с нашей памятью, хорошенько знающей своих врагов в лицо. Потому-то и столь тернист путь тех, кто пытается ее отыскать — многим не удастся дожить до придания гласности своих открытий. Но именно нашей памяти вновь обретение и является спасением человека, против которого и ведется, не затухая ни на минуту, эта информационная война, всегда пытающаяся подставить под удар кинжалом его незащищенную спину.

Вот что на эту тему сообщает, например, маститый политолог Татьяна Грачева:

«...память — главная мишень для уничтожения в развернувшейся информационной и психологической войне против русского народа... Для нас сейчас русская история должна стать главным полем брани. Мы должны отбить ее у противника...» [259] (с. 257).

Юрий Петухов:

«Тем более что все тот же средиземноморский центр, теперь уже опираясь не только на новоевропейских, но и на заокеанских варваров, продолжает инициировать продвижение на восток, подавление славян до полного их исчезновения» [386] (с. 293)

Потому сегодня, когда русский народ стоит уже на грани его физического уничтожения, важно подойти к вопросам исторической памяти особенно ответственно. Ведь:

Предать память предков — значит предать Родину и свой народ.

Возродить эту память — значит возродить свой народ к спасению и победе»

[259] (с. 258).

И никаких нейтральных людей в этой битве, когда в наше «мирное» время ежегодно мы уменьшаем на несколько миллионов человек, быть просто не может. Отечество не просто в опасности. Оно гибнет. Потому никаких сомневающихся в борьбе за нашу память, которой нас пытаются лишить насовсем, быть не может. Ведь сегодняшние баррикады, воздвигнутые врагами на руинах подножия Престола Господня, не имеют нейтральной стороны:

«Кто не со Мною, тот против Меня; и кто не собирает со Мною, тот расточает» [Мф 12, 30].

Оглавление

Отзвуки сражения за СЛОВО.....	101
Пряха из Лецкан.....	108
Триполье.....	114
Пеласги.....	117
Этрусски.....	140
Огненное яйцо Авро Наво.....	157

Протоиндийцы.....	174
Древнейшая на земле.....	180
Русский след в земле обетованной.....	192
Библиография.....	218